МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

К.В. Бабаев
С.Г. Лузянин

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Восточноазиатский вектор России (2014–2024)

Москва
2024

УДК 327(470+5-012)
ББК 66(4)(2Рос)
Б12

Утверждено к печати
Ученым советом Института Китая и современной Азии РАН

Рецензенты:
д.п.н., к.ю.н., акад. РАН проф. А.В. Торкунов
д.и.н., акад. РАН проф. А.А. Кокошин

Ответственный редактор
д.и.н., проф. С.А. Караганов

Бабаев К.В., Лузянин С.Г.

Поворот на Восток : восточноазиатский вектор России (2014–2024) : монография / К.В. Бабаев, С.Г. Лузянин; отв. ред. С.А. Караганов; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: Российская академия наук, 2024. – с. 256 – ISBN 978-5-907645-01-1

В монографии представлена характеристика главной тенденции современной российской внешней и внешнеэкономической политики, чаще всего называемой «поворотом на Восток». Книга раскрывает историческую ретроспективу баланса восточного и западного векторов в политике России, их роль в цивилизационном развитии нашей страны. Анализируются аспекты восточноазиатской и евразийской современной политики России в сфере международных отношений, экономики и бизнеса, гуманитарных связей со странами Восточной Азии. В рамках разработанной ведущими российскими учеными концепции «поворота» анализируются ключевые евразийские интеграционные проекты, проблемы сопряжения ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь», взаимодействие с государствами Северо-Восточной (Китаем, Монголией, Кореей, Японией) и Юго-Восточной Азии (Индонезией, Вьетнамом, Мьянмой, Таиландом и др.), включая прогнозы на кратко- и среднесрочную перспективы.

Особое внимание уделено изучению китайского фактора в контексте развития российской политики в Восточной Азии, специфике его влияния и перспективам. Даются выводы и практические рекомендации для повышения эффективности российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности.

Книга носит экспертно-аналитический характер, рассчитана как на ученых-востоковедов, дипломатов и представителей бизнеса, так и на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся проблемами современной внешней политики России.

ISBN 978-5-907645-01-1
© Бабаев К.В., Лузянин С.Г., 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

Kirill Babaev,
Sergei Luzyanin

PIVOT TO THE EAST:

Russia's East Asian Vector (2014–2024)

Moscow
2024

Kirill Babaev, Sergei Luzyanin. Pivot to the East: Russia's East Asian Vector (2014-2024)

The book presents a detailed analysis of the main trend of contemporary foregn policy of Russia, which is often called "the Pivot to the East". The work gives a historical retrospective of the balance between Western and Eastern directions of Russia's external policy, their role in the development of the Russian civilisation. Aspects of Asian and Eurasian policy of today's Russia in international relations, economy and business, cultural ties with East Asian countries. Within the concept of "the pivot to the East" proposed by leading Russian scholars, some key Eurasian integration projects are examined. The book also delves into the issues of the potential conjunction between the Eurasian Economic Union and the Chinese "Belt and Road" initiative, cooperation with East Asian (China, Mongolia, Korea, Japan) and ASEAN countries, including short and mid-term forecasts.

A special focus is made on the study of the Chinese factor, its role and perspective in the context of the Russian Asian policy. Conclusions and practical advice are given for increading the efficiency of the Russian foreign policy and foreign economic activities.

The book is an expert analysis written for both professionals (scholars, diplomats, businesspeople) and the broad audience interested in the issues of the contemporary foreign policy of the Russian Federation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ответственного редактора 6

ВВЕДЕНИЕ 8

ГЛАВА 1.
РОССИЯ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ 11

1.1. «Поворот на Восток» в исторической ретроспективе 11
1.2. Глобальные факторы «поворота на Восток» в 2022–2023 гг. .. 22
1.3. «Поворот на Восток» в современной российской политике 25
1.4. Развитие Большой Сибири в контексте «поворота на Восток» .. 29
1.5. Евразийское измерение «восточного поворота» 37
1.6. ШОС как фактор евразийской интеграции 44
1.7. ЕАЭС в контексте «поворота на Восток» 48
1.8. Задачи «восточного поворота» России 55
1.9. Экспертные исследования в области «поворота на Восток» и евразийской политики в России и КНР 60

ГЛАВА 2.
РОССИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ 68

2.1. Китайская стратегия современной России 68
2.2. Дальневосточный фактор в российско-китайском сотрудничестве 91
2.3. Япония и Россия: от сдержанного диалога к напряженности 100
2.4. Корейский полуостров в российской политике: глобальные, региональные и двусторонние аспекты 121
2.5. Возможности и пути возвращения России в Монголию 141

ГЛАВА 3.
РОССИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ 160

3.1. Россия – АСЕАН: резервы, перспективы и внешние факторы влияний (ИТР, ЕАЭС, КНР, США, ЕС) 160
3.2. Приоритеты двусторонних моделей отношений со странами АСЕАН 183
3.2.1. Вьетнам 183
3.2.2. Индонезия 191
3.2.3. Филиппины 197
3.2.4. Мьянма 200
3.2.5. Сингапур 204
3.2.6. Таиланд 208
3.2.7. Малайзия 212
3.2.8. Камбоджа 219
3.2.9. Лаос 224

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 230

Список использованных источников и литературы 237

Сведения об авторах 255

Предисловие ответственного редактора

Эту книгу было легко и приятно редактировать. Она – редкое сочетание отличной фундированности, легкости изложения, историзма – авторы талантливо двигаются из глубины веков в день сегодняшний и обратно. В монографии содержится немало глубоких и свежих идей, трактовка истории русского взаимодействия с Востоком. Хорош прием авторов – описание, часто новаторское, маятникового движения древней Руси, Российской империи, СССР, Российской Федерации от Востока к Западу и обратно.

На основе этой книги будет написано немало курсовых работ, магистерских и кандидатских диссертаций. Необходима она и всем русским – русским русским, русским татарам, русским чеченцам, бурятам, якутам, далее по списку – всем нам, ищущим и находящим старую, современную и нацеленную в будущий мир идентичность России.

Теперь о том, что я бы добавил в развитие изложенного. Это, конечно, недавно узнанный мной, но не известный подавляющему большинству замечательный и волнующий штрих: первым русским сибиряком, и это доказано в ряде исторических работ, был святой благоверный князь Александр Невский. Все знают, что он ездил за ярлыком в Сарай, столицу Золотой Орды, к хану Батыю. Подружился с ним и его сыном Сартаком. И потом не раз в борьбе с захватчиками с Запада привлекал монголов, которые не угрожали русской идентичности и православию. Но почти никто не знает, что Батый посылал князя Александра в Каракорум, столицу величайшей в мировой истории Монгольской империи. По дороге князь и его сопровождение прошли через нынешнюю Центральную Азию и Южную Сибирь. В Каракоруме князь получил ярлык более высокого уровня. И самое интересное – одновременно в столице почти наверняка находился претендент на титул великого хана Хубилай, известный нам по книге Марко Поло. Через десятилетие Хубилай стал великим ханом, императором Китая – не только его завоевателем, но и объединителем, основателем династии Юань. История не сохранила свидетельств встреч князя

Александра и хана Хубилая, но, вероятно, они виделись. Так что не только российская сибирская история имеет гораздо более глубокие корни, чем это принято считать, но и российско-китайские отношения.

Пойдя вслед за Ермаком массово в Сибирь, осваивая ее богатства, Россия получила ресурсы для того, чтобы выстоять на Среднерусской равнине, сохранить свою самобытность. Стала великой империей, одной из ведущих европейских держав. И на время подзабыла свои азиатские корни. А ведь политически Россия всегда была азиатской державой. Просто постпетровская элита стеснялась этого.

С конца 2000-х интеллектуально и с начала 2010-х годов политически и экономически страна начала восточный поворот. Он многое дал. Но был лишь частично успешным.

Сейчас на наших глазах начинается новый тур восточного поворота России. Он должен быть именно всероссийским. Центр духовного, политического, экономического развития страны остро необходимо двигать к Уралу и Зауралью не только через Дальний Восток и Арктику, но и делая упор на самые перспективные и богатые не только ресурсами и промышленностью, но и человеческим капиталом Восточную и Западную Сибирь. Нужна «сибиризация» всей России. Страна ждет новой столыпинской политики. Остро нужна и третья, сибирская столица нашей страны.

Предстоит разрабатывать и претворять в жизнь этот новый, уже стратегический тур восточного движения страны от давшего немало, прежде всего величайшую литературу, но затянувшегося и уходящего в прошлое трехсотлетнего европейского путешествия.

И книга бывшего и нынешнего директоров Института Дальнего Востока, ныне Института Китая и современной Азии РАН, закладывает надежную научную основу для этого движения.

С.А. Караганов
Научный руководитель факультета
мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,
почетный председатель Совета
по внешней и оборонной политике (СВОП),
доктор исторических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

После нескольких веков западной внешнеполитической ориентации Россия возвращается на Восток, ребалансируя два извечных вектора своей политики. Как великая евразийская держава, провозгласившая себя государством-цивилизацией, Россия формирует новые смыслы для Евразии и всего мира и стремительно мобилизует свои ресурсы для практического осуществления новой восточной стратегии. Эта главная тенденция современной российской внешней политики способна за короткое время существенно изменить не только нашу страну, но и всю геополитику, сформировать новую систему международных отношений. Как и сто лет назад, после 1917 г., Россия становится эпицентром тектонических изменений в мировой политике, экономике, общественных отношениях, бросая вызов пятисотлетнему доминированию западноевропейского мира – не только на полях Украины, но и в сфере ценностей и принципов человеческой цивилизации.

Анализировать исторические события бывает весьма сложно. Еще сложнее анализировать эпохальные явления, которые стартовали и развиваются на наших глазах. Однако всё говорит о том, что, несмотря на скепсис части российского общества, начавшийся «поворот на Восток» – тенденция долгосрочная и вряд ли прекратится в ближайшие годы. Это диктует вся логика процессов, происходящих в сегодняшнем меняющемся мире: и постепенная утрата Западом авторитета и морального лидерства в большинстве стран развивающегося мира, и непрерывный рост удельного веса Китая, Индии и других восточных стран в мировой экономике,

и идеологические, смысловые противоречия между Западом и мировым большинством, которые вряд ли исчезнут даже после завершения украинского кризиса и будут лишь нарастать. «Закат Европы», предсказанный в 1922 г. Освальдом Шпенглером, занял ровно столетие и завершился в 2022 г., на смену ему приходит тенденция «восхода Востока». Триста лет введенная в Европу рукой Петра Великого Россия росла с опорой на европейские достижения и технологии, но Европа состарилась и замедлилась, и сегодня у нас есть уникальный шанс получить новый великий импульс в развитии от сотрудничества с молодой, динамично растущей Азией.

В Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г. в числе приоритетных направлений после ближнего зарубежья и Арктики обозначено Большое Евразийское партнерство, включая развитие отношений с Китаем, Индией, Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), углубление партнерства со странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)[1]. Этот вектор и есть точка отсчета для «поворота на Восток». Однако для каждого из нас он происходит по-своему. Сегодня сотни российских бизнесменов ежемесячно устанавливают новые партнерские отношения на рынках Китая, Индии, регистрируют компании в Гонконге и Дубае. Университеты России один за другим запускают образовательные программы по экономике, культуре, праву Китая и стран АСЕАН. Молодежная спортивная команда впервые едет на соревнования в Чунцин и обретает новых друзей, с удивлением открывая для себя китайское кино или корейскую поп-музыку. Для одного из авторов этой книги «поворот на Восток» произошел в день назначения на пост директора Института Дальнего Востока – ведущего научно-аналитического центра китаеведения в России, ныне принявшего заслуженное имя Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН). Наша страна разворачивается лицом к Востоку вме-

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 01.02.2024).

сте с каждым из нас, и это не утрата старых ценностей, а обретение новых. Мы расширяем горизонты своего сознания, своих знаний о мире. В конце концов, у российского орла две головы, так пусть они будут одинакового размера.

Несмотря на большое число публикаций, посвященных международным отношениям в Восточной Азии, фундаментальных монографий по анализу российского «восточного поворота» пока не издано. Слабоизученным остается вопрос комплексного исследования российской внешней политики в плане ее трансформации в течение последнего десятилетия, особенно двух последних лет. Настоящая работа содержит такой анализ взаимоотношений России с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии, а также делает попытку спрогнозировать развитие восточной политики нашей страны в кратко- и среднесрочной перспективе. Мы бы хотели ответить на следующие вопросы: какие цели и задачи ставит перед собой «восточный поворот»; по каким направлениям он развивается и будет развиваться; какие препятствия и вызовы стоят сегодня перед восточной политикой России и каковы инструменты, при помощи которых эти вызовы неизбежно будут побеждены.

В предлагаемом исследовании использованы новейшие экспертно-аналитические разработки ИКСА РАН, Московского государственного института (университета) международных отношений (МГИМО) МИД России и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), работающих в рамках консорциума, созданного в 2022 г. Мы обращаемся также к работам других ведущих научно-образовательных и исследовательских центров России и стран Азии.

Книга позволяет полно и объективно представить расстановку сил в регионе в настоящее время и на перспективу, сформулировать выводы и экспертные рекомендации российским ведомствам для усиления эффективности восточноазиатской политики и быстрой адаптации отдельных ее сегментов к радикально меняющейся международной политической обстановке.

ГЛАВА 1.
РОССИЯ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ

1.1. «Поворот на Восток» в исторической ретроспективе

Будучи великой евразийской цивилизацией, Россия в течение всей своей 1200-летней истории выстраивала и перестраивала баланс между азиатским и европейским векторами своей внешнеполитической ориентации. Это происходило как по естественным, объективным причинам, так и субъективно, вынужденно – в зависимости от создавшихся внешних обстоятельств. Постоянная калибровка центра тяжести российской внешней политики между Европой и Азией всегда являлась и, несомненно, будет являться ее особенностью, отличительной характеристикой, которая вызвана географическим положением России на стыке двух континентов – Европы и Азии, двух великих цивилизационных кластеров – Запада и Востока, двух макрорегионов – «глобального Севера» и «глобального Юга». Однако эта калибровка, происходящая и в начале XXI в., никогда не выглядела тотальным «поворотом» от одного полюса к другому, так как Россия никогда не отказывалась ни от одного из магистральных направлений своей внешней политики. В этом смысле термин «поворот» не стоит воспринимать буквально как разрыв с европейским прошлым и будущим России.

Причин, заставлявших российское государство, по образному выражению Владимира Путина, «разворачивать свои паруса» с Запада на Восток и обратно, можно выделить несколько. Это причины политического, экономического и

технологического характера, действовавшие всегда в совокупности. В течение многих веков Россия ориентировалась в своем развитии на наиболее передовые для своего времени государства Евразии – как с точки зрения политического могущества, так и с позиции экономического и технологического лидерства. Географическая позиция дает России уникальную возможность использовать силу и слабость различных цивилизаций Евразии для собственного усиления и развития.

Зародившись на восточных рубежах европейского цивилизационного ареала, Древнерусское государство IX в. уже было в определенной степени продуктом как европейской культуры, так и цивилизации Великой Степи, азиатской по своему происхождению. В то время как народы Севера Руси (в первую очередь ильменские словене, вплотную подошедшие к созданию государственности к середине IX в.) были связаны торговыми и политическими отношениями с германскими (прежде всего скандинавскими) и балтийскими народами, их южные соплеменники – поляне, бужане, дреговичи и др. – в течение длительного времени были данниками тюркоязычных скотоводов Великой Степи – Аварского, а затем Хазарского каганатов. Уже к принятой в российской историографии дате зарождения государства (862 г.) Русь могла бы принять в качестве государственного герба двуглавого орла: ведь, с одной стороны, Древнерусское государство формировалось при участии скандинавских дружин и варяжской княжеской династии, а с другой – в тесном экономическом и политическом взаимодействии с Хазарским каганатом и Византией, двумя восточноевропейскими гегемонами того времени.

Русское государство создавалось на маршрутах наиболее интенсивных путей торгового взаимодействия между Северной и Западной Европой, с одной стороны, и Ближним и Средним Востоком – с другой. Пути «из варяг в греки» и «из варяг в хазары», проходившие по Волхову, Днепру и Волге, позволили создать экономический фундамент становления государства и стали одной из основ его быстрого роста

и процветания в IX–XI вв. А Новгород и Киев, два центра Древней Руси, выросли прежде всего как важнейшие центры транзитной торговли.

Византийская империя, разумеется, являлась продуктом европейской, античной цивилизации, однако в своем государственном устройстве и идеологии взяла немало от эллинистических государств Ближнего Востока, в том числе во многом и принципы государственного устройства. Именно Византия стала в 911 г. первым государством, официально подписавшим договор с Древнерусским государством, тем самым обеспечив его международное дипломатическое признание. Именно Константинополь стал фокусом первого в нашей истории «поворота» Руси – с Запада на Восток, произошедшего в конце X в. с принятием христианства великим князем Владимиром Старым.

Но, несмотря на то что с этого периода и на последующие 250 лет главным политическим, культурным, цивилизационным ориентиром для Руси становится евразийская Византийская империя, связи Киева с европейскими государствами не ослабевали. Как известно, варяги оставались важнейшим источником пополнения вооруженных сил Киевской Руси по меньшей мере до середины XI в., а торговля со скандинавскими королевствами, оформившими свою государственность и принявшими христианство примерно в то же время, что и Русь, продолжала интенсивно развиваться и не прерывалась даже после распада Древнерусского государства и монгольского нашествия. Русь продолжала взаимодействовать со своими западными соседями и, став в конце X в. крупнейшим европейским государством, заняла одно из лидерских мест в европейской политике. Великий князь Владимир был женат на «чехине», его сын Святополк в своей борьбе за власть опирался на союз с Польшей, другой, более удачливый сын Ярослав женил своих сыновей на европейских принцессах, а дочерей выдал замуж за французского, венгерского и норвежского королей. При этом на рынках Руси обращались в ту эпоху как арабские дирхемы, так и германские денарии и византийские милиарисии – причем настолько интенсивно, что

великие князья не имели особой надобности в собственной монетной чеканке, а эксперимент с выпуском первых русских монет в X–XI вв. был довольно быстро прекращен.

С X по XIII в., после разгрома великим князем Святославом Хазарского каганата, на степных восточных границах Руси образовался вакуум власти: здесь больше не было ни одного крупного государства. Устранение поволжского соперника сыграло с Русью злую шутку – оно позволило степным народам волнами мигрировать на запад, оседая в южнорусских степях и создавая постоянные угрозы Киеву. И если с уграми, торками, печенегами и половцами Русь смогла справиться, то с распадом государства на удельные княжества противостоять кочевникам стало существенно сложнее.

Политический ландшафт Восточной Европы полностью изменился с появлением в Азии крупнейшей державы Средневековья – Монгольского государства. С середины XIII в., после включения в орбиту Золотой Орды, Древняя Русь была вынуждена переориентировать центр тяжести своих политических и внешнеэкономических отношений на Восток. Основной причиной была субъективная: после нашествий 1237–1240 гг. монголы получили политический контроль над большинством русских княжеств в качестве данников. Если в XII в. «царем» на Руси называли исключительно византийского императора, то уже в следующем столетии этот титул в русских документах в основном закрепляется за ханом Золотой Орды, что было важно для русского политического сознания, потому что термин «царь» воспринимался как титул единственного верховного покровителя русских князей.

С другой стороны, объективными причинами для восточной ориентации Руси стали экономика и технология. К концу XIII в. Монгольская держава стала наиболее могущественным государством Евразии, взявшим под контроль торговые пути между Дальним и Ближним Востоком, Европой и Азией, а также крупнейшую экономику мира – Китай. По оценкам исследователей, в XIII в. доля Азиатского

континента в мировом ВВП достигала 70%[1]. Единое экономическое пространство от Черного до Желтого моря, стабильность и жесткие порядки на территории государств наследников Чингисхана привели к интенсивному развитию и экономики монгольской ойкумены, и евразийской торговли. После разорения Евразии монголами наступил период быстрого, интенсивного роста. Это была эпоха, когда, по выражению хронистов того времени, «девушка с золотым кувшином на голове могла пройти в одиночестве» от Ханбалыка до Киева, сохранив и золото, и невинность. Торговые отношения с Монгольской державой и через нее с другими государствами Востока существенно обогащали Русь, во многом способствуя расцвету крупнейшего торгового центра страны – Новгорода – и выводя на первый план новые растущие торговые города на Волге и Оке – Тверь, Рязань, Москву. Монгольское государство обладало передовыми для своего времени технологиями военного дела и государственного управления: достаточно сказать, что порох и артиллерию, почтовое сообщение и денежную систему (как и само слово «деньги») Русь заимствовала именно от монголов.

В то время как большинство стран Европы в XII–XV вв. переживали периоды бесконечных феодальных войн, технологической стагнации и упадка центральной власти, а Византия стремительно теряла земли, престиж и экономическое могущество под ударами сельджуков и крестоносцев, Золотая Орда вплоть до середины XV в. (и даже в период «великой замятни» – смуты середины XIV в.) оставалась жестким централизованным государством со стабильной экономикой – примером государственного устройства, на который ориентировались русские князья в своем стремлении к объединению страны. Не сильно затронул Золотую Орду и Русь глубокий экономический кризис XIV в., поразивший Европу в результате перенаселения, климатических изменений и невиданной эпидемии чумы. Ориентация на Запад в те века могла сделать Русь лишь слабее, в то время как опора

[1] 2,000 years of economic history in one chart. 08.09.2017. URL: https://www.visualcapitalist.com/2000-years-economic-history-one-chart/ (accessed: 17.03.2024)

на восточный вектор стала наиболее верным решением, позволившим Ивану Великому уже к концу XV – началу XVI в. создать новое сильное Российское государство.

Но и здесь сложно говорить о «повороте»: целый ряд русских государств, прежде всего Новгородская земля, Псковское княжество, Галицко-Волынское княжество, и после XIII в. продолжали в своей политике и экономике ориентироваться на Центральную Европу. Некоторые из них попали в вассальную зависимость от усилившегося Великого княжества Литовского и Польши, в результате чего в XIV в. целый ряд русских земель был аннексирован западными соседями – на такой шаг не решалась даже Золотая Орда. Между Ордой и Литвой в XIV–XV вв. вполне успешно балансировали два крупнейших русских государства – Москва и Новгород.

По сути, именно эти два центра русских земель стали двумя головами российского орла к середине XV в. Историки часто сравнивают государственное устройство Новгородской земли и Великого княжества Московского как примеры «европейского» и «восточного» типа государственно-правовых систем на Руси. В то время как Новгород являлся классическим примером аристократической республики, схожей с Венецией или торговыми городами Ганзейского союза, Москва в своем государственном строительстве с эпохи великого князя Ивана Даниловича Калиты (1325–1340) ориентировалась на Золотую Орду с ее жесткой единоличной верховной властью и сильным, милитаризованным бюрократическим аппаратом. История отчетливо продемонстрировала, какая модель оказалась более жизнеспособной: для покорения Великого Новгорода достаточно стало одной лишь битвы на р. Шелонь (1471). К началу XVI в. на Руси оставалось лишь два формально независимых удельных владения – Псков и Рязань, оба в качестве вассалов Москвы.

Верный принципу «единственного царя» для всей Руси, великий князь Иван III после победы над Большой Ордой стал указывать этот титул в своих официальных документах, показывая тем самым преемственность власти не только на

русских землях, но и на землях Орды. Фактически «государь всея Руси» как сильнейший правитель на землях распавшейся Золотой Орды предъявил, таким образом, претензии на все ордынские земли, став наследником величайшей евразийской державы средних веков. Вассалами нового царя признавали себя и осколки Орды – Казанское и Ногайское ханства. Уже спустя полвека после смерти Ивана III основная часть земель Золотой Орды вошла в состав Российского государства, открыв России легитимный путь к освоению гигантских просторов Урала, Сибири, Центральной Азии, Дальнего Востока. Даже главный символ власти Российского государства – «шапка Мономаха» – имеет, по-видимому, ордынское происхождение, а двуглавый орел еще в XIV в. изображался на ордынских монетах, ставших предшественниками российской монетной системы.

Таким образом, можно сделать вывод, что восточный вектор развития России в XIII–XVI вв. стал основным фактором формирования централизованного Российского государства, чья территория, государственно-правовая система, система военного дела и во многом государственная идеология непосредственно выходят из Монгольской державы.

Часто считается, что в XV–XVII вв. Россия продолжала ориентироваться на Восток, и лишь в начале XVIII в. царь Петр «в Европу прорубил окно». Это, разумеется, не совсем так. С самого своего создания Российское государство не оставалось в стороне от европейских событий, общеевропейской экономики, европейской культуры и цивилизации. Московский Кремль построен итальянскими зодчими, в России с XVI в. обосновались западноевропейские торговые компании, а покоритель Поволжья Иван Грозный был сыном литовской княжны, наследником как князя Гедимина, так и темника Мамая.

Однако с XVI–XVII вв. в мире окончательно формируется политическое, экономическое и технологическое лидерство Европы как нового эпицентра прогресса мировой цивилизации. Великие географические открытия и построение глобальной торговой сети европейскими державами

привели к притоку в Европу гигантских богатств, ее быстрому экономическому росту и последующей промышленной революции. Не только фундаментальная наука, но и военные, морские, финансовые, промышленные технологии вышли на невиданный дотоле уровень, оставив далеко позади и арабский мир, и Китай, и государства Южной Азии. Эпоха Возрождения дала великий импульс развитию науки и искусства. У России, не имевшей доступа к океанам, появился уникальный шанс получить все выгоды научно-технологического прогресса, но для этого необходимо стало в очередной раз ребалансировать внешнюю политику и цивилизационный ориентир – с Востока на Запад.

К началу XVIII в. Россия получила на Востоке все, что могла. В эпоху, когда строился Петербург, а бояре примеряли европейские парики и должности вице-канцлеров и обер-прокуроров, русские первооткрыватели как раз вышли к Охотскому морю и достигли Камчатки – пределов евразийской экспансии России. Одолев в 1721 г. Швецию, Российская империя заняла ее место великой европейской державы, что привело к бурному развитию российской экономики, технологии и культуры. Следующие триста лет Россия уверенно развивалась как один из ключевых игроков европейской политики, в то время как Европа и европейская цивилизация (включая основанные европейцами государства Северной Америки) безраздельно доминировали в мире. И хотя уже в середине XVIII в. российской элите было понятно, что Сибирь и Дальний Восток, которыми «прирастает» Россия, таят в себе бесконечные возможности для освоения, все же азиатский вектор оставался для российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности целиком периферийным, если не маргинальным.

Идея нового «поворота на Восток» начала зреть в России к концу XIX в. Этому было несколько причин. К тому времени Российская империя достигла пределов своего расширения на Кавказе и в Центральной Азии. Великие державы, завершая передел Африки, рассматривали Восточную Азию как грандиозный рынок сбыта и сферу колониальной

экспансии, тем более что Индия была уже захвачена европейцами. У восточных рубежей России крепла и набиралась сил новая региональная держава – Япония, вместе с Россией, Великобританией и Германией предъявившая территориальные претензии к Китаю.

Идеи поворота к Азии стали чаще обсуждаться в обществе: вслед за мыслями Ф.М. Достоевского о «российском мессианстве» на смену поколению славянофилов пришли их прямые потомки евразийцы: П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский и др., много сделавшие для формирования евразийской идеи, которая сегодня обретает новое дыхание в связи с российской инициативой Евразийского экономического союза и идеей Владимира Путина о Большом Евразийском партнерстве.

Катализатором обращения России к Дальнему Востоку стало строительство Транссибирской железной дороги, начатое в 1891 г. В том же году будущий император Николай II посетил ряд стран Восточной Азии, включая и Японию, после чего сильно заинтересовался Востоком. В 1898 г. Россия подписала договор об аренде у Китая Порт-Артура, после чего германский император Вильгельм II, всегда подталкивавший Николая к экспансии на Восток, называл его в письме «хозяином Пекина». Это пророчество очень скоро отчасти подтвердилось: в 1900 г. российские войска вошли в Пекин, участвуя в подавлении восстания ихэтуаней. А спустя три года по территории Китая была проложена Китайско-Восточная железная дорога, закрепившая на короткий период приоритет влияния России в Маньчжурии. Российская империя рассматривала планы экспансии в Корее и выхода к теплому Восточно-Китайскому морю.

Однако в начале XX в. «повороту на Восток» не суждено было состояться: поражение в Русско-японской войне в 1905 г. остановило российское продвижение, а вскоре пала и сама Российская империя. Да и в целом называть восточную политику Николая II подлинной переориентацией на Восток не приходится. В тот период отношение к восточным соседям в России было скорее покровительственным и по

своей сути не сильно отличалось от колониальных доктрин европейских держав. Цивилизационно, культурно, экономически и политически Россия продолжала оставаться частью большой Европы.

Европа же стала источником и марксистско-ленинской идеологии, ставшей основой советской государственности после 1917 г. И тем не менее Владимир Ленин хорошо понимал, что в борьбе с западным капитализмом естественными союзниками молодой Советской России являются именно народы Востока, находившиеся либо в колониальной, либо в вассальной зависимости от европейских стран и США. Антиколониальная идеология была отчетливо сформулирована в ряде ярких ленинских работ, что обусловило как возобновление активной экспансии России в Восточной, Южной Азии и на Ближнем Востоке, так и динамичный рост репутации нашей страны среди народов Азии. Уже к 1921 г. РСФСР установила дружеские отношения с Турцией, вводила войска в Иран и Афганистан, при помощи России была создана Монгольская Народная Республика, а в Шанхае при поддержке Москвы создана Коммунистическая партия Китая, начавшая свой долгий и славный путь к победе.

Новый импульс росту советского влияния в Азии придала победа СССР во Второй мировой войне, в результате которой коммунистические и социалистические партии к 1950 г. пришли к власти в Китае, на севере Кореи, во Вьетнаме, Бирме. В 1950-е годы советский проект создания Движения неприсоединения еще более упрочил репутацию СССР в странах Востока.

Однако в течение всего советского периода, несмотря на успехи СССР в завоевании престижа в развивающихся странах Азии, несмотря на значительные инвестиции в освоение Дальнего Востока и Сибири и рост товарооборота с азиатскими государствами, основными экономическими партнерами и политическими контрагентами Москвы оставались страны Запада – Европа (социалистическая и капиталистическая) и США. Все развивающиеся страны мира, включая Азию, Африку и Латинскую Америку, в 1975 г. составляли

всего 12% советского внешнеторгового оборота. Это объяснялось объективными причинами: экономики стран Востока были еще несопоставимы по размеру с европейской и американской экономиками.

К концу прошлого столетия ситуация изменилась драматически. Эпицентр развития мировой цивилизации сегодня вновь, впервые с XVI в., перемещается на Восток. В то время как Европа утрачивает темпы экономического роста, не генерирует прорывных технологических инноваций, именно страны Востока – прежде всего Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока – демонстрируют высокий уровень пассионарности, высокие темпы роста и развития новых технологий (в основном основанных на европейской науке). Да, современный мир продолжает оставаться европейским в своей основе: принципы государственного устройства, рыночная экономика, современная культура, общественные отношения являются продуктом европейской цивилизации. Однако таким азиатским странам, как Китай, Индия, Япония, «тигры» Юго-Восточной Азии (так называемые новые индустриальные страны), удалось удачно соединить достижения западной мысли с традиционной древней культурой и получить впечатляющие результаты как экономического, так и общественного развития.

Так, в основе японского, южнокорейского, а затем и китайского «экономического чуда» лежит устойчивое коллективистское сознание и патриотическая философия «государства-семьи». Обычно эта идеология рассматривалась европейскими исследователями как философия «восточной деспотии», которая, в отличие от европейского индивидуализма и демократии, в целом неэффективна: она подавляет конкуренцию, препятствует развитию свободной мысли и тем самым снижает темпы цивилизационного развития. Однако уже в конце XIX в. Япония доказала, как дисциплинированное население, опираясь на патерналистскую, коллективистскую философию, может в кратчайшие сроки достичь невиданных темпов экономического роста и развития страны. Патриотическое сознание и традиции сильной

власти в России также стали одним из важнейших факторов успешного развития нашей страны в советский период и достижения Советским Союзом высшей точки глобального могущества России за всю ее историю.

Сегодня КНР, Южная Корея, Вьетнам и другие страны АСЕАН, Индия вышли в лидеры мирового экономического и технологического развития, постепенно тесня страны Европы и оспаривая глобальное лидерство США. В 2020 г. экономика Азии превысила по объему весь остальной мир – такое сложно было себе представить еще полвека назад. Из 30 крупнейших городов мира 21 находится в Азии, здесь проживает более половины всего мирового среднего класса. По данным Азиатского банка развития, к 2050 г. Азия удвоит свою долю в мировом ВВП, достигнув 52%, и вернет себе доминирующее экономическое положение в мире, которое она занимала до промышленной революции[2].

В политическом и военном плане азиатские державы также не отстают от некогда могущественных европейских государств. Достаточно сказать, что пять из девяти ядерных держав (не считая России) находятся в Азии. Точка роста мировой цивилизации лежит на Востоке, и сегодня Россия может многое приобрести, вновь скорректировав вектор своего развития.

1.2. Глобальные факторы «поворота на Восток» в 2022–2023 гг.

Росту стран Востока как нового центра мировой экономики в последние годы во многом способствовали, как ни странно, действия западных стран во главе с США. Глобальное лидерство Америки, установившееся после окончания холодной войны, во многом базировалось на доверии большинства стран мира к международной политической, торгово-экономической и финансовой системе, сформированной по итогам

[2] Доля Азии в глобальном ВВП. 09.12.2020. URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/dolya-azii-v-globalnom-vvp/ (дата обращения: 01.02.2024).

Второй мировой войны. США и страны Западной Европы в глазах большинства стран мира представляли собой оплот политической стабильности, верховенства права, экономических свобод, прозрачности принятия регуляторных решений. Доллар, фунт, швейцарский франк, а позже евро пользовались высоким доверием по всему миру, так что даже в странах – противниках Запада эти валюты традиционно ценились выше, чем национальные. Такие организации, как МВФ, Всемирный банк, ВТО, по праву считались общепризнанными гарантами международной торговой и финансовой политики. Международные арбитражные суды Лондона, Стокгольма, Женевы выносили решения, которые в целом принимались всем международным сообществом. А на вершине этой стройной пирамиды, выстроенной во многом на доверии, находилась сеть международных организаций ООН во главе с Советом Безопасности (СБ ООН).

Эта система международных отношений, однако, в последние годы была практически полностью разрушена руками самих США и их европейских партнеров. Первый удар был нанесен по политическому престижу ООН: регулярное вооруженное вмешательство США в конфликты в Европе, Азии и Африке без санкции Совета Безопасности обрушило репутацию главного органа международной безопасности, который на сегодняшний день, кажется, окончательно утратил эффективность в глазах мирового сообщества. Так, очередной палестино-израильский конфликт, начавшийся осенью 2023 г., показал абсолютную неспособность СБ ООН выработать единую позицию даже по гуманитарным вопросам. За два года с момента начала украинского конфликта в феврале 2022 г. Совет Безопасности не принял ни одной резолюции по этому вопросу. При этом все призывы к его реформе, звучащие как со стороны Запада, так и со стороны России, пока не приводят к какому-либо результату.

В социально-экономической сфере Запад «выстрелил себе в ногу» еще более основательно. Беспрецедентные экономические санкции против России, введенные в 2022–2023 гг., арест российских активов на сотни миллиардов

долларов, отключение России от платежей в системе SWIFT, правовой беспредел в отношении российского бизнеса, граждан, их имущества и законных прав – все это полностью свело на нет доверие к западной правовой и финансовой системе в развивающемся мире. Закон перестал считаться нерушимой истиной в Европе и США: теперь любой западный банк может на неясных основаниях арестовать любой счет, правительства с легкостью изымают имущество граждан неугодных им государств, а суды не считают нужным даже изыскивать правовые основания для оправдания санкционных решений. Доллар и евро, другие европейские валюты все чаще используются как инструменты давления на экономику и бизнес недружественных США стран.

В результате доверие к международной финансовой системе, к мировым валютам, к Западу как свободному рынку оказалось подорванным в рекордные сроки. Предприниматель любой незападной страны теперь не может быть уверен, что его сбережения, активы, торговые операции в ЕС, Великобритании или США находятся в безопасности. Это приводит его к необходимости искать альтернативы контролируемой Западом инфраструктуре, – а альтернативы эти в основном находятся на Востоке.

Доля доллара в мировых расчетах постепенно снижается, падают и международные вложения в западные государственные бумаги. Пропорционально растет доля национальных валют в платежах между незападными государствами: так, Россия и Китай к концу 2023 г. довели долю рубля и юаня в своих расчетах до 95%. Все больше экспертов говорят о БРИКС как о возможной альтернативной торгово-экономической и финансовой системе, и хотя даже очертания этой системы пока не намечены, но в БРИКС уже выстроилась целая очередь из стран, стремящихся поучаствовать в ее создании.

Запад перестает быть привлекательным не только для России – для всего развивающегося мира. «Поворот на Восток» – не российская, а глобальная тенденция, хотя именно наша страна, как это часто бывало в истории, выступила пионером нового мегатренда мировой цивилизации.

1.3. «Поворот на Восток» в современной российской политике

О восточной ориентации страны ученые и руководители государства начали говорить еще в эпоху Перестройки. В этот период СССР успешно восстанавливал свои отношения с КНР, прерванные в 1960-е годы, налаживал тесные экономические связи с Японией, установил дипломатические отношения с Южной Кореей. С 1990-х японский и южнокорейский бизнес активно развивали торговлю на российском рынке, инвестировали в Россию, создавалось множество новых совместных предприятий. Происходило дальнейшее укрепление взаимоотношений с Китаем. К началу XXI в., наряду с бурным ростом китайской экономики, росту доверия между двумя странами способствовали политические договоренности. В 2001 г. Россия и Китай подписали важнейший Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, а к 2008 г. была закончена демаркация границы – прорывная точка в российско-китайских отношениях, когда был урегулирован территориальный вопрос, самый болезненный в отношениях любых стран-соседей.

Во второй половине 1990-х годов премьер-министром РФ Е.М. Примаковым была выдвинута концепция многополярного мира с опорой на новые, быстро растущие центры силы и формирование оси Москва – Дели – Пекин [«Азиатский поворот» 2022]. Фактически объявление Е.М. Примаковым необходимости создания новой структуры Россия – Индия – Китай (РИК) стало важной вехой российского поворота к Азии [Уянаев 2022].

Параллельно с укреплением и расширением политических связей со странами Востока на западном векторе российской внешней политики усиливались трения. «Медовый месяц» российско-американских отношений в 1990-е годы закончился 24 марта 1999 г., когда страны НАТО во главе с США, проигнорировав позицию России, начали военную операцию против Югославии. Этот момент стал водоразделом, за которым последовало медленное, постепенное ухуд-

шение политических отношений между Россией и странами Запада. Интересы России были вновь проигнорированы в результате очередного расширения НАТО на Восток в 2004 г., когда в состав антироссийского по своей природе альянса вошли бывшие советские республики Балтии. Стремление России к компромиссу и дружбе с Западом на практике не давало результатов.

В 2007 г. пророческое предупреждение российского президента В.В. Путина на Конференции по безопасности в Мюнхене о неизбежности конфликта в случае игнорирования российских интересов в Восточной Европе осталось в основном без внимания. Политика США по поддержке антироссийских режимов в странах бывшего СССР привела к конфликту в Южной Осетии в 2008 г., а затем и к государственному перевороту и гражданской войне на Украине в 2014 г., за которыми последовали санкции США и других стран Запада против России.

Именно события 2014 г. стали отправной точкой дискуссии о необходимости поворота российской политики и внешнеэкономического вектора на Восток, к растущим экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона.

К этому времени в российских органах власти и экспертном сообществе уже активно велась дискуссия о целесообразности «восточного поворота». В 2012 г., накануне саммита государств Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, президент РФ В.В. Путин в одной из своих статей подчеркнул, что «наша страна исторически, географически – неотъемлемая часть АТР. Полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство мы рассматриваем как залог успешного будущего развития России»[3].

Проблематика эта широко обсуждалась в российских научных и публицистических изданиях. В частности, аспекты восточноазиатской трансформации, сибирско-дальневосточного вектора развития экономики были изложены

[3] Путин: Россия на саммите АТЭС продемонстрирует миру свои возможности. URL: https://ria.ru/20120905/743905430.html (дата обращения: 01.02.2024).

группой ведущих политологов и экономистов под руководством Сергея Караганова в 2012–2019 гг. в серии докладов международного дискуссионного клуба «Валдай» [К Великому океану 2019].

Ключевой посыл заключался в обосновании тезиса о превращении России из периферийной европейской страны в центральную евразийскую державу. Отмечалось при этом, что в странах Азии не до конца понимают цели и принципы российской восточной политики, что было определенным препятствием «поворота». Разработанная в 2017 г. экспертами Валдайского клуба дорожная карта российского продвижения на Восток во многом предвосхитила те вызовы, которые в полный рост встали перед нашей страной пятью годами позже.

Однако о реальном, практическом «повороте на Восток» стало возможно говорить только в 2022 г., после развязывания США и их союзниками гибридной войны против России. Беспрецедентные экономические санкции, появление нового железного занавеса на границах России, заморозка российских государственных и частных активов, бескомпромиссность стран Запада по вопросу каких бы то ни было переговоров с Россией по любым вопросам – всё это сделало невозможными дальнейшие политические, экономические, гуманитарные связи с государствами западного блока. Достаточно сказать, что с начала 2022 г. несколько сотен (называются цифры до тысячи) компаний из стран ЕС, США, Канады, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии вынужденно покинули российский рынок, тысячи поставщиков были вынуждены прекратить отгрузки своей продукции в Россию, десятки тысяч западных бизнесменов покинули страну. Перекрытие сухопутных и морских границ нарушило цепочки поставок практически во всех отраслях российской экономики. Перед российским правительством и тысячами отечественных компаний встала задача быстрой переориентации на рынки стран Востока как в смысле экспорта российской продукции, так и в неменьшей степени импорта. Государство и бизнес начали ускоренны-

ми темпами переориентировать свою деятельность на новые направления.

Этот процесс, разумеется, не может быть завершен в краткосрочной перспективе. Тому есть несколько причин. Во-первых, слишком сильны были экономические, политические, гуманитарные связи с Европой и в меньшей степени – с США. Ориентация российской экономики на европейский экспорт и импорт с момента распада СССР только возрастала. Страны ЕС и Украина держали монополию на потребление российских энергоносителей, а на российском рынке работали тысячи европейских и американских компаний, столь же монопольно покрывающих потребности российской экономики в промышленных товарах, оборудовании, технологиях.

Во-вторых, быстрому построению устойчивых и глубоких отношений со странами Востока мешает цивилизационный, культурный барьер. В России плохо представляют себе культуры народов Азии, восточную ментальность, традиции и навыки общения. Ни школьное образование, ни культурный контент в сегодняшней России не дают практически никаких системных знаний об истории, философии, идеологии современных азиатских стран. Высшее образование и наука десятилетиями ориентировались на взаимодействие с западными коллегами. К примеру, в 2022 г. лишь чуть более 10 тыс. студентов в России изучали китайский язык, без которого невозможно взаимодействие с нашим крупнейшим стратегическим и экономическим партнером. Навыки и компетенции органов федеральной и региональной власти, российских компаний и предпринимателей, ученых и деятелей образования в области взаимодействия с восточными партнерами находятся на низком уровне. Деловые и общественные объединения России практически не представлены в странах Востока, а научно-образовательные, культурные и иные гуманитарные связи и обмены пока совершенно недостаточны.

При этом понятие «поворота на Восток», особенно после начала украинского конфликта, стало приобретать более

широкий смысл. По иронии судьбы этот термин сегодня, скорее, означает поворот к странам «глобального Юга» – в Латинскую Америку, Африку, на Ближний Восток, в Южную и Восточную Азию, – и в то же время институциональный поворот – через расширение ШОС (со вступлением Ирана в 2023 г. и Белоруссии в 2024 г.) и БРИКС, которая на саммите в ЮАР в 2023 г. из «хоккейной» пятерки превратилась в «футбольную команду» из 11 членов.

В октябре 2023 г. на Валдайском форуме вице-премьер российского правительства Алексей Оверчук заявил, что «поворот на Восток» в этом смысле уже состоялся. Действительно, европейская доля в российском импорте уменьшилась с 41 до 7,5% в 2022 г. [Торкунов, Стрельцов 2023: 7]. В правительстве РФ полагают, что целевым показателем доли Запада в российской торговле к 2030 г. должна быть цифра не более 10%. При этом около 75% должна составить торговля с 26 опорными странами, из которых наибольшие показатели будут у стран Азии, в том числе Китая и стран – членов ЕАЭС.

Но настоящий «поворот на Восток» – фундаментальный поворот в науке и технологиях, образовании и культуре, наконец, в нашей ментальности – только начал свое движение. Безальтернативность восточной политики пока касается в основном лишь политико-дипломатической сферы и сферы крупных экономических проектов государства. Что касается уровня взаимодействия между народами, гуманитарных связей, в целом культурно-цивилизационной сферы взаимодействия, – этот поворот еще далек от завершения, и задачи его остаются крайне актуальными.

1.4. Развитие Большой Сибири в контексте «поворота на Восток»

Одним из бесспорных преимуществ стратегии «восточного поворота» для России является позитивный эффект данной стратегии для развития регионов Сибири и Дальне-

го Востока. Необходимость в их ускоренной модернизации и повышении темпов экономического роста – задача, которую ставят себе все правительства России начиная еще с XIX в., однако диспропорции в темпах развития между Европейской Россией и Большой Сибирью по-прежнему очень велики. В течение трех десятилетий, прошедших со времени распада Советского Союза, экономический и демографический тренды в Сибирском макрорегионе были стабильно отрицательными: в том числе и потому, что иностранные инвестиции, шедшие в основном с Запада, преимущественно оседали в европейской части страны и редко доходили до Сибири и Дальнего Востока. Масштабные вложения в модернизацию добычи полезных ископаемых, развитие железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта, строительство современной городской среды и новых промышленных узлов – все эти задачи остаются чрезвычайно актуальными и сегодня.

Успешность внутреннего социально-экономического развития данных регионов напрямую связана с эффективностью общей стратегии сближения с Азией. К тормозящим факторам модернизации Сибири и Дальнего Востока, как известно, относятся сложные местные природно-климатические и территориально-температурные характеристики. Огромные, слабо связанные с центром России территории, вечная мерзлота, лесные пространства и недостаток инфраструктуры делают освоение этого пространства сложной и высокозатратной задачей. Новейшие исследования российских ученых на основе комплексного анализа макроэкономических, географических, природно-климатических, транспортных, геополитических факторов дают убедительные и перспективные, на наш взгляд, разработки и подходы по преодолению этого «континентального проклятия» [Вопросы географии 2022: 155–159, 211, 277–279]. Изучение исторического опыта 400-летнего взаимодействия российского Дальнего Востока с азиатскими странами, формирование трансграничных зон взаимодействия с соседними народами показывают, что именно в этом состоит залог успеха развития удаленных от центра регионов нашей страны.

Логика будущего развития Большой Сибири вполне смыкается с политикой, проводимой сегодня в Китае, являющемся крупнейшим торговым партнером России. КНР столь же остро заинтересована в развитии региона Дунбэй – своего Северо-Востока, ранее известного как Маньчжурия. Относящиеся к данному обширному региону провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин считаются наименее развитыми в восточной части Китая, и правительство КНР проводит политику их ускоренного развития. Эта цель хорошо согласуется с задачами развития российского Дальнего Востока. В сентябре 2023 г., когда во Владивостоке президент России говорил о необходимости развития инфраструктуры Дальневосточного федерального округа, с другой стороны границы председатель КНР Си Цзиньпин инспектировал северные районы пров. Хэйлунцзян[4], призывая к реструктуризации ее экономики и взаимодействию с Россией. Китайская и российская экономики становятся все более комплементарными с точки зрения торговли, и это открывает возможности прежде всего для регионов Большой Сибири, куда китайские компании готовы приходить для осуществления своих торговых и инвестиционных проектов в области сельского хозяйства, энергетики, лесообработки, добычи ископаемого сырья, нефте- и газопереработки, транспорта и логистики.

Руководство дальневосточных регионов и провинций Северо-Востока Китая регулярно проводит встречи, конференции, совместные выставки для осуществления практического взаимодействия предприятий обеих стран. И в Москве, и в Пекине трансграничное сотрудничество воспринимается как один из основных инструментов развития смежных приграничных регионов, и для обоих государств нынешний тренд на расширение сотрудничества – уникальный шанс придать импульс развитию этих регионов ускоренными темпами.

[4] Си Цзиньпин провел инспекцию провинции Хэйлунцзян. 10.09.2023. URL: https://bigasia.ru/si-czzinpin-provyol-inspekcziyu-provinczii-hejlunczzyan/ (дата обращения: 01.02.2024).

В условиях, когда основные торговые потоки переориентируются на восточные границы страны, Сибирь и Дальний Восток становятся уже не декларативным, а настоящим хабом, торгово-экономическим и транспортным узлом для сотрудничества России с Китаем и другими странами АТР. Динамичный рост торговли неизбежно влечет за собой развитие инфраструктуры, притягивая в регион рабочую силу, научно-технологические ресурсы.

Можно надеяться и на увеличение инвестиционного потока в регионы Сибири и Дальнего Востока уже в краткосрочной перспективе. И речь здесь может идти как об иностранных вложениях в добывающее и обрабатывающее производство, о локализации производства товаров азиатскими компаниями на территории России, так и о масштабных инвестициях российских корпораций в производства, товары которых будут востребованы на восточных рынках.

Хорошим примером нового витка освоения Дальнего Востока является Амурский газохимический комплекс (АГХК) – совместный проект российской компании СИБУР и китайской Sinopec по производству полиэтилена и полипропилена. Комплекс будет получать этан и сжиженные углеводородные газы Амурского ГПЗ, введенного в строй «Газпромом», и после своего запуска в 2026 г. призван стать одним из крупнейших в мире производств базовых полимеров – полиэтилена и полипропилена. Ожидается, что производственная мощность комплекса составит до 2,7 млн т готовой продукции в год. Это продукция жизненно важных отраслей, востребованная и на Дальнем Востоке, и в других регионах России, а также в Китае: строительства, энергетики, ЖКХ, сельского хозяйства, производства товаров массового потребления, медицинских материалов и оборудования, химической промышленности, авиа- и автомобилестроения. Проект сыграет важную роль и в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Амурской области. К примеру, на этапе строительства он обеспечит свыше 25 тыс. новых рабочих мест, 885 высокотехнологичных рабочих мест на этапе эксплуатации, около пяти тысяч дополнительных

мест в смежных отраслях. За счет Амурского ГХК ожидается увеличение экспорта несырьевых товаров (4,6 трлн руб. к 2040 г.) и рост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней (227 млрд руб.)[5].

Этот и другие мегапроекты, которые могут быть запущены на российском Дальнем Востоке, дополняются трансграничной торговлей и кооперацией среднего и малого бизнеса – прежде всего с КНР, также заинтересованной в развитии своих северо-восточных провинций, примыкающих к российской границе.

К 2020 г. большая часть ученых в рамках дискуссии о формах и направлениях федеральной дальневосточной политики пришла к общему консенсусу о том, что геостратегическое значение Дальнего Востока как пути в АТР с каждым годом возрастает, но при этом социально-экономические проблемы восточной части России сохраняются и усиливаются, что основные методы развития региона – это точечная, выборочная модернизация приоритетных отраслей региона, создание новых индустриальных направлений на основе кооперации государственного и частного предпринимательства [Волынчук 2020: 62–63]. Подчеркивается, что процесс «поворота России на Восток», как зеркало, отражает сложный характер перехода от парадигмы комплексного развития производительных сил региона к пространственной экономике [Ващук 2018: 38].

В сентябре 2020 г. было опубликовано распоряжение председателя правительства М.В. Мишустина об утверждении «Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.»[6], дающей надежду на административно-политическую материализацию проектов освоения региона и

[5] Амурскому ГХК удалось решить проблемы с оборудованием, вызванные санкциями. 13.09.2023. URL: https://www.interfax.ru/russia/920621 (дата обращения: 20.12.2023).

[6] Дальнему Востоку прописали нацпрограмму: что в ней такого. 13.10.2020. URL: https://finance.rambler.ru/other/45003340-dalnemu-vostoku-propisali-natsprogrammu-chto-v-ney-takogo/ (дата обращения: 12.08.2023).

начало большой практической работы. Мобилизационные условия развития российской экономики после 2022 г. стали дополнительным триггером для развития Сибири и Дальнего Востока, ускорения поворота как во внутрироссийской, так и во внешней восточноазиатской политике.

Огромную роль в развитии региона должен сыграть Северный морской путь (СМП), в развитии которого сегодня заинтересованы именно восточные и южные партнеры России – прежде всего Китай и Индия, но также страны АСЕАН, Южная Корея и Япония. Налаживание бесперебойных поставок по СМП невозможно без строительства всех видов инфраструктуры в приморских регионах Дальнего Востока и севера Сибири. Следовательно, интенсификация торговых связей между Россией и ее азиатскими соседями автоматически станет стимулом для опережающего развития восточных регионов нашей страны.

«Поворот на Восток» способен преобразить не только экономический ландшафт Большой Сибири, но и ее самосознание. Сибирский «плавильный котел», в котором за сотни лет русские, украинцы, татары перемешались с десятками местных народов, сформировал относительно новый этнопсихологический тип сибиряка, генетически вобравшего опыт и память российской и азиатской истории, от монгольских воинов до русских казаков. Русские переселенцы стремились сюда не в последнюю очередь для того, чтобы выйти из-под контроля правительства, иметь возможность жить самостоятельно. В результате за 400 лет с момента появления в Сибири первых казачьих отрядов здесь сложилось своеобразное сибирское сообщество, которое всегда ощущало себя несколько независимо от центра как в экономическом, так и политико-идеологическом плане. В раннее постсоветское время это ощущение самодостаточности даже перерастало в отдельные сепаратистские настроения.

У сибиряков и дальневосточников иное восприятие Азии – не как далекой окраины, а как части близкого им мира, внутри которого они жили веками и в котором они остаются сегодня. Ведущие сибирские политологи, экономисты и со-

циологи предлагают рассмотреть вопрос о новых границах Сибири. Речь не идет о пересмотре или корректировке официальных административных линий разделения субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а об уточнении политико-экономических границ и акцентировании на расположении Сибири как ядра российской Евразии. Это стремление основано на мнении, что исторически вокруг Сибири сложились своеобразные окраины – территории Дальнего Востока, Приморья, Забайкалья и Северо-Востока России, которые традиционно ориентируются на внешние азиатско-тихоокеанские рынки. Сибирь территориально и функционально выглядит как мегарегион, идеологически объединяющий ряд регионов от Екатеринбурга до Владивостока в единое целое [Супрун 2018].

При этом сам «восточный поворот» по-разному воспринимается в российских центральных и дальневосточных регионах. Западные культурно-цивилизационные ценности вплоть до недавнего времени держали московско-петербургские элиты на прочной «европейской цепи» [Караганов, Лихачева 2020]. Сегодня эта тенденция развернулась, что позволяет сблизить позиции деловых и политических элит в Москве, Новосибирске и Владивостоке.

Очевидно, что кроме элитных нестыковок существуют и ведомственные, отраслевые несовпадения в плане подходов и приоритетов в реализации поворота. Каждое предприятие и корпорация исходит из прикладных целей, продвигая через свои механизмы тот или иной проект, ту или иную транспортно-маршрутную логистику. Очевидно, что проблему эффективности «поворота» в современной России можно решать в основном административно-государственными методами, в том числе путем реформирования профильных структур и механизмов.

Местные специалисты отмечают, что социальная среда и условия жизни на Дальнем Востоке, несмотря на серьезные финансовые усилия центра, остаются менее комфортными и привлекательными, чем в центральных областях России, поэтому жители региона реагируют на эту несправедли-

вость преимущественно ногами. При этом они, несомненно, поддерживают планы правительства по сотрудничеству со странами АТР и готовы налаживать взаимодействие со всеми соседями. Безусловным приоритетом сегодня является Китай [Ларин 2020: 17–19, 21, 25].

В ноябре 2020 г. в условиях борьбы с пандемией COVID-19 была запущена необходимая реформа российских институтов развития в плане их сокращения и оптимизации, коснувшаяся и дальневосточных структур. В результате усилилась госкорпорация «ВЭБ.РФ», вобравшая ряд проектов и институтов, которая в тандеме с курирующим данный регион Ю.П. Трутневым представляет влиятельную административно-финансовую «ось» нынешнего развития региона. Усилились ресурсы влияния Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, а также российско-китайской Межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. Особенность влияния этих институтов связана с возможностью эффективного использования обновленных механизмов для развития как сибирско-дальневосточных регионов, так и российско-китайских трансграничных связей [Лузянин 2022а].

Таким образом, Сибирь и Дальний Восток являются важнейшей частью российского проекта «поворота на Восток». Территории восточнее Урала из транзитных зон поставок сырья и транспортных коридоров постепенно превращаются в активных субъектов российской экономической политики. Стратегия «сшивания» сибирско-дальневосточных регионов, инвестиционная и социальная активность меняют приоритеты и содержание «поворота», который из внешнего, азиатского одновременно становится и внутренним, российским. Экспертное осмысление идеи сибирско-дальневосточного «востокоцентризма» объективно работает на обе повестки, усиливая целостность, геополитическую и экономическую логику развития региона [Лузянин 2022а].

«Восточный поворот» – это уникальный шанс России поднять, наконец, на новую высоту Дальний Восток и Си-

бирь, сбалансировать социально-экономическое развитие этих богатых регионов с европейской частью страны, решить задачу полноценного освоения огромного потенциала, который содержит в себе Северо-Восточная Азия.

1.5. Евразийское измерение «восточного поворота»

Русское евразийство представляет собой философию, зародившуюся в конце XIX в. во многом на фундаменте славянофильства середины столетия и значительно усилившую свое влияние в последние два десятилетия уже нашего века на фоне постепенного разочарования в постсоветских взаимоотношениях с Западом.

Научно оформленная история классического русского евразийства восходит к августу 1921 г., когда группа русских философов-эмигрантов издала в Софии сборник под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». В нем была дана одна из первых версий понимания евразийской цивилизации на основе взаимопроникновения природных и социальных связей русского и сопредельных народов, сформировавших континентальный евразийский этнос с особым менталитетом, историей и культурой [Трубецкой и др. 1921].

Во второй половине XX в. важным этапом российского евразийства стали идеи самобытного историка и востоковеда Л.Н. Гумилева, который отмечал, что исторически русские впитали в себя наследие Великой Степи: тюркских каганатов и Монгольской державы, что позволило России быстро освоить в XVI–XVIII вв. всю Большую Сибирь вплоть до Тихого океана. Гумилев считал, что евразийский материк самой природой предназначен для единого государства и единого суперэтноса, отличного от европейского или азиатского и принадлежащего к особому типу культуры [Гумилев 1992: 297–298].

В 1990-х – начале 2000-х годов вокруг евразийской идеи в России развернулась научная дискуссия, отчасти продол-

жавшая споры западников и славянофилов в XIX в., но уже отражавшая постсоветские внешнеполитические реалии. Концептуальным противником евразийской доктрины стал историк, философ и лингвист В.Л. Цымбурский, создавший на основе исторического анализа концепции российского «лимитрофа» и «Остров Россия», отрицавшие органичность и естественность евразийского вектора и восточные маршруты, определяемые им как «азияфильство». При этом базовым посылом стала идея евроатлантической обусловленности развития российской цивилизации [Цымбурский 2007].

Иной подход, обычно называемый неоевразийским, был обозначен философом и публицистом А.Г. Дугиным, который привнес в культурно-цивилизационный дискурс жесткие геополитические установки, определяя экзистенциальный конфликт России с Западом как биполярный разлом между евразийскими континентальными и евроатлантическими морскими державами с их противостоящими друг другу ценностями и нарративами [Дугин 2007].

В рамках российского дискурса оформился термин «нового евразийства», развернутый, в частности, Т.В. Бордачевым как в рамках работ «Валдайского клуба», так и в ряде его статей. Адепты этого термина утверждают, что формирование в Евразии самостоятельного полюса становится одним из важнейших геоэкономических и геостратегических процессов, что центр евразийского континента выходит из традиционной роли моста между Западом и Востоком и приобретает самостоятельное значение, включая усиление его «жесткого ядра» – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Китая, как и ряда региональных игроков [Бордачев 2015].

Большинство исследователей согласны, что у России пока отсутствует четко выраженная «евразийская идентичность», и это на психологическом уровне затрудняет установление близких отношений с азиатскими странами. Лишь немногие полагают, что у россиян сформировался уникальный «этнонациональный дуализм», сочетающий в себе западные и восточные черты и базирующийся на евразийской

специфике [Страны Востока во внешней политике России 2023: 9]. Мы склонны полагать, что сегодня россияне, даже проживающие на Дальнем Востоке, считают себя частью европейской цивилизации и воспринимают европейцев, их культуру и образ мысли существенно ближе, чем соседей из Китая или Кореи. Точно такое же отношение заметно у жителей соседних с Россией стран Азии к российскому Приморью: туристы из Китая и Кореи ездят во Владивосток «посмотреть на Европу». Строго говоря, Европа и Азия в российском сознании никакой Евразии не образуют.

Проблема евразийской идентичности России гораздо шире ее географических рамок, она тесно связана с эволюцией российской стратегии, с соотношением западной и восточной ментальности в российском (или советском) культурном коде, с формированием понятия евразийской специфики и пр. При этом само по себе евразийское начало содержит десятки различных измерений, от геополитического, географического и экономического до цивилизационно-исторического и философского, включая двухсотлетние дискуссии о месте России на данном пространстве, ее отношениях с Европой и Азией, русской ментальности и ее нарративах. В настоящее время ключевым трендом является на удивление быстрое формирование в российских элитах относительно новых ощущений «ущербности европоцентризма» России и необходимости его глубокой и качественной трансформации [Караганов 2022].

На фоне динамичного политико-экономического возвышения Востока в российском сознании происходит усиление интереса к «Русской Азии», параметры и специфику которой, однако, пока не удается убедительно и точно описать, но которая уже отчетливо видна в популярной художественной литературе и современном российском кинематографе.

Сегодня Евразия в понимании российской власти и экспертного сообщества – это «незападный мир», часть мирового большинства, формируемый мегапроектами ЕАЭС, ШОС, отчасти БРИКС, китайской инициативой «Пояс и путь» (ИПП). К такой Евразии вряд ли можно отнести как

европейских, так и азиатских союзников США, да и сами они термина «Евразия» практически не употребляют, таким образом как бы отдав его своим оппонентам – России и Китаю – в вечное пользование.

Политическая основа Большой Евразии начала строиться в 2015 г., когда в рамках послания президента Владимира Путина Федеральному собранию была сформулирована базовая концепция Большого Евразийского партнерства (БЕП) как важной формы региональной экономической интеграции РФ[7]. Чуть раньше, 8 мая 2015 г., Россия и Китай в совместном заявлении определили форму взаимодействия между ЕАЭС и ИПП в Евразии как процесс сопряжения[8]. Дальнейшие контуры взаимодействия России и Большой Евразии были уточнены в 2016 г., когда на Петербургском международном экономическом форуме президент России определил интеграционные контуры ЕАЭС, предложив его членам подумать о создании БЕП с участием стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, а также Китая, Индии, Пакистана и Ирана[9].

В 2017 г. в статье, посвященной XXV саммиту АТЭС, идею развития БЕП президент В.В. Путин предложил рассматривать через призму широкого взаимодействия ЕАЭС и китайской ИПП[10], а в 2022 г. дополнил идею сопряжения необходимостью встраивания векторов ШОС и АСЕАН для дальнейшего формирования БЕП[11]. Эта же концепция угады-

---

[7] Послание Президента Федеральному собранию. 3 декабря 2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864 (дата обращения: 17.08.2022).

[8] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 17.08.2022).

[9] *Путин В.В.* Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума. 17.06.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 17.08.2022).

[10] *Путин В.В.* XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. 08.11.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/ /56023 (дата обращения: 17.08.2022).

[11] *Путин В.В.* Выступление на пленарном заседании I Евразийского экономического форума. 26.05.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/page/5 (дата обращения: 17.08.2022).

валась в заявлениях российского лидера на III Международном форуме ИПП в Пекине в октябре 2023 г.

Практическим шагом по осуществлению идеи БЕП стало соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, подписанное 17 мая 2018 г. на межгосударственном уровне. Это соглашение является рамочным, непреференциальным, оно нацелено на упрощение ведения бизнеса и координацию сотрудничества. Соглашение дало импульс российско-китайским переговорам о подписании преференциального соглашения по услугам и инвестициям, которое на перспективу уже было ориентировано на либерализацию доступа на рынки услуг и инвестиций.

В 2022 г. активность России на евразийском направлении значительно возросла. 26 мая на первом Евразийском экономическом форуме российский президент сделал акцент на необходимости ускорения «внутренних» интеграционных процессов в ЕАЭС, усилении взаиморасчетов в национальных валютах и подключении к евразийской кооперации дружественных стран ШОС, БРИКС и АСЕАН[12].

Для полноценной реализации идеи Большого Евразийского партнерства особую актуальность приобретают два фактора. Во-первых, необходимость дальнейшего усиления «внутренних» евразийских процессов, социально-экономического и транспортного развития России за счет формирования партнерства с соседними и более отдаленными евразийскими государствами, создание новых, дополнительных интеграционных возможностей, расширение поставок товаров, услуг и капиталов, «сшивание» евразийского пространства СНГ вокруг России. России требуется более активное наполнение сопряжения ЕАЭС и ИПП в евразийских форматах – от транспортно-инфраструктурных до энергетических, инвестиционных и гуманитарных, а также углубление кооперации с опорными и дружественными государствами Восточной Азии.

[12] Владимир Путин в режиме видеоконференции выступил на пленарной сессии I Евразийского экономического форума. 26.05.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/68484/videos (дата обращения: 01.02.2024).

В феврале 2023 г. была утверждена дорожная карта сопряжения ЕАЭС и ИПП по ряду наиболее перспективных сфер взаимодействия. Это решение должно помочь на практике реализовать вопросы цифровизации транспортных коридоров, перехода к электронной форме обмена документами при грузовых железнодорожных перевозках, что существенно сокращает время в пути. Дорожная карта должна позволить наращивать устойчивый диалог по климатической повестке, сотрудничество в промышленной сфере и электронной торговле. Как заявил осенью 2023 г. председатель Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Михаил Мясникович, «принимаемые меры и усилия правительств государств ЕАЭС и КНР, а также ЕЭК позволили иметь конкретные результаты. Товарооборот между странами ЕАЭС и КНР в 2015–2022 годах, за время функционирования ЕАЭС, увеличился в 2,8 раза и фактически достиг 220 млрд долл., что является рекордным уровнем за всю историю взаимоотношений»[13].

С развитием идеи БЕП связана и вторая задача российской внешней политики – борьба с конкурирующими интеграционными процессами на евразийском материке, не учитывающими Россию. Сюда могут относиться усилия США по формированию союзов в Восточной Азии («Тройственный союз» с Японией и Южной Кореей), с Индией (QUAD), в Закавказье, усиление взаимодействия с государствами Центральной Азии после прошедшего саммита «С5+1» (пять республик региона + США) осенью 2023 г. При этом стоит учитывать и аналогичный проект Китая, в руководстве которого после саммита с центральноазиатскими государствами бродит опасная для России идея преобразования этого формата в постоянно действующую международную организацию, фактически подменяющую собой ШОС. Значительную активность в Центральной Азии и Закавказье

[13] Мясникович: сопряжение технологического развития ЕАЭС и КНР может дать большой синергетический эффект. 18.10.2023. URL: https://www.belta.by/economics/view/mjasnikovich-soprjazhenie-tehnologicheskogo-razvitija-eaes-i-knr-mozhet-dat-bolshoj-sinergeticheskij-594618-2023/ (дата обращения: 21.12.2023).

проявляет Турция, стремящаяся к построению проекта «Великого Турана» через Азербайджан и Каспий в Центральную Азию.

В условиях сжатия для России западного и расширения восточного пространства политическое и экономическое значение проекта развития БЕП в настоящее время и на длительную перспективу возрастает, приобретая характер долговременной стратегической задачи в сфере национальной безопасности России и составной части «поворота на Восток».

Российский дискурс вокруг процессов формирования Большой Евразии находится в достаточно широком диапазоне – от становления институтов региональной интеграции и их эволюции (Таможенный союз и ЕАЭС), анализа вызовов и угроз безопасности в Центральной Азии (ОДКБ, проекты НАТО, Афганистан и др.) до проблематики ШОС и сопряжения с ИПП. Базовым посылом евразийской дискуссии в российской политологии стала идея о необходимости обновления классических понятий Евразии и евразийства в связи с глобальным перемещением центра мировой экономики и политики на Восток, затуханием общеевропейского проекта и необходимостью более активного российского участия в начавшемся евразийском обустройстве [Караганов 2019]. В рамках данного дискурса уточняется геополитический функционал Евразии, ее традиционная роль и нынешняя функция активного субъекта в системе отношений Запад – Восток.

Несмотря на то, что еще не на все вопросы даны полные ответы, сам процесс дискуссии позволяет уточнить ряд текущих ключевых евразийских индикаторов для России:

а) специфику формирования нормативной основы международного сообщества Большой Евразии;
б) наличие неоднородной институциональной среды;
в) формирование дополнительных евразийских энергетических, транспортных, военных и прочих ресурсов для повышения устойчивости России в конфронтации с Западом [Вопросы географии 2019: 34–35, 49, 51].

Одно из определений Большой Евразии, данное экспертами по проблемам евразийской интеграции, строится на перспективах внешней, интеграционной активности ЕАЭС. «Большая Евразия – это децентрализованный формат, ставящий принципиальную цель качественного улучшения условий для экономического взаимодействия в Евразии и АТР путем параллельного или последовательного продвижения на различных треках интеграции и взаимосвязанности с учетом фактической готовности сторон к углублению сотрудничества» [Спартак 2018: 439–440]. Однако это определение, данное более пяти лет назад, как видно из вышеизложенного, уже не отвечает современному пониманию термина – ни идеологическому, ни географическому.

На сегодняшний день, таким образом, евразийская идея в российской внешней политике, сформулированная, как уже упоминалась ранее, в Концепции внешней политики РФ, требует дальнейшей теоретической и практической разработки. Безусловно, идея БЕП – это одна из самых удачных, прорывных геополитических идей России за последние десятилетия, к тому же имеющая в нынешних реалиях прекрасный шанс на осуществление. Однако ее более детальная проработка и, что еще более важно, практическое осуществление требуют грандиозных усилий, которые должны быть предприняты совместно руководством страны и экспертным сообществом.

1.6. ШОС как фактор евразийской интеграции

Роль ШОС в процессе формирования Большой Евразии сложно переоценить. Эта организация сегодня является одним из центральных элементов современной евразийской кооперации. В 2024 г. исполняется 23 года со дня образования ШОС, которая, пройдя путь от изначальной «шестерки» (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан), после вступления в нее Индии и Пакистана в 2017 г., Ирана в 2023 г. и Белоруссии в 2024 г. превращается в мощную

«десятку» – геополитическую структуру, коалицию стран мирового большинства, не приемлющих американской стратегии однополярного мира. Сегодня ШОС – крупнейшая по своему составу, экономическому весу и политическому влиянию международная организация стран Евразии.

Страны ШОС более всего объединяет именно идеологическая, концептуальная основа, базирующаяся на политике отказа от гегемонизма в мировой политике, открытости и ненаправленности против третьих стран, принципах равенства, уважения и невмешательства во внутренние дела государств, обеспечения инклюзивной безопасности для всех и развития многостороннего сотрудничества. Это сообщество единомышленников, дающее возможность использовать общие принципы видения будущего мира для любых целей – как в области региональной безопасности, так и в сфере экономики, финансов, технологий, гуманитарного сотрудничества.

Ядром ШОС справедливо называют Центральную Азию, где взаимоувязаны интересы Китая, России, Индии, Ирана. Среди основных задач организации на сегодня следует отметить важность наращивания совместных усилий России и Китая в области координации политики в Центральной Азии как ключевой зоне развития ШОС, поддержания традиционных усилий по развитию организации и развитию многоуровневого взаимодействия друг с другом, обеспечению внутреннего единства ШОС, сотрудничеству с другими объединениями в регионе и за его пределами [Бабаев, Кортунов и др. 2023: 58–59].

При этом, учитывая сравнительно равновеликий вес трех крупнейших евразийских держав в ШОС (да и не в последнюю очередь сложные отношения между Китаем и Индией), участникам объединения пока нелегко договориться по указанным концептуальным вопросам повестки ШОС. Ее деятельность по этой причине в основном уходит от сложных вопросов экономического сотрудничества и сосредотачивается в сфере безопасности.

В частности, ШОС внесла большой вклад в дело борьбы с трансграничной преступностью, наркотрафиком, религи-

озным сепаратизмом и экстремизмом (в китайской терминологии – «три зла») в Центральной Азии и на сопредельных территориях. До 2001 г. на этапе существования «Шанхайской пятерки» (Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан и Киргизия) происходил процесс институционализации и укрепления мер доверия в районах общих границ с Китаем. После 2001 г. он перерос в полномасштабное противодействие экстремизму самых различных направлений, идущему как из Афганистана, так и с Ближнего Востока, особенно после обострения ситуации в Сирии в 2015–2019 гг. В рамках ШОС была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС) с оперативными подразделениями, регулярно проводятся совместные коллективные и двусторонние военные учения и др.

В то же время базовые документы организации (Хартия и Устав ШОС) фиксируют ее принципиальное отличие от НАТО, ОДКБ и других международных военных структур. ШОС не является военно-политическим союзом или блоком, сочетая в своей деятельности реализацию трех основных треков – безопасность, экономику и гуманитарное сотрудничество. Структура, с одной стороны, вобрала элементы союзнических отношений и открытых организаций по безопасности (таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), АСЕАН, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и др.), а с другой – избежала жестких взаимных обязательств в отношениях с третьими странами, сохраняя гибкий статус для своих членов. На равенство малых и больших членов организации работает и заложенный основателями ШОС принцип обязательного консенсуса при принятии решений, который автоматически снимает отдельные опасения слабых государств относительно диктата тройки сильных – России, Китая и Индии.

Организация не без трудностей, но постепенно налаживает многостороннее торгово-экономическое сотрудничество. С 2006 г. работают Деловой совет (ДС) и Межбанковское объединение (МБО) ШОС, координирующие кооперацию крупного государственного и частного бизнеса

государств-членов. С 2021 г. в рамках финансирования приоритетных проектов повышенное внимание уделяется увеличению объемов торговли в национальных валютах. Иран официально предложил обсудить на одном из саммитов возможность создания валюты ШОС, не привязанной к доллару и национальным валютам стран-членов, ориентированной на углубление процесса дедолларизации и снижения зависимости стран организации от американских активов. Однако пока эта тема не получила своего развития.

Процесс расширения ШОС идет по трем ключевым направлениям – на верхнем этаже, уровне постоянных членов (Китай, Россия, Индия, Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Иран), в 2024 г. состоится переход Белоруссии из группы наблюдателей в постоянные члены организации. Статус наблюдателей сегодня имеет Монголия и Афганистан, статус партнеров по диалогу – Турция, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал и Шри-Ланка. В настоящее время Турция и Азербайджан заявляют о желании повысить свой статус. Мы позитивно оцениваем данный процесс: как уже указывалось выше, расширение ШОС – это повышение статуса ведущей международной организации Евразии, что усиливает позиции России на материке.

Со вступлением новых членов в состав организации ШОС все больше воспринимается в мире не только как региональная, но и как глобальная структура. Она официально зарегистрирована в ООН и имеет в своих рядах четыре ядерные державы. Объективно консервируют и сдерживают ряд важных проектов и инициатив ШОС китайско-индийские и индо-пакистанские противоречия: на сегодняшний день это главная угроза дальнейшему развитию организации «вглубь», формированию содержательной экономической повестки. Разность экономических потенциалов стран тройки и других членов ШОС также объективно сдерживает возможности создания открытой преференциальной кооперации в рамках объединения. По этим же причинам (опасения доминирования Китая со стороны ряда стран-членов) откладывается создание Банка развития (предложенного

Китаем еще в 2010 г.) и Фонда развития ШОС, идея которого была выдвинута президентом РФ в 2013 г.[14].

И тем не менее в контексте формирования Большой Евразии роль ШОС, безусловно, будет ключевой. Российский «поворот на Восток» диктует необходимость более плотной работы нашей страны в этой перспективной и важной организации, выдвижения новых смыслов и идей, которые позволят преодолеть противоречия между странами – членами ШОС и усилят ее роль как в самой Евразии, так и во всем мире.

1.7. ЕАЭС в контексте «поворота на Восток»

Строго говоря, пространство Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не совсем вписывается в стратегию «восточного поворота» России хотя бы потому, что его частью является основной европейский союзник Москвы – Белоруссия. Однако важность Центральной Азии в процессах «поворота» и проект сопряжения ЕАЭС с китайской ИПП делают Союз важнейшим элементом восточной политики России – причем не только и не столько с экономической точки зрения.

Предыстория ЕАЭС связана с подписанием Россией, Белоруссией, Киргизией и Казахстаном в октябре 2000 г. договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), предполагавшего формирование единого экономического пространства на основе созданного Москвой и Минском в 1995 г. Таможенного союза (ТС), к которому присоединились Астана и Бишкек. Однако на практике реализовать проект в полном масштабе тогда не удалось. Главной причиной было нежелание и неготовность участников ЕврАзЭС к глубокой экономической интеграции и сохранение приоритетов на развитие двусторонних отношений[15].

---

[14] Участники ШОС вспомнили про создание банка и фонда развития. 04.07.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/07/2023/64a3fe999a794705e4f8e89d (дата обращения: 01.02.2024).

[15] *С. Жильцов*. Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-eaes-na-sovremennom-etape-itogi-i-novye-vyzovy/viewer (дата обращения: 20.12.2023).

Следующий этап развития евразийской интеграции приходится на октябрь 2007 г., когда Россия, Белоруссия и Казахстан подписали Договор о создании единой таможенной территории, а в ноябре 2009 г. о создании обновленного Таможенного союза, включая принятие Таможенного кодекса и других документов. Итогом институционализации стало подписание 24 мая 2014 г. в Астане главами России, Казахстана и Белоруссии договора об образовании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), присоединение к проекту Киргизии в 2015 г. и начало практической работы новой организации.

С тех пор ЕАЭС стал существенным фактором евразийской интеграции и показывает успешные результаты. Совокупный ВВП Союза в 2023 г. составлял свыше 2 трлн долл., в странах ЕАЭС проживает более 184,3 млн потребителей[16]. Как заявлял осенью 2023 г. вице-премьер российского правительства Алексей Оверчук, рост ВВП и других экономических показателей в ЕАЭС в 2022–2023 гг. превысил соответствующие цифры стран ЕС и Восточной Европы, не входящих в объединение. В условиях санкционного давления на Россию и замедления темпов роста мировой экономики ЕАЭС оказывается важнейшим инструментом сохранения макроэкономической стабильности как самой России, так и ее соседей по объединению.

В рамках российского председательства в ЕАЭС в 2023 г. Евразийской экономической комиссией был подготовлен доклад, в котором, в частности, отмечалось, что статистические параметры развития ЕАЭС в 2022 г. по объемам взаимной торговли государств – членов ЕАЭС оценивались в 83,3 млрд долл., а стоимость произведенной продукции сельского хозяйства и промышленного производства – соответственно – в 170,0 млрд и 1639,2 млрд долл.[17]

---

[16] Алексей Оверчук представил совместное заявление государств – членов ЕАЭС в ходе саммита ЦУР под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН. 19.09.2023. URL: https://eec.eaeunion.org/news/aleksey-overchuk-predstavil-sovmestnoe-zayavlenie-gosudarstv-chlenov-eaes-v-khode-sammita-tsur-pod-e/ (дата обращения: 21.12.2023).

[17] Подготовлен информационный доклад «Евразийская экономическая интеграция». 06.08.2023. URL: http://government.ru/news/49224/ (дата обращения: 21.12.2023).

Тем не менее проблем в развитии Союза сохраняется немало. Еще в 2018 г. был выделен следующий набор ограничителей для интеграционного сближения стран – участниц ЕАЭС:

- резкое преобладание российской экономики в Союзе, что будет заставлять более слабых участников думать не об интеграции, а о сохранении своего экономического суверенитета;
- несбалансированность экономического сотрудничества в рамках объединения по причине российского доминирования;
- различия макроэкономических параметров развития, уровней рыночной трансформации экономики в государствах-участниках;
- нередко несовпадающие задачи национального развития;
- узость внутреннего рынка стран ЕАЭС, сырьевой характер экономик ряда стран-участниц (в том числе пока и России);
- преобладание в рамках объединения межотраслевого разделения труда над внутриотраслевым;
- экономические противоречия, обусловленные взаимными ограничениями допуска на внутренние рынки. Евразийская экономическая комиссия отмечала 60 препятствий (барьеры, изъятия, ограничения) на пути развития взаимной торговли стран – участниц ЕАЭС[18];
- отвлечение России на борьбу с внешними угрозами, влияющее на ее статус как лидера объединения, потому что другие участники ЕАЭС хотели бы сохранять нейтралитет в конфликте России с Западом;
- сохранение определенных противоречий между национальными экономическими программами раз-

[18] Количество барьеров на внутреннем рынке достигло максимально низкой отметки. 21.05.2021. URL: https://eec.eaeunion.org/news/kolichestvo-barerov-na-vnutrennem-rynke-dostiglo-maksimalno-nizkoj-otmetki/ (дата обращения: 01.02.2024).

вития стран-участниц и декларируемыми задачами ЕАЭС;

- доминирование в ЕАЭС геополитических целей и недостаточное внимание к конкретным макроэкономическим направлениям развития [Спартак 2018: 401–402].

Очевидно, что количество вызовов и ограничений, стоящих перед ЕАЭС, за пять прошедших лет только возросло. Главным вызовом стали антироссийские санкции Запада, серьезно повлиявшие на внешнеэкономическую политику государств Центральной Азии и замедлившие интеграцию на пространстве ЕАЭС. Так, создание общего финансового пространства и единого рынка энергоносителей стран ЕАЭС должно было быть завершено к 2025 г., что могло стать прорывным моментом для интеграционных процессов. Но пока единая экономико-технологическая взаимозависимость между государствами Союза не создана [Кривогуз, Фесенко 2022: 21–22]. Ряд государств ЕАЭС официально заявляют о своей «многовекторности», которая на практике при подписании ими новых договоренностей с западными странами и Китаем приводит к нарушению старых соглашений и обязательств в отношении стран – партнеров по ЕАЭС и прежде всего России [Чуфрин 2020: 14–17]. Между Россией и ее соседями появились многочисленные проблемы в области торговли, вызванные опасениями вторичных санкций в столицах государств Центральной Азии.

Каким быть Союзу в новых условиях, удовлетворительного ответа у правительств стран-участниц пока нет. До 2022 г. пространство ЕАЭС большинством экспертов рассматривалось как место конкуренции и ресурс освоения для Европы и стран Восточной Азии. Отмечался значительный рост транзитных контейнерных сухопутных перевозок по транспортным коридорам Запад – Восток [В поисках новой архитектуры многополярности 2020: 87, 94, 112]. Обсуждались возможности применения европейского и восточного опыта для международной интеграции ЕАЭС с акцентом

на азиатские государства и международные объединения, включая создание обширной сети зон свободной торговли с зарубежными партнерами, интегрированными в глобальные и региональные цепочки поставок. Важная роль отводится созданию национальных платежных систем с увеличением торговли в национальных валютах и хеджированию кредитных рисков, запуску программ поддержки науки и инноваций. В настоящее время в условиях ужесточения протекционизма Запада выводы и предложения, сделанные еще в 2020 г. о необходимости корректировки внешней стратегии и тактики ЕАЭС с большей ориентацией на Восток и его институты, оказались в целом справедливыми [В поисках новой архитектуры многополярности 2020: 49, 77, 95].

Вице-премьер Правительства РФ Алексей Оверчук, выступая 26 мая 2022 г. на заседании Евразийского экономического форума, осветил ключевые меры поддержки импортеров ЕАЭС, включая освобождение от ввозных пошлин 1300 товаров, что составляло 15% импорта Союза, повышение порога беспошлинного ввоза с 200 до 1000 евро, упрощение режима декларирования безопасности продукции и процедуры пропуска товаров первой необходимости и продовольствия. Он также подчеркнул, что с 7 мая 2022 г. был запущен параллельный импорт, программы льготного кредитования и ряд других мероприятий, актуальных в условиях усиления западных антироссийских санкционных механизмов[19].

В рамках ЕАЭС остро стоят вопросы развития промышленной интеграции стран Союза, повышения уровня взаимной торговли продукцией обрабатывающей промышленности. За 2021 г. на внутреннюю торговлю приходилось только 5,2% от общего объема рынка ЕАЭС. Необходимо предметное изучение вариантов подъема кооперационных поставок промышленных товаров государств – участников Союза и поддержка институтами ЕАЭС экспорта совместно произведенной продукции в третьи страны дальнего зарубежья.

[19] Алексей Оверчук: пришло время создавать стратегию ЕАЭС до 2035 года. 26.05.2022. URL: http://government.ru/news/45519/ (дата обращения: 21.12.2023).

Важным вызовом остается сложный и противоречивый процесс сопряжения ЕАЭС и ИПП. В российском экспертном дискурсе прорабатывался сценарий создания Россией и Китаем структуры взаимодействия в Евразии, в которой ШОС играла бы связующую роль между китайским проектом ИПП и ЕАЭС. Подобный подход позволил бы снизить возможности экономического доминирования Китая и сохранить традиционные позиции России в Центральной Азии без ущерба евразийской интеграции. До введения массовых антироссийских санкций для России было важным подключение к международным финансовым ресурсам: Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, Азиатскому банку развития, Европейскому банку реконструкции и развития, Всемирному банку и др. В текущем режиме, с учетом сужения зон финансовой кооперации с западными и рядом азиатских банков, углубления режима санкций, Россия радикально обновляет списки участников евразийской интеграции и ищет новые источники финансирования своих проектов.

Относительно самостоятельным вопросом остается проблема эффективности взаимодействия и состыковок российско-китайских коридоров в Евразии. До 2022 г. существовало три коридора доставки товаров из Китая в ЕАЭС:

а) КНР – Казахстан (через Достык) – Россия;
б) КНР (через Маньчжоули) – Россия (через Забайкальск);
в) Транскаспийский: КНР – Казахстан – Азербайджан – Украина (через Ильичевск).

Эксперты подчеркивали коммерческую нерентабельность данных сухопутных коридоров по сравнению с более выгодными морскими контейнерными перевозками Китай – Европа [Коростиков 2020]. Начиная с 2022 г. и коммерчески, и политически для России стало целесообразно развитие первых двух коридоров. С учетом модернизации дальневосточных железнодорожных переходов и увеличения российско-китайских грузопотоков маршрут через За-

байкальск и другие дальневосточные переходы приобретает особую, стратегическую значимость, компенсируя законсервированные транспортные каспийские или сократившиеся казахстанские «окна».

Как известно, в отличие от ЕАЭС китайская инициатива пока не является институционализированной организацией, хотя в октябре 2023 г. такое предложение уже высказал председатель КНР Си Цзиньпин. ИПП подразумевает комплексное продвижение китайских товаров, услуг, капиталов, создание новой и обновление старой транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие КНР и сопредельных стран и регионов. Морской компонент ИПП охватывает южные моря Китая и Индийский океан, освоение совместно с Россией маршрутов Северного морского пути (СМП), соединяющего Восточную Азию с Европой [Инвентаризация проектов 2021]. При этом российские эксперты позитивно оценивают возможности российско-китайской кооперации в зоне СМП, включая ресурсы и специфику китайской политики по прокладке арктических коридоров, транзиту товаров и инженерно-логистической работе на данном направлении [Петровский, Филиппова 2022].

Большинство западных и часть российских экспертов считают, что ИПП представляет собой завуалированный вариант установления китайского экономического господства в Евразии. В частности, многие ссылаются на возникшую финансовую зависимость отдельных государств (Таджикистан, Греция, Шри-Ланка, Черногория, Джибути и Лаос), попавших в «кредитную ловушку» Поднебесной и являющихся активными потребителями китайских кредитов. Для России подобных рисков и угроз пока не существует. При определении изначальных позиций российско-китайского евразийского взаимодействия на высшем уровне были сформулированы и согласованы общие политические принципы равенства двух проектов – ЕАЭС и ИПП – в рамках известного российско-китайского соглашения о сопряжении, подписанного 8 мая 2015 г. Россия, не являясь участником ИПП, строит и реализует свою евразийскую стратегию, которая не

всегда совпадает с китайской. При этом разное тактическое видение направлений, маршрутов и транспортной логистики не влияет на общий характер российско-китайской кооперации в Евразии, включая Центральную Азию.

1.8. Задачи «восточного поворота» России

Исходя из изложенного выше анализа, можно сформулировать основные задачи российской политики по «повороту на Восток». Уже упомянутая дорожная карта Валдайского клуба, опубликованная в 2017 г., впервые поставила некоторые из этих задач. В частности, были указаны следующие:

1) необходимость создания новой транспортно-логистической стратегии Большой Евразии, которая к 2023 г. была конкретизирована в формирование двух магистральных транспортных коридоров Запад – Восток и Север – Юг, строительство новых газопроводов, включая «Силу Сибири-2» в Монголию и Китай и Транскаспийского газопровода в Южную Азию;
2) скорейшая разработка и внедрение независимых от SWIFT платежных систем на основе национальных систем России и КНР, других стран ШОС и БРИКС, а по мнению ряда руководителей правительства, – формирование системы автоматических платежей в национальных цифровых валютах без использования банков-корреспондентов;
3) создание пула резервных валют в рамках ШОС и БРИКС, что позволит существенно снизить контроль над международной торговлей со стороны США;
4) восстановление исторических и культурных нарративов, общих для государств Евразии – от культурного феномена Великого Шелкового пути до государства Чингисхана [К Великому океану 2019].

Сегодня этот свод задач можно пополнить рядом других. Ребалансировка российского развития с западного век-

тора к восточному требует изменений не только в экономической сфере, к которой относятся упомянутые в дорожной карте направления. Речь идет о комплексной работе, которая неминуемо должна затронуть и другие сферы российской политики, сферы жизнедеятельности российского общества и государства.

С нашей точки зрения, «восточный поворот» имеет пять основных измерений, в том числе:

- внешняя политика или дипломатия, включая как двусторонние связи, так и многосторонние форматы участия России в работе международных организаций и неформальных объединений;
- экономика и бизнес, включая торговые, логистические, финансовые, инфраструктурные взаимоотношения нашей страны с зарубежными партнерами, взаимодействие на уровне предпринимателей, корпораций, деловых объединений, а также в первую очередь повышение значения Сибири и Дальнего Востока в российской экономике;
- военные и военно-технические связи, относящиеся как к области внешнеполитического, так и внешнеэкономического взаимодействия;
- научно-технологическое развитие России через сотрудничество с зарубежными странами;
- гуманитарный вектор, включающий важнейшую образовательную составляющую, сферу культуры и идеологии.

Пять указанных измерений являются сегментами единого спектра, в рамках которого выстраивается ребалансировка развития России в долгосрочном режиме, с постепенным отходом от западной зависимости и фокусировкой на евразийское пространство. Можно с уверенностью сказать, что нашей стране вряд ли удастся создать эффективно работающую Большую Евразию в любом смысле этого термина – политическом, экономическом, идеологическом, – если в

России не будет существенно усилена восточная политика по всем пяти сегментам данного спектра.

Предлагаем следующий набор основных задач «восточного поворота» России на период до 2035 г., которые сформулированы на основе указанных пяти направлений:

1) усиление вовлеченности России в двусторонние международные отношения в Евразии и АТР, в том числе повышение уровня отношений со странами АСЕАН и Южной Азии до полноценного стратегического партнерства;
2) повышение роли России в евразийских интеграционных процессах с уточнением рамок и возможностей нашей страны. Здесь важно более пристально изучить возможности для России быстро развивающейся инициативы ИПП, с особенным упором на аспекты совместного с партнерами освоения Северного морского пути. Не следует механически подходить к этому процессу, который по ряду объективных причин содержит ряд ограничителей для России. Один из них связан со спецификой сложившихся восточноазиатских интеграционных механизмов на институциональном и ментально-психологическом уровнях. В регионе за последние тридцать лет сложились и действуют две базовые модели интеграции – открытого и закрытого типов регионализма. Первая предполагает активное участие внешних игроков в интеграционных процессах АТР, вторая ориентирована исключительно на государства региона в рамках известного тезиса «Азия для азиатов» [Торкунов, Стрельцов 2023: 8]. Очевидно, что для РФ в первом случае для полноценного интеграционного участия требуется преодоление высокой конкуренции США, ЕС и др.; второй вариант исключает Россию, которая, по мнению большинства восточных народов, является страной европейской;
3) пристальное практическое изучение государственно-правовых систем стран Азии, их лучших практик

последних десятилетий в целях повышения эффективности российской законотворческой системы, механизмов функционирования государства и права;

4) корректировка и уточнение государственно-религиозной политики с упором на изучение практики восточных стран, религий и религиозных организаций стран Азии;
5) формирование новых и модернизация существующих рынков сбыта российской продукции в Азии в условиях нарастающих западных санкций, снятие рисков импорта западной высокотехнологичной продукции для зарубежных производителей, выстраивание новых цепочек поставок для основных отраслей российской экономики в рамках Стратегии внешнеэкономического развития РФ до 2030 г., которая должна быть принята правительством в 2024 г.;
6) построение в кратчайшие сроки евразийской транспортно-логистической системы с магистральными коридорами Север – Юг и Запад – Восток для перемещения всех видов товаров, услуг и потоков, формирование единого логистического пространства от Калининграда до Дели, Сингапура и Шанхая, которое впоследствии, после неминуемого окончания конфликта России с Западом, будет сопряжено с европейской логистической системой и сделает Россию ключевой державой Евразии. Здесь, безусловно, полезным будет являться и сопряжение проектов ЕАЭС и ИПП;
7) создание международной финансовой системы, альтернативной нынешней, находящейся под контролем США. Речь идет и о системах расчетов без использования системы SWIFT, и о едином межбанковском пространстве, и о расчетных единицах, приемлемых для стран Евразии, в качестве таковых могут выступить создаваемые сегодня национальные цифровые валюты стран БРИКС;
8) формирование благоприятных регуляторных, таможенных, налоговых условий и преференций для рос-

сийских компаний, работающих в странах Азии, интенсификация усилий по формированию режима наибольшего благоприятствования для российских компаний на рынках восточных стран;

9) ускорение реформ по социально-экономическому и инфраструктурному переустройству регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока для ослабления асимметрии между европейской и азиатской частями России и более успешного сотрудничества с сопредельными регионами стран-соседей;
10) создание совместных зон развития высоких технологий, технопарков, научных мегапроектов и иных форм научно-технологического партнерства с ведущими странами Азии, прежде всего с Китаем, для ускорения технологического развития России при сохранении ее технологического суверенитета;
11) контентная перестройка системы российского среднего и высшего образования со значительным усилением азиатского компонента в сфере гуманитарных наук, изучения высоких технологий, финансов, строительства и транспорта;
12) углубление культурного взаимодействия со странами Азии для более глубокого понимания образа жизни и образа мысли наших восточных соседей;
13) усиление идеологической работы внутри страны и за ее пределами для выстраивания евразийского дискурса в сфере истории, науки, образования и культуры. Это позволит сформировать приемлемое общественное понимание евразийских корней российской цивилизации и снизить риски недружественных для России идеологических концепций, продвигаемых как на Западе, так и в ряде восточных стран;
14) более широкое использование «мягкой силы» для формирования адекватного имиджа России, ее политики, бизнеса и культуры в странах Востока, усиление информационной работы по повышению уровня знаний о России и ее политике [«Азиатский поворот» 2022; Вопросы географии 2022].

Таковыми представляются основные, магистральные задачи российской политики «поворота на Восток». Разумеется, это далеко не исчерпывающий список, однако выполнение этих 14 задач может уже к 2030 г. полностью сбалансировать внешнюю политику и внешнеэкономическую деятельность России, снять риски большинства санкций со стороны стран Запада и существенно повысить эффективность всех видов деятельности России в странах Востока.

1.9. Экспертные исследования в области «поворота на Восток» и евразийской политики в России и КНР

В России сегодня функционирует широкая палитра научных, аналитических и экспертных центров, занимающихся теоретическими и прикладными исследованиями в сфере российской восточной политики и взаимоотношений с государствами Восточной Азии.

Крупнейшими научными центрами в Москве являются НИУ ВШЭ, МГИМО, Институт Китая и современной Азии (ИКСА) РАН, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Институт востоковедения РАН. Среди аналитических центров следует выделить Российский совет по международным делам (РСМД), дискуссионный клуб «Валдай», Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Российский институт стратегических исследований (РИСИ). За пределами Москвы можно назвать Санкт-Петербургский, Поволжский, Дальневосточный, Тихоокеанский и некоторые другие университеты. Все указанные центры готовят аналитические доклады, публикуют монографии и научные статьи на связанные темы.

Работы НИУ ВШЭ, тесно связанные с Валдайским клубом, уже были обозначены выше и в 2012–2019 гг. сформировали общее направление экспертно-аналитического дискурса по вопросам целей и задач российской восточной политики.

Одним из важнейших изданий по текущим российско-китайским отношениям остается ежегодный доклад «Российско-китайский диалог», публикуемый совместно РСМД и ИКСА РАН, с российской стороны, и Фуданьским университетом – со стороны КНР (см.: [Бабаев, Кортунов и др. 2023]).

Важнейшими периодическими изданиями, посвященными проблематике современных взаимоотношений между Россией и ее восточноазиатскими партнерами, являются: «Российское китаеведение», «Японские исследования», «Корееведение», «Вьетнамские исследования», «Проблемы Дальнего Востока», «Международные процессы», «Россия в глобальной политике», «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Полис» и др.

В последние годы вышли в свет многочисленные важные исследования, сосредоточенные на развитии и перспективах интеграционных процессов и организаций в Евразии. В частности, можно назвать следующие темы таких исследований:

1) формирование российско-китайского сближения в качестве доминирующего процесса в международном сегменте Большой Евразии [Бабаев, Кортунов и др. 2023; Лукин 2019];
2) сближение проектов ШОС, БРИКС и АСЕАН как геополитической основы незападного мира, включая евразийское пространство [Пути и пояса Евразии 2019; Бабаев, Сазонов 2022];
3) отказ от европейских ценностей и нарративов во взаимодействии с восточными партнерами [Лукин 2020: 50–51];
4) соотношение возможностей и рисков китайской ИПП в евразийском измерении [Михалев 2016: 90–103; Денисов 2016: 27–35; Лузянин 2018б].

После запуска в 2013 г. Китаем мегапроекта ИПП российский дискурс по китайской проблематике сконцентрировался на политологическом, геоэкономическом и философ-

ском анализе тематики ИПП, ее влиянии на мир, Евразию и Россию. Появился ряд новых перспективных направлений:

1) освещение китайской инициативы в контексте российских транспортных проектов как единого евразийского процесса [Пути и пояса Евразии 2019: 134–139, 344–358; Лузянин 2018б; Семенова 2023];
2) выявление реальных и мнимых рисков (поглощение, сопряжение, конфликты и пр.) участия в ИПП для России [Лузянин 2018а; Денисов 2016: 44–45; Помозова 2021];
3) анализ центральноазиатских, монгольских и других евразийских сегментов на пространстве ИПП, определение степени их зависимости от Китая, измерения транспортной безопасности в Евразии [Лузянин 2021а; Аристова, Семенова 2019] и др.

Особую нагрузку несет проблематика евразийской безопасности. По этому направлению экспертный анализ концентрируется в двух основных сферах:

1) изучении текущих, ситуационных вызовов и угроз в плане их влияния на Россию и ее интересы;
2) анализе базовых, фундаментальных явлений, отражающих глубинные тенденции развития центральноазиатских государств, которые исследуются такими учеными, как И.А. Сафранчук (МГИМО), И.Д. Звягельская и Д.Б. Малышева (ИМЭМО РАН) и др.

Многие российские эксперты определяют параметры безопасности Большой Евразии как систему из трех взаимосвязанных элементов:

а) транспортных коридоров;
б) режимов и вызовов безопасности;
в) ценностно-идеологических систем, вопросов идентичности региона как самодостаточной альтернативы

евроатлантическому, «Индо-Тихоокеанскому» и Азиатско-Тихоокеанскому регионам [Архитектура безопасности 2021: 132–33, 176–180, 223; Политика безопасности стран современного Востока 2021].

Такая постановка, на наш взгляд, вполне правомерна, учитывая, что процессы деглобализации и регионализации усилились накануне и в период пандемии COVID-19 и продолжают развиваться. В условиях обострившегося конфликта России с Западом происходит быстрое дистанцирование Евразии от Европы, этот процесс приобретает долговременный характер. Фактически Евразия вне ЕС превращается в ядро формирующегося незападного мира, границы которого пока формируются и уточняются.

Китайское экспертное видение евразийской проблематики представлено в работах профильных академических институтов Китайской академии общественных наук (КАОН) – Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА), Института мировой экономики и политики (ИМЭП), Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ); ведущих университетов КНР – Пекинского, Цинхуа, Народного, Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай), Фуданьского университета (Шанхай), и государственных научно-исследовательских структур – Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), Китайской академии международных исследований МИД КНР (КАМИ), Китайского института международных стратегических исследований (КИМСИ) и др.

Китайские ученые сформировали два основных направления поисков:

1) исследование текущих ключевых процессов и событий и их влияние на евразийское пространство в сферах безопасности, экономики, транспорта, включая продвижение сухопутных коридоров ИПП через Евразию, в особенности через Центральную Азию;

2) анализ общих исторических и современных контуров Большой Евразии, изучение места России и Китая на данном пространстве, специфики реализации глобальной концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» в евразийской проекции.

На традиционном фундаментальном (историческом) треке, в частности, китайские эксперты обращают внимание на то, что с некоторыми странами, расположенными по маршрутам ИПП, у Китая исторически существовал недостаточный уровень взаимного доверия. Многие страны не входят в число основных торгово-экономических партнеров Китая, с рядом государств отсутствуют значимые обмены в гуманитарной области и отношения омрачены территориальными конфликтами и историческими спорами [Цзоу Лэй 2015: 245, 250, 269, 281–285].

В китайской экспертной литературе так же, как и в России, доминирует проблематика безопасности в Евразии, в особенности в районах, в которых строятся китайские инфраструктурные объекты. Начиная с 2015 г. эксперты КНР проводят мысль о необходимости расширения военно-технического присутствия Китая в проблемных регионах Центральной Азии, поскольку там растет количество работников китайских государственных и частных предприятий, инженеров и технических специалистов вдоль маршрутов ИПП. При этом предлагаемые пункты китайского присутствия не называются военными базами, а именуются «точками технического обеспечения» [Лю Цинцзянь, Фан Цзиньчэн 2015: 114–117]. Эта тенденция является для России весьма опасной.

К современным актуальным тематикам китайские эксперты также относят российско-китайское стратегическое партнерство, которое в целом оценивается как важное и необходимое Китаю с точки зрения спокойствия на его северных границах, сдерживания США, возможностей кооперации в Центральной Азии, при которой Россия может эффективно отвечать за региональную безопасность. На этом

«прагматичном» направлении работает группа экспертов – специалистов по России: профессора Чжао Хуашэн (Центр международных исследований Фуданьского университета, Шанхай), Син Гуанчэн (Институт по изучению пограничных проблем Китая КАОН), Ли Юнцюань (Ассоциация по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии), У Эньюань (Уханьский университет), Сунь Чжуанчжи (ИРВЕЦА КАОН) и др.

В Шанхае работает группа исследователей, рассматривающих российско-китайское партнерство преимущественно через призму китайско-американских отношений. Это, в частности, профессора Фэн Юйцзюнь (Институт международных исследований Фуданьского университета) и Фэн Шаолэй (Школа международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета). Для таких исследователей характерно отрицать целесообразность сближения с Россией и продвигать мысль о более тесном сотрудничестве с США для обеспечения биполярной устойчивости мировой политической и экономической системы. Однако в последние годы по объективным причинам такая точка зрения является в Китае непопулярной и правительством КНР не поддерживается.

Ключевым для китайских исследователей остается вопрос оптимальных для Поднебесной вариантов встраивания китайских экономических компонентов в структуру российско-китайского взаимодействия, направленного на реализацию проектов ИПП и ЕАЭС. В частности, до начала украинского кризиса ряд экспертов делали упор на региональной кооперации и трансграничной торговле, включая возможности ее либерализации, и создании преференциальных зон [У Юньюн, Ван Бинфэн 2020]. В настоящее время данные варианты теоретически сохраняются, но авторы стали писать о них более осторожно.

С 2015 г. в среде китайских ученых циркулировали мнения о том, что ЕАЭС недостаточно эффективен для реализации ИПП, что лучше вести дело исключительно на основе двусторонних отношений с Россией и центральноазиатски-

ми странами, продвигая выгодные Китаю транспортные и иные проекты [Чжан Юньлин 2015; Ян Сылин 2015; Ван Ивэй 2015: 111–116]. В этом же русле работает профессор Пань Давэй (Центр по изучению России ШАОН), который делает акцент на сотрудничестве с РФ в коллективных форматах (ШОС, БРИКС) и на интенсификации сближения России с китайской ИПП.

Острота данной темы в Китае, на наш взгляд, связана с проблемой стран – реципиентов ИПП и их растущей торговой и финансовой зависимостью от Китая, в которую они постепенно погружаются после запуска инициативы в 2013 г. Из 53 государств – реципиентов китайских кредитов восемь стран в настоящее время находятся, по определению российских экономистов, в кризисной зоне (Монголия, Таджикистан, Киргизия, Шри-Ланка, Лаос, Камбоджа, Греция, Пакистан). Часть российских экспертов отмечают, что наряду с положительными моментами, для стран-реципиентов существуют и определенные вызовы, включая так называемые китайские финансовые ловушки, в которые они попадают. Китайские эксперты Сунь Чжуанчжи (ИРВЕЦА КАОН), Пань Давэй и др., наоборот, отрицают факты такой зависимости, отмечая социально-экономическую пользу китайских кредитов, направленных на формирование жизненно важной инфраструктуры таких государств.

Принципиальной в этом вопросе, на наш взгляд, является сформировавшаяся в течение 2015–2017 гг. российская позиция отказа от прямого вовлечения в ИПП в пользу сопряжения двух инициатив, российской и китайской, на равноправной основе, что и было зафиксировано в Заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути в 2015 г. и российско-китайском соглашении 2017 г. об экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР на непреференциальной основе.

В целом можно сказать, что российский и китайский нарративы по проблематике евразийского взаимодействия и будущего Евразии существенным образом расходятся. В сегодняшнем Китае до сих пор не сформировалось окон-

чательное понимание, что партнерство с Западом для КНР более нереализуемо, что Китай рассматривается странами Запада как оппонент и угроза западному доминированию в мировой политике и экономике. А следовательно, в ближайшие годы уже начавшееся замедление торговли между КНР и США, КНР и ЕС будет только набирать обороты, а экономическое сотрудничество, за счет которого во многом было осуществлено китайское экономическое чудо, будет уступать место противостоянию и санкционному давлению. В то же время США будут всячески противиться усилению китайского экономического и политического влияния в Евразии, препятствуя развитию ИПП и других внешнеполитических инициатив КНР. В ситуации, когда Китай испытывает трудности взаимоотношений практически со всеми своими соседями, осложненные территориальными спорами, его роль как лидера евразийской интеграции, предлагаемая большинством китайских экспертов, оказывается под вопросом. С нашей точки зрения, только партнерство между Китаем и Россией может сыграть объединяющую роль в процессе формирования Большой Евразии: Китай будет выступать ее экономическим, а Россия – идеологическим и политическим драйвером. По отдельности каждой из двух евразийских сверхдержав сложно будет достичь этой амбициозной цели, и руководство в Пекине и Москве это хорошо понимает.

ГЛАВА 2.
РОССИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

2.1. Китайская стратегия современной России

Китай на сегодняшний день является основным стратегическим партнером России в Восточной Азии, крупнейшим торгово-экономическим партнером и крупнейшим из всех дружественных России государств мира. С другой стороны, Россия для КНР также является самым близким из крупных государств, основным политическим партнером и одним из главных контрагентов в сфере внешнеэкономической деятельности. Две крупнейшие державы Евразии в основном разделяют подходы к мировой политике, взгляды на будущее человечества и в целом весьма близки с мировоззренческой точки зрения, что позволяет им интенсивно развивать отношения во всех областях и заявлять об отсутствии «верхней границы» в двустороннем сотрудничестве.

Путь к этой дружбе был непростым. Первый официальный русско-китайский договор, заключенный в Нерчинске в 1689 г., содержал немало спорных моментов и явно не был окончательным в условиях постепенного освоения Приамурья и Приморья как с китайской, так и с российской стороны. Окончательное оформление российско-китайской границы произошло только в середине XIX в., когда сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский и российский посланник граф П.Н. Игнатьев убедили дипломатов Поднебесной мирно развести русские и китайские земли по противоположным берегам Амура и Уссури согласно Айгунскому (1858) и Пекинскому договорам (1860). Китай, на тот момент находившийся в слабой позиции, был вынужден пойти на уступку России Приморья.

В современной российской историографии заключенные договоры рассматриваются как справедливое разграничение территории между Российской и Цинской империями. В то же время в академических китайских работах и учебниках, во многих научных публикациях [Янь Цзяци 2005; Сюй Сянмэй 2019] сохраняется тезис об «утраченных Китаем территориях» и «неравноправных договорах» середины XIX в., в числе которых называются Айгунский и Пекинский. В популярной китайской культуре и блогосфере «ностальгия по Приморью» продолжает присутствовать, хотя китайское руководство старается не допускать перехода отдельных высказываний в социальных сетях из маргинальной среды в полуофициальную и тем более в официальные форматы [Страны Востока во внешней политике России 2023: 266–267]. Окончательная демаркация российско-китайской границы в 1990-е и 2000-е годы, включая ее фиксацию по центральному руслу р. Амур, официально закрыла вопрос размежевания, хотя появление в 2023 г. карты КНР, на которой остров Большой Уссурийский был полностью отнесен к территории Китая, вызвал в российских СМИ серьезное беспокойство.

Специфику российско-китайских отношений на первом этапе их формирования справедливо определяют как взаимодействие двух ключевых координат:

а) российской горизонтальной линии, состоящей из европейских традиций и методов, и
б) китайской вертикальной линии, включавшей имперский ханьско-маньчжурский компонент. Их взаимодействие создавало общий вектор развития, находившийся под влиянием и при активном участии «народов-медиаторов» – монголов, маньчжуров, уйгуров, казахов, киргизов и других малых народностей, живших на берегах Амура и в Приморье [Мясников 2014: 271–280, 281–301].

В результате пересечения этих двух линий отношения между двумя величайшими державами Евразии складыва-

лись сложно и в XX в. В течение всего лишь чуть более полувека Россия и Китай трижды заключали союзные договоры (1896, 1945, 1950), но всякий раз они де-факто действовали не более десятилетия. Союзный договор 1896 г. был прекращен по итогам Русско-японской войны в 1905 г., Договор о дружбе и союзе 1945 г. утратил силу после образования КНР в 1949 г., и, наконец, пришедший ему на смену Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. уже к началу 1960-х годов потерял актуальность в связи с резким охлаждением двусторонних отношений, хотя формально оставался в силе до 1980 г.

Из этого опыта обеими сторонами был сделан единственно правильный вывод о нецелесообразности формальных союзных отношений между Россией и Китаем. Подписание 4 июля 2001 г. базового Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве стало началом интенсификации российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия, но о союзе в нем уже не говорится. В Договоре, продленном 17 июня 2021 г. на следующие десять лет, указано, что «…в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из договаривающихся сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон, договаривающиеся стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»[1].

Трактовки данной статьи не создают юридического повода для перехода в новое союзническое качество отношений между РФ и Китаем. Традиционные союзы, которые строились вокруг общей цели (общего врага) на определенное время и не исключали разности интересов по второстепенным целям, сегодня заменяются новыми, более гибкими формами. При этом качественный сдвиг в российско-китайских отношениях в военно-политической сфере произошел

[1] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16.07.2001. URL: http://kremlin.ru/supplement/3418 / (дата обращения: 01.02.2024).

в 2018–2019 гг., и окончательная формализация союзнических отношений России и Китаю не требуется, поскольку она мало что изменит в сложившемся балансе сил. Достигнутый неформальный «квази-союзнический» уровень полностью обеспечивает необходимую безопасность обеих сторон как по общей границе, так и по вопросам взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии [Кашин 2019].

Формальный союз между Россией и КНР в той или иной форме может возникнуть в будущем, однако возможным это станет только при крайних, форс-мажорных обстоятельствах, например полномасштабном военном столкновении Китая с США [Allison 2017]. Однако большинство российских и китайских экспертов, включая и авторов этих строк, исключают подобный сценарий на среднесрочную перспективу [Чжао Хуашэн 2019].

Вехами налаживания полноценного стратегического партнерства России с Китаем стали несколько событий. В 2008 г. сторонам удалось окончательно урегулировать все разногласия по пограничным вопросам, которые не раз приводили к пограничным конфликтам в 1960-е и 1970-е годы. Достигнутые договоренности стали прецедентными для всего мира: две крупнейшие державы смогли преодолеть сложные вопросы размежевания на третьей по протяженности в мире 4200-километровой границе. Это открыло двери для масштабного политического и экономического взаимодействия, для которого не осталось существенных видимых ограничений.

В 2012 г. при подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке Владимир Путин в одной из своих статей предложил российскому бизнесу ловить «китайские ветры» в «паруса» российской экономики[2], что стало очередным стимулом к интенсификации российско-китайского экономического сотрудничества. В 2014 г. было заключено соглашение с Китаем о ежегодных поставках в КНР на 400 млрд долл. в течение 30 лет 38 млрд куб. м. газа с сибирских месторождений,

[2] Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/16390 (дата обращения: 20.12.2023).

в 2019 г. запущен газопровод «Сила Сибири», активно стали развиваться другие коммерческие направления сотрудничества [«Азиатский поворот» 2022: 12–13].

Позитивная эволюция российско-китайского партнерства в последние 12 лет во многом связана с установившимися доверительными личными отношениями между лидерами двух стран – президентом РФ Владимиром Путиным и председателем КНР с 2012 г. Си Цзиньпином. По состоянию на конец 2023 г. руководители России и Китая провели 42 встречи и большое количество телефонных переговоров – каждый из контактов давал дополнительный импульс развитию российско-китайских отношений на всех без исключения треках [Чжао Хуашэн 2022].

Ключевым событием для двусторонних отношений стал визит российского президента в олимпийский Пекин в феврале 2022 г., его переговоры с Си Цзиньпином и подписание Совместного заявления «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», ставшего основой идейной близости наших государств. Китай и Россия фактически сформировали основы общего мировоззрения, общий взгляд на принципы политического устройства мира и отношение к базовым общественно-политическим понятиям. В документе была изложена не только дальнейшая «логистика» расширения взаимного двустороннего партнерства, но и даны новые концептуальные смыслы и идеи существования человечества [Бабаев, Кортунов и др. 2023: 14]. На этой общей идеологической базе стало возможным выстраивать взаимовыгодный диалог по целому ряду направлений: сегодня сложно найти хотя бы один вопрос международных отношений, по которому Китай и Россия занимали бы противоположные позиции. Даже при возникновении новых кризисов в различных регионах мира их реакция является во многом схожей, что показали события в секторе Газа, развернувшиеся в октябре 2023 г.

В Заявлении зафиксированы такие ценностные позиции, как неприятие западного понимания демократии как продукта исключительно европейской цивилизации. Было

подчеркнуто, что «…продвижение и защита демократии – общая задача всего мирового сообщества», а не монопольное право США и их союзников, что каждое государство имеет свои варианты и модели демократии[3].

Владимир Путин и Си Цзиньпин пришли к общему пониманию, что безопасность одного государства не должна решаться за счет других, что сделало их единомышленниками по вопросу расширения НАТО – а следовательно, и по украинской проблеме. «Китайская сторона, – говорилось в Заявлении, – относится с пониманием и поддерживает выдвинутые Российской Федерацией предложения по формированию долгосрочных… гарантий безопасности в Европе»[4].

Важным компонентом договоренностей февраля 2022 г. стала военно-техническая часть российско-китайского партнерства. Речь шла не о механическом сложении военных потенциалов двух стран, а об углублении механизма военно-технической кооперации. В 2020 г. была подписана дорожная карта военного сотрудничества на 2021–2025 гг., регулярно проходят военные сухопутные и морские учения, совместные патрулирования стратегической авиацией и военно-морскими силами наиболее уязвимых западно-тихоокеанских зон и пр. При этом стороны понимают, что оборонно-стратегическая сфера – одна из самых чувствительных и закрытых областей для взаимной транспарентности, границы которой определяются высшим руководством в зависимости от текущей и долговременной ситуации [Лузянин 2022б].

В Совместном заявлении от 4 февраля 2022 г. было отмечено желание сторон соблюдать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и требовать сокращения ядерных потенциалов других постоянных членов Совета Безопасности ООН – США, Великобритании и Франции.

[3] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. //http://kremlin.ru/supplement/5770 (дата обращения: 17.08.2022).

[4] Там же.

Как известно, 2 августа 2019 г. США вышли из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), поставив под угрозу перспективы сохранения всей системы контроля над вооружениями в регионе. В этих условиях Россия не только помогла Китаю в создании системы предупреждения ракетного нападения, но и в рамках несоюзнического партнерства вывела на новый уровень стратегическую координацию и кооперацию с Китаем, включая усиление совместных мероприятий в Восточной Азии и других частях Азиатско-Тихоокеанского региона. Развертывание американских ракет в неядерном и ядерном снаряжении стало и для КНР одной из причин для существенного пересмотра планов строительства стратегических ядерных и тактических сил, новых инвестиций в оборону.

Экономическая часть Совместного заявления от 4 февраля 2022 г. была конкретизирована в пятнадцати документах.

1. Соглашение о сотрудничестве между Правительством КНР и Правительством РФ в области обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства и конкурентной политики.
2. План консультаций на 2022 г. между Министерством иностранных дел КНР и Министерством иностранных дел РФ.
3. Совместное заявление Министерства коммерции КНР и Министерства экономического развития РФ о завершении разработки дорожной карты качественного развития китайско-российской торговли товарами и услугами.
4. Меморандум о взаимопонимании между Министерством коммерции КНР и Министерством экономического развития РФ о содействии инвестиционному сотрудничеству в области устойчивого (зеленого) развития.
5. Договоренность Главного таможенного управления КНР и Федеральной таможенной службы России о взаимном признании «аттестованных операторов».

6. Соглашение о приграничном санитарно-карантинном сотрудничестве между Главным таможенным управлением КНР и Бюро по надзору за соблюдением прав потребителей и общественным благополучием РФ.
7. Дополнительные пункты к Протоколу Главного таможенного управления КНР и Министерства сельского хозяйства РФ о фитосанитарных требованиях к пшенице, экспортируемой в Китай из России.
8. Дополнительные статьи к Протоколу Главного таможенного управления КНР и Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору России о фитосанитарных требованиях к ячменю, вывозимому в Китай из России.
9. Протокол Главного таможенного управления КНР и Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору РФ об инспектировании и карантинных требованиях к люцерне, вывозимой в Китай из России.
10. Совместное заявление Главного управления спорта КНР и Министерства спорта РФ о проведении китайско-российского спортивного обмена на 2022–2023 гг.
11. Соглашение о сотрудничестве между Комитетом по спутниковой навигационной системе Китая и «Роскосмосом» по временной совместимости глобальных навигационных спутниковых систем BeiDou и ГЛОНАСС.
12. Договор купли-продажи природного газа между CNPC и компанией «Газпром Дальний Восток».
13. Дополнительное соглашение к Договору купли-продажи сырой нефти, гарантирующему поставку нефти на НПЗ в Западном Китае между CNPC и «Роснефтью».
14. Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области низкоуглеродной разработки между Китайской национальной нефтяной корпорацией и корпорацией «Роснефть».

15. Соглашение о сотрудничестве в области информатизации и цифровизации [Китай и Россия подписали 2022; Лузянин 2022б: 7–12].

В соответствии с соглашением о купле-продаже дальневосточного природного газа Россия стала ежегодно увеличивать его поставки по действующему трубопроводу «Сила Сибири» в Китай на 10 млрд куб. м. с перспективой роста на 29,7%, а также приступила совместно с КНР к созданию с участием госкорпорации «Росатом» четырех новых энергоблоков АЭС, строительство которых началось в 2021 г. [Ван Сяньцзюй 2022].

По подсчетам китайских экономистов, в 2019 г. на потребление природного газа в мире приходилось 24,2% потребленной первичной энергии, тогда как в Китае – 8,1%. В 2017 г. Комиссия по развитию и реформам Госсовета КНР опубликовала прогнозы использования природного газа в КНР. В документе отмечалась необходимость постепенного превращения природного газа в один из основных источников энергии Китая. В 2020 г. доля природного газа в структуре китайского потребления составляла около 10%, до 2025 г. предполагается увеличение до 39,5% [Ван Сяньцзюй 2022].

Китай и Россия еще до начала конфликта на Украине стали увеличивать объем платежных средств за импорт нефти и газа в евро, юанях и рублях. Если в 2015 г. почти 90% китайско-российских торговых расчетов осуществлялись в долларах США, то в 2020 г. этот показатель упал до 46%, а к концу 2023 г., как уже отмечалось, 95% расчетов уже шли в национальных валютах. В условиях отключения международной платежной системы SWIFT для российских банков особенно актуальным для России стало создание независимой российско-китайской платежной системы для транзакций, обеспечивающей не только энергетические сделки, но и весь спектр двусторонних торгово-экономических и межбанковских операций [Лузянин 2022б].

Начало специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. и резкое усиление конфронтации с Запа-

дом системно повлияли на российско-китайское стратегическое партнерство. Резко усилилось прикладное экономическое измерение, вызванное разрывом экономических связей Европы и США с Россией, перераспределением торгово-экономических, инвестиционно-технологических, сырьевых и энергетических потоков на азиатские направления, в первую очередь на китайское.

Официально Китай с самого начала придерживается нейтральной позиции по конфликту на Украине, однако при этом полностью сохраняет российско-китайскую основу стратегического партнерства, критикует расширение НАТО на Восток и демонстрирует неприемлемость антироссийских санкций. Этот «дружественный нейтралитет» вполне устраивает Россию, поддерживающую китайские усилия по поиску путей урегулирования конфликта на Украине – в частности, мирную инициативу из 12 пунктов, выдвинутую КНР в первую годовщину конфликта 23 февраля 2023 г. [Бабаев 2023б: 48–57].

С 2022 г. начался процесс постепенного замещения уходящих с российского рынка западных компаний новыми партнерами, в том числе из КНР. Основным препятствием для интенсификации этого замещения по-прежнему остаются западные санкционные ограничения. Большинство китайских коммерческих банков блокируют сделки с российскими компаниями в долларах США, боясь попасть под американские вторичные санкции. В транспортных перевозках на европейском направлении Китай, пытаясь избежать конфликтных зон, запускает новые железнодорожные маршруты в обход России, например такие, как Сиань (КНР) – Мангейм (Германия) [Лузянин 2022а]; отдельные китайские компании не торопятся продлевать контракты, занимая выжидательную позицию. Несмотря на многочисленные призывы руководства КНР и лично председателя Си Цзиньпина расширять сотрудничество с Россией, большинство китайских компаний отказывается инвестировать в российскую экономику, негативно оценивая риски вторичных санкций. Часть китайских компаний свернула свой бизнес в России:

в частности, корпорация Huawei в марте 2022 г. ушла с российского рынка[5].

Тем не менее в 2023 г. процесс вхождения китайских компаний на российский рынок ускорился. Сформировался ряд ключевых треков инвестиционной и совместной с российскими компаниями деятельности, включая создание предприятий по производству оборудования, автопрома, химпрома, кооперация в топливно-энергетической, лесной, информационно-технологических сферах. Расширили свою деятельность китайские компании Hi-sense (телевизоры и лазеры), Xiaomi (смартфоны, ноутбуки), Haier (бытовая техника), Weichai Power (двигатели), DMTG (станкостроение), Xibao Group (металлургия), Beijing Gas Group (газотранспортные системы), CNOOC (шельфовые разработки), CNPC (владеющая 20% акций в проекте «Ямал-СПГ» и 10% в «Арктик СПГ-2») и др.[6]. Россия стала крупнейшим экспортным рынком для китайских автомобилей, и автопроизводители КНР один за другим обозначают свое присутствие на российском рынке, запуская новое производство и торговую инфраструктуру.

В октябре 2023 г. руководитель Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилл Дмитриев сообщил о создании совместно с китайскими компаниями Фонда развития гражданской авиационной промышленности для финансирования не только сферы производства гражданской авиационной продукции, но и аэрокосмических, цифровых и энергосберегающих проектов на территории двух стран в равной доле расходов и участия[7].

В марте 2023 г. состоялся государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Россию, основным итогом

[5] Китайские компании на российском рынке после 24 февраля. URL: https://dfnc.ru/ekonomika-i-sanktsii/kitajskie-kompanii-na-rossijskom-rynke-posle-24-fevralya/ (дата обращения: 21.12.2023).

[6] Топ крупнейших китайских инвестиций в Россию / РАСПП. 12.05.2023. URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (дата обращения: 21.12.2023).

[7] РФПИ и партнеры из Китая создадут Фонд развития авиационной промышленности. 17.10.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19034119 (дата обращения: 21.12.2023).

которого стало принятие «Совместного заявления об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», в котором стороны определили параметры своего дальнейшего сотрудничества на двустороннем треке и в международных делах. Лидеры двух стран высказались за тесную внешнеполитическую координацию и взаимодействие на многосторонних площадках с целью построения международных отношений нового типа. Повторяя краеугольное положение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 г. о ненаправленности сотрудничества против третьих стран, в то же время Россия и Китай констатировали, что основные вызовы в сфере глобальной безопасности связаны с нежеланием США и других государств Запада придерживаться принципа равноправия. Поэтому главную цель своих дипломатических усилий две страны видели в сбалансированном развитии системы международных отношений [Бабаев, Кортунов и др. 2023: 16–17].

Кроме совместного политического заявления, в Москве 21 марта 2023 г. были также подписаны следующие прикладные документы:

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области совместного производства телевизионных программ.
- Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 года.
- Меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и Министерством коммерции Китайской Народной Республики об углублении сотрудничества в области выставочно-ярмарочной деятельности.

– Меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и Министерством коммерции Китайской Народной Республики об углублении инвестиционного сотрудничества в области освоения и использования лесных ресурсов.
– Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития Российской Федерации и Министерством коммерции Китайской Народной Республики об углублении инвестиционного сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями Китайской Народной Республики в области соевой промышленности.
– Меморандум о взаимопонимании между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики и Министерством коммерции Китайской Народной Республики по промышленному и инфраструктурному сотрудничеству в преференциальных режимах Дальнего Востока Российской Федерации.
– Протокол между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Министерством науки и технологий Китайской Народной Республики, Объединенным институтом ядерных исследований и Китайской академией наук об укреплении сотрудничества в области фундаментальных научных исследований[8].

В мартовских 2023 г. документах просматриваются семь ключевых направлений сотрудничества: увеличение и оптимизация структуры торговли (достижение уровня товарооборота в 200 млрд долл. в 2023 г.); развитие логистической транспортной системы, финансовой кооперации, сферы энергетики, совместной переработки природных ресурсов

[8] Полный перечень документов, подписанных в рамках визита Си Цзиньпина в Россию. 21.03.2023. URL: https://tass.ru/politika/17331407 (дата обращения: 23.03.2023).

на территориях РФ и КНР; развитие технологий и инноваций, промышленной кооперации, сельского хозяйства[9].

Блок соглашений ориентирован на качественное и количественное расширение инвестиционного сотрудничества. О планах его реализации на встрече с Си Цзиньпином 21 марта 2023 г. говорил председатель Правительства РФ Михаил Мишустин, озвучивший цифру в 78 совместных проектов на сумму 168 млрд долл., подготовленных в рамках пяти российско-китайских межправительственных комиссий[10]. Китайские представители говорили о 52 проектах на сумму 10,2 млрд долл. на 2024 г. [Лузянин 2023б: 9].

Следующим по времени важным визитом стала поездка президента РФ Владимира Путина на III Международный форум «Пояс и путь», состоявшийся в октябре 2023 г. в Пекине. И хотя изначально на мероприятии не предполагалось масштабных переговоров между российским и китайским лидерами, их встречи в общей сложности заняли около четырех часов, а обсуждения затронули самый широкий круг вопросов – от ситуации на Украине и на Ближнем Востоке до развития финансово-экономического сотрудничества России и Китая, открытия в КНР филиалов российских банков и подготовки празднования в 2024 г. 75-летней годовщины установления дипломатических отношений.

Кроме того, важным сигналом мировому сообществу стало подчеркнутое выделение российского лидера из числа 22 руководителей государств, приглашенных на форум «Пояса и пути». Владимиру Путину первому из гостей было предоставлено слово на пленарном заседании форума, он входил в зал торжественного приема рука об руку с председателем КНР, а на фотографировании мировых лидеров также стоял с ним рядом. Российская делегация пользовалась

[9] Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. 21.03.2023. URL: http: www.kremlin.ru/supplement/5919 (дата обращения: 24.03.2023).

[10] Встреча Михаила Мишустина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. 21.03.2023. URL: http://government.ru/news/48037/ (дата обращения: 25.03.2023).

заметными привилегиями и на других мероприятиях форума. Все эти символические жесты, важные для китайского этикета и отмеченные всей мировой прессой, вновь подчеркнули особый характер российско-китайского партнерства в современной системе международных отношений.

19–20 декабря 2023 г. состоялся визит в Пекин председателя Правительства РФ Михаила Мишустина, который совместно с премьером Госсовета Китая Ли Цяном провел двадцать восьмую регулярную встречу глав правительств и встретился с председателем КНР Си Цзиньпином. По итогам визита был подписан ряд документов, включая инвестиционные соглашения о развитии 80 совместных проектов на 20 трлн руб. / 1,6 млрд юаней[11].

Повестка ключевых российско-китайских мероприятий на 2024 г. содержит проведение в мае нового российско-китайского саммита, а в октябре 2024 г. – саммита государств БРИКС в Казани.

Для развития российско-китайских отношений будет особенно актуальным быстрое решение целого ряда задач, основные из которых лежат в экономической плоскости.

Во-первых, необходима интенсификация процесса разблокирования российско-китайских экспортно-импортных операций, ограничения на которые начались после начала украинского кризиса и сохраняются на сегодняшний день, несмотря на все усилия России. Для укрепления партнерства и получения взаимной выгоды китайские партнеры российских компаний должны постепенно уходить от рисков вторичных санкций, активнее использовать всевозможные механизмы минимизации этих рисков, создавать для этого необходимую внутреннюю и двустороннюю инфраструктуру. Несомненно, что, независимо от степени российско-китайской торгово-экономической и технологической интеграции, США будут в любом случае увеличивать санкционное давление на Китай. Технологические компании Китая в настоящее время становятся главным направлением американского удара в контек-

[11] 28-я регулярная встреча глав правительств России и Китая. 10.12.2023. URL: http://government.ru/news/50455/ (дата обращения: 21.12.2023).

сте антироссийских санкций [Бабаев 2022: 42–56], и санкции со стороны США и других стран Запада для них – вопрос времени.

Во-вторых, обеим странам выгодно ускорение «углеводородного поворота» России в Китай, включая строительство газопровода «Сила Сибири-2» через Монголию и увеличение производства и экспорта российского сжиженного природного газа (СПГ). Для России это возможность перебросить поставки газа на Восток после завершения договора с Украиной на транзит газа в 2024 г., для Китая же важно заместить «грязный» уголь в своей энергетике на более экологически чистый природный газ.

В-третьих, остаются актуальными вопросы развития транспортно-логистической сети, о котором не утихают разговоры на всех без исключения российско-китайских правительственных встречах по экономическим вопросам. К примеру, в 2023 г. резкое увеличение объемов китайского импорта создало для России множество новых трудностей в виде отсутствия складских емкостей на маршруте китайского железнодорожного импорта, накапливания пустых контейнерных мощностей, которые нечем загрузить из России в Китай. Открытие в 2022 г. двух новых мостов на российско-китайской границе, безусловно, стало прорывом для трансграничной логистики, однако и этих мостов уже недостаточно. Остро стоит вопрос о модернизации инфраструктуры российских железных дорог. Очевидно, что потребуется уточнение по транспортной логистике Северного морского пути (СМП), создание и расширение других «коридоров» поставок, как и дополнительная кооперация по согласованию закупочных и транзитных цен без серьезных демпинговых условий, объективно деформирующих доверительный и взаимовыгодный характер экономического сотрудничества.

В-четвертых, вопросы формирования благоприятной финансовой среды для бесперебойных платежей между российским и китайским рынками наверняка будут решаться в 2024 г. В условиях, когда сегодня свыше 90% платежей между двумя странами осуществляются в иностранных валютах,

механизмы самих платежей остаются теми же, что и раньше, а следовательно, транзакции все равно могут быть отслежены регулирующими органами США, и это создает санкционные риски для китайских банков. Кроме того, актуальность приобрел вопрос сопряжения систем передачи информации о платежах двух стран – российской СФПС и китайской CIPS (хотя аналогами по функционалу они не являются). Вопросы создания альтернативной международной финансовой инфраструктуры поднимаются и в работе БРИКС, однако наиболее вероятно, что эта задача может быть решена на двустороннем уровне.

Особую важность приобретает межрегиональное сотрудничество, речь о котором пойдет ниже, в том числе совместная работа на территориях опережающего развития (ТОР) и запуск реальной и полномасштабной трансграничной российско-китайской кооперации. Возможности и ресурсы всех 23 российских ТОР вошли в китайские планы еще в 2018 г., но рассматривались больше как дополнительная возможность для будущего сотрудничества. В период пандемии COVID-19 китайское присутствие почти полностью обнулилось, и акцент сменился на активизацию в ТОР исключительно российских компаний, которые в 2020–2022 гг. пришли на Дальний Восток и в Сибирь, что стало чрезвычайно важным и позитивным фактором оживления сибирско-дальневосточной экономики.

В 2024 г. основной трек инвестиционной кооперации должен быть радикально расширен за счет привлечения масштабных китайских инвестиций с нынешних 1,5 млрд долл. до 30–35 млрд долл. в течение ближайших 10 лет. Ключевыми звеньями инвестиционного сотрудничества могут выступить следующие ТОР: «Надеждинская» (Приморский край) – логистика, легкая и пищевая промышленность, переработка минерального сырья, гражданское судостроение, 52 действующих на сегодняшний день резидента; «Николаевская» (Хабаровский край) – рыбопереработка, электроэнергетика, глубокая переработка древесины; «Михайловское» (Приморский край) – агробизнес, животноводство, электроэнергетика; а также сво-

бодный порт Владивосток, имеющий широкую линейку транспортно-логистических и иных проектов, включая морские, контейнерные перевозки [Лузянин 2023б: 10–11]. Возможно, что в ближайшие годы настанет время рассмотреть вариант создания большой зоны свободной торговли из российских приграничных к Северо-Востоку Китая субъектов, как главной преференциальной зоны сотрудничества под масштабные китайские инвестиции и совместные предприятия. В настоящий момент этот вопрос активно обсуждается в российском правительстве, однако на 2024 г. таких планов нет.

Наконец, требуется дальнейшее структурное обновление военно-технического сотрудничества. В 1990–2000-е годы Россия, как известно, почти полностью покрывала военно-технические потребности Китая. В настоящее время ситуация изменилась, и уже российской стороне необходима помощь, включая расширение поставок комплектующих радиолокационного и навигационного оборудования, частей беспилотных летальных средств, обмена данными спутниковой связи и иной российско-китайской технологической и космической кооперации. Для обеспечения бесперебойной работы в этой области еще требуется немало согласований между двумя странами.

Для развития российско-китайских отношений большую роль будут играть отношения КНР с третьими странами – прежде всего с США. К настоящему времени в китайско-американский отношениях произошли, как минимум, три существенные трансформации, прямо или косвенно сказывающиеся на российско-китайском партнерстве.

Если в эпоху президента США Д. Трампа (2017–2021) речь шла в основном о попытках США сдерживать Китай через торгово-тарифные ограничения («торговая война»), то в настоящее время экономические противоречия и процесс декаплинга трансформируются в технологическую войну США против китайских IT-гигантов и платформ в сферах программного обеспечения, полупроводников и пр. В рамках этой же трансформации разворачивается жесткое про-

тивоборство в сферах глобальных инфраструктурных и финансовых проектов. КНР весьма успешно выстраивает свой мегапроект ИПП, в то время как США осенью 2023 г. противопоставили ему проект транспортного коридора Индия – Ближний Восток – Европа, проходящий через Аравийский залив, Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль. То, что, спустя всего лишь месяц после анонсирования конкурирующего с ИПП проекта, Израиль стал самой горячей точкой планеты, наверняка отрезвило американских стратегов, однако проект пока рано списывать со счетов [Лузянин 2021].

КНР активно развивает китаецентричный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) для финансирования ИПП, продвигает юань в качестве мировой резервной валюты, делает ставку на торговлю с ведущими странами мира в национальных расчетных единицах без использования доллара. Все эти процессы усиливают глобальное соревнование США и КНР, в том числе в расходах на НИОКР и наборах протекционистских мер.

Идет трансформация в области ценностно-идеологической конкуренции двух государств. Китай от продвижения своих культурных образов и продуктов «мягкой силы» через «великие бренды» и Институты Конфуция перешел к активной политике «дискурсивной силы», то есть продвижению не столько древних ценностей, сколько современных концепций и нарративов как неких новых мировых стандартов. Импульс для идеологической трансформации дал в 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин, сообщивший на одном из совещаний с партийным руководством о том, что в мире слабых – бьют, бедные – голодают, а молчаливых – ругают[12]. Первый слоган породил усиленную модернизацию Народно-освободительной армии Китая (НОАК), ее ядерной триады, второй – ускорение социальной программы, создание среднезажиточного общества, а третий – трансформацию

[12] *Александр Ломанов*. Китай: сменилась эпоха, сменились уроки. Интервью // Россия в глобальной политике. 19.10.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/kitaj-smenilas-epoha/ (дата обращения: 20.12.2023).

образа Китая и его идеологии в мире. В настоящее время китайская дискурсивная сила имеет четыре составные части:

а) опровержение американской схемы видения мира как состоящего из «прогрессивных» демократий и «агрессивных» автократий;
б) продвижение общечеловеческих ценностей многополярного мира в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и трех ее составляющих: инициатив глобальной цивилизации, глобального развития и глобальной безопасности;
в) реформирование международных институтов управления в интересах развивающихся стран «глобального Юга»;
г) интернационализация китайских технологических стандартов.

Методика доведения китайского образа мысли до человечества также трансформировалась: на смену мягкой, традиционной «дипломатии панд» и китайских улыбок пришла дипломатия «воинов-волков», когда китайские официальные лица МИД и других ведомств жестко выступают в западных СМИ и социальных сетях, отстаивая китайские ценности в противостоянии с США. В качестве одного из последних по времени примеров этой дипломатии стала уже упоминавшаяся публикация в августе 2023 г. Министерством природных ресурсов КНР новой карты страны, вызвавшая возмущение и протесты сразу в нескольких странах – и у соседей КНР, и в США[13].

В отношениях США и Китая наблюдается определенная регионально-страновая трансформация. С американской стороны предпринимаются усилия к дальнейшему продвижению и расширению «Индо-Тихоокеанского региона» с более активным подключением Индии, к укреплению америка-

[13] China's new map outrages its neighbors. 01.09.2023. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/china-new-map-anger-india-south-china-sea-border-disputes-rcna102921 (accessed: 20.12.2023).

но-южнокорейского, американо-японского, американо-филиппинского, американо-австралийского партнерств и многосторонних военно-политических форматов. С китайской стороны просматривается эволюция подходов к ракетным пускам Северной Кореи, которые уже не осуждаются Пекином: за Пхеньяном признается право на сдерживание РК и США. На европейском треке Пекин пытается запустить комплексную программу демонтажа «трансатлантического единства» ЕС – США, используя экономические рычаги давления на французское и немецкое руководство, указывая Парижу и Берлину на необходимость возрождения «стратегической автономии» Европы в отношениях с Америкой. Визиты в 2023 г. высоких политиков КНР в Европу (зам. председателя КНР Хань Чжэна, министра иностранных дел Цинь Гана, главы канцелярии КПК Ван И, спецпредставителя Китая по Украине Ли Хуэя) свидетельствуют о трансформации Пекина в области мирного посредничества в украинском кризисе. Новым является желание Пекина сформировать «лагерь мира» из противников США, объединив инициативы «глобального Юга» на основе своих 12 пунктов по Украине от 24 февраля 2023 г., и возглавить этот процесс. Очевидно, что позиция Вашингтона не совпадает с подходом Китая. При этом перед лицом развивающегося мира КНР выглядит миротворцем, предложения которой отвергают агрессивный Запад и Украина [Бабаев 2023б].

Известны и неудачные попытки Дж. Байдена возродить управляемую модель США – Китай, обсуждавшуюся им на полях саммита «Большой двадцатки» с Си Цзиньпином на о. Бали в ноябре 2022 г. В течение 2023 г., несмотря на визиты в КНР американского госсекретаря Э. Блинкена, министра финансов Дж. Йеллен и других официальных лиц, многочисленные консультации между главами дипломатических ведомств, наблюдалось усиление процесса хаотизации двусторонних форматов и отсутствие ясных элементов управления. В основе конфликтности лежала противоречивая тайваньская повестка. Просматривалось намерение Дж. Байдена и его команды «украинизировать» Тайвань

[Лузянин 2023а: 5–11]. Не дала особых результатов и ноябрьская встреча лидеров двух стран в Сан-Франциско.

Очевидно, что Китай не желает и не заинтересован идти на лобовой конфликт с США в силу множества внутренних и внешних причин. Напротив, в 2023 г., по многочисленным заявлениям китайских руководителей, видно активное желание наладить взаимоотношения с США, которые в самом Китае называют «самыми важными двусторонними отношениями в мире», «отношениями, определяющими судьбу человечества»[14]. Однако в условиях абсолютной невозможности для американской администрации делать значимые шаги для сближения с КНР из-за опасений вызвать критику со стороны республиканской оппозиции перед президентскими выборами 2024 г. эти примирительные заявления КНР обречены на отсутствие результата.

Идущие трансформации в китайско-американских отношениях являются дополнительным триггером для российско-китайского сближения [Ломанов 2020]. При этом Москва и Пекин высоким уровнем взаимодействия дают понять Вашингтону, что вопросы глобальной и региональной безопасности – уже не только американская прерогатива, что баланс сил в Латинской Америке, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной, Центральной и Восточной Азии – предмет пристального внимания и практической деятельности России и Китая, что российско-китайские отношения – это не только нефть и газ в обмен на оборудование, но и обновление институтов глобального управления.

Таким образом, сложившаяся к 2024 г. российско-китайская модель отношений отражает весь спектр сложностей, противоречий и вызовов современного мира, включая условия «военного времени», процессы внутренней и внешней мобилизации двух государств. «Восточный поворот» России привел к тому, что наша страна больше не рассматривает Китай исключительно как свой «восточный тыл»,

[14] Xi Says US-China Relations Impact 'Destiny Of Mankind'. URL: https://www.barrons.com/news/chinese-leader-xi-jinping-meets-top-us-senator-schumer-state-media-df63bf0b (accessed: 20.12.2023).

как ресурс политико-дипломатической и экономической поддержки, но выстраивает стратегическое долгосрочное партнерство с КНР как основным контрагентом в своих усилиях по формированию нового многополярного мира.

Китай продолжит оставаться основным фокусом российского «поворота на Восток» как минимум ближайшее десятилетие. Его доля в российском товарообороте только растет, его импортные поставки и рынок будут оставаться важнейшими элементами обеспечения экономической и технологической безопасности нашей страны, его политическая поддержка российской дипломатии будет продолжать играть важную роль в системе международных отношений России. Для многих предпринимателей, региональных и федеральных чиновников, деятелей науки и образования, граждан России «поворот на Восток» – и есть поворот к Китаю. И практически все 14 задач, выделенных выше в главе 1 как магистральные задачи «восточного поворота», применимы к КНР как крупнейшему целевому ориентиру этого поворота.

Основным политическим треком для двух государств остается вопрос пределов сближения. Учитывая, что Россия и Китай успешно наполняют сложившуюся для них на сегодняшний день оптимальную форму – «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» – неофициальным союзническим содержанием, они, таким образом, с одной стороны, не отходят от внеблоковой дипломатии, а с другой – эффективно противостоят западным союзам. Эта политика, избранная лидерами наших стран, весьма выгодна России для страховки от растущего глобального экономического и технологического влияния Китая [Ломанов 2023].

России предстоит немало сделать и для налаживания дальнейшего сотрудничества с КНР, и для обеспечения своей независимости от ее подчас агрессивной внешней политики. Обе цели требуют глубокого понимания китайского образа мысли, политики, перспектив экономического и общественного развития, китайской цивилизации в целом. Понять Китай – значит уже в определенном смысле гарантировать успех восточной политики России.

2.2. Дальневосточный фактор в российско-китайском сотрудничестве

Уже в 1990–2000-е годы доктрина об усилении роли российского Дальнего Востока в АТР осуществлялась в рамках идей взаимодействия тихоокеанской России с соседним азиатским миром, включая использование дополнительных возможностей экономической интеграции российских дальневосточных регионов, прежде всего, с Китаем [Зуенко, Савченко 2023; Ларин 2020; Александрова 2016; Лузянин 2021а; Меламед, Прокопьева 2013]. На дальневосточных землях исторически существовали торговые контакты между двумя великими цивилизациями Евразии, причем не только на государственном уровне, но и между предпринимателями и простыми гражданами. В XIX в. эти контакты достигли такой степени интенсивности, что в приграничной зоне возник даже особый язык – кяхтинский пиджин, созданный для повседневного торгового общения на основе русской лексики и более простой китайской грамматики [Попова, Таката 2017]. Не менее интенсивным было приграничное сотрудничество в «десятилетие дружбы» между СССР и КНР в 1950-е годы.

Для современного Китая прикладной спектр российского «восточного поворота», особенно в соседних с ним сибирско-дальневосточных регионах, во многом связан с возможностью использования гидроресурсов и минеральных ресурсов, созданных Россией территорий опережающего развития (ТОР) и обновленного статуса и инфраструктуры свободного порта Владивосток (СПВ). Российское руководство, как известно, в 2015–2017 гг. запустило первые 12 ТОР и СПВ в качестве преференциальных зон, к 2022 г. доведя их количество до 23. Основные параметры и отраслевая специфика всех ТОР были представлены достаточно широко: от туризма, агробизнеса, горнодобычи, транспорта и логистики до морских биоресурсов, рассчитанных как на внутренний российский, так и иностранный/китайский капиталы [Новоселова 2018: 5–15, 22, 24].

Частично данная инициатива себя оправдала: на Дальний Восток, кроме иностранных компаний, пришли и российские госкорпорации, появились новые проекты в сферах агробизнеса, инфраструктуры, переработки углеводородов и др. Однако главная цель – массовое привлечение иностранных, в первую очередь китайских инвестиций, – к 2023 г. не была достигнута.

Китайские предприниматели обычно выделяют четыре основные группы рисков для развития своего бизнеса на российском Дальнем Востоке:

1) противоречивая регуляторная база и судебная система;
2) высокие налоги и необоснованные сборы;
3) неэффективное государственное управление, громоздкие процедуры и длительные циклы оформления проектов;
4) слаборазвитая инфраструктура [Инвестиции и риски 2020].

Ключевой проблемой для китайской и российской сторон является определение оптимального соотношения экономической открытости и защиты локального производства приграничных районов Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР.

Сдерживающим фактором для России в этом смысле остается сильная асимметрия экономических потенциалов РФ и КНР в пользу последней, которая, в свою очередь, проецируется на некоторую экономическую асимметрию регионов Сибири и Дальнего Востока и провинций Северо-Востока КНР. Это – объективное препятствие, которое пока не позволяет российской стороне либерализовать свои торгово-экономические границы, создавать полноценные преференциальные режимы в виде зон свободной торговли с КНР. При этом речь не идет о какой-либо китайской экспансии и заселении восточных территорий России – фантомных опасениях многих псевдоэкспертов по Китаю. Дальневосточные

ученые отмечают, что более половины местного населения не воспринимает китайское демографическое и экономическое превосходство как угрозу или вызов, сознавая при этом культурную несхожесть двух народов, непростую историю приграничных отношений [Ларин 2020: 13–16, 21, 26–27].

Особенностью трансграничных региональных российско-китайских связей в последнем десятилетии были регулярные попытки Москвы и Пекина напрямую состыковать развитие приграничных субъектов российского Дальнего Востока и регионов Северо-Восточного Китая в рамках единой стратегии кооперации и со-развития. В 2009 г. была принята «Программа сотрудничества между Северо-Востоком Китая и российским Дальним Востоком на 2009–2018 гг.», на Восточном экономическом форуме в 2018 г. во Владивостоке была официально запущена новая «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018–2024 гг.».

Формально обе программы выглядели как продолжение единой стратегии трансграничной кооперации, и основные направления документов казались вполне логичными и необходимыми. В первую программу 2009–2018 гг. была заложена идея интеграции смежных территорий, создание зон опережающего развития, строительство трансграничных высокоскоростных магистралей, совместное освоение Большого Уссурийского острова и пр. При этом в ней были и слабые места, связанные с некоторыми завышенными ожиданиями обоих правительств от регионального сотрудничества, переоценкой своих возможностей. В результате примерно 70% из списка планируемых 212 совместных проектов, большую часть которых предполагалось осуществить на российских территориях, не было реализовано. В новую программу 2018–2024 гг. были внесены соответствующие корректировки, а уровень подписантов был сведен с высшего государственного до глав профильных ведомств двух стран [Лузянин 2021а: 7–9].

Причины невыполнения российской части первой программы, на наш взгляд, заключались не столько в недоста-

точности финансовых ресурсов, сколько в неготовности региональных и федеральных властей максимально открываться Китаю на уровне приграничного сотрудничества. Вопрос о пределах взаимной открытости российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР остается сложным, неоднозначным, чувствительным и сегодня. По этой проблеме пока нет единого подхода и в российском правительстве, и в экспертном сообществе.

С китайской стороны причины слабой реализации первой программы также не связаны с недостаточностью финансовых ресурсов или нежеланием Пекина переходить к совместному развитию приграничных территорий. Истинная причина кроется в фактической альтернативности китайского подхода российскому в сфере регионального развития. Китайская сторона нацелена на строительство инфраструктуры и расширение импорта необработанного российского сырья, тогда как Россия больше внимания пытается уделять проектам, связанным с обрабатывающими отраслями промышленности, и локализации на своей территории совместных российско-китайских производств с высокой добавленной стоимостью, включая сферу высоких технологий. Так, китайские исследователи полагают, что базовая, «методологическая» причина того, что программа 2009–2018 гг. была выполнена только на четверть, заключалась в несовпадающих подходах сторон к реализации ключевых проектов [Фэн Шаолэй, Цуй Хэн 2019: 79–81, 86–88].

С другой стороны, исходя из изменения структуры китайского потребления, частичного отказа в Китае от агрессивного экспорта и реалий новой официальной стратегии Си Цзиньпина о «двойной циркуляции», предполагающей опору на внутренний китайский рынок, другие новации, варианты постепенной либерализации региональной кооперации и создание российско-китайских зон свободной торговли полностью отметать нецелесообразно.

Очевидно, что проблема возможной либерализации российско-китайского торгового взаимодействия требует дополнительного изучения, включая новые правовые, финансовые

и ценовые реалии, формирующиеся в российско-китайском сотрудничестве. Например, девальвация рубля в 2023 г. объективно меняет сравнительную себестоимость российских и китайских товаров. Фактически происходит их ценовое выравнивание, многие группы российских товаров становятся более конкурентными. Имеется также позитивный и взаимовыгодный двухлетний опыт деятельности зоны свободной торговли в Харбине, ориентированной исключительно на онлайн-формат и трансграничную кооперацию [Лузянин 2022а: 11].

Противоречивой остается инвестиционная картина китайского присутствия на Дальнем Востоке в последние годы. По данным дальневосточных экспертов, в Дальневосточном федеральном округе, включая ТОР и зону порта Владивосток, в 2021 г. реализовывалось 45 инвестпроектов, в которые китайский бизнес вложил около 1,8 млрд долл. Это примерно 63% от всех иностранных инвестиций в ДВФО [Лузянин 2022а 7–8, 10].

В 2021 г., несмотря на значительный рост российско-китайской торговли (до 35%), включая трансграничные секторы, китайская инвестиционная активность не возросла, а по отдельным проектам даже снизилась, уступив первое место японским инвестициям. Одновременно годы пандемии фактически обнулили китайское миграционное (трудовое) и туристическое присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом выяснилось, что Дальний Восток прекрасно обходился без китайской рабочей силы и туристов, поскольку всё это нашлось в самой России [Зуенко 2020].

Введение российских ограничений на экспорт необработанного леса с 1 января 2022 г. запустило процесс очищения Дальнего Востока от теневого российско-китайского бизнеса в этой чувствительной сфере. За десятилетия в приграничных районах Северо-Востока Китая сложилась целая отрасль по переработке «серого» леса, включая сеть деревообрабатывающих и бумажно-целлюлозных предприятий. Очевидно, что местные китайские власти и предприниматели не заинтересованы в сокращении своего бизнеса

и создании совместных предприятий по деревообработке в Сибири и на Дальнем Востоке, на чем настаивает российская сторона. Возможно, что решение «лесного вопроса» на взаимовыгодных условиях станет одним из непростых пунктов региональной российско-китайской повестки ближайших лет [Лузянин 2022а].

До начала конфликта на Украине российско-китайская транспортная логистика формировалась десятилетиями в рамках отработанных схем поставок грузов из КНР в РФ и обратно. В приграничных китайских провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь реализовывались свои внутренние региональные программы развития путей и коридоров, привязанные к трехстороннему проекту «Экономический коридор Россия – Монголия – Китай» и в более широком контексте к проекту ИПП. Фактически обе региональные программы соседних провинций работали на оживление и модернизацию ранее запущенных инфраструктурных, инвестиционных и транзитных проектов двух государств.

Активно развивались российские транспортные проекты «Приморье-1» «Приморье-2», предполагающие доставку китайских грузов в дальневосточные порты (Владивосток, Восточный, Зарубино) и отправку их как в китайские порты Шанхай и Нинбо, так и в страны Восточно-Азиатского региона, развитие железнодорожного транзита Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин – Маньчжоули – Транссиб [Лузянин 2021а: 7, 11].

Особняком стоит вопрос расширения преференциальной зоны р. Туманная (кит. Тумэньцзян, кор. Туманган), где географически стыкуются Россия, Китай и КНДР. В последние годы китайская сторона активизировала усилия по исполнению ст. 9 советско-китайского соглашения о границе от 16 мая 1991 г., которая в рамочном порядке предусматривает возможность плавания судов под флагом КНР по р. Туманной на 17-километровом участке ниже стыка на ней границ КНР, КНДР и РФ, вплоть до устья, «с выходом в море и обратно». Китай не перестает рассматривать данное положение как юридическое обоснование возможности

для своих судов непосредственного выхода в Японское море, в том числе говорит о проектах проведения на р. Туманной соответствующих гидротехнических работ и строительства здесь большого речного порта.

Российская и северокорейская позиции по данному вопросу более осторожны, чем китайская. В частности, существует некоторая юридическая расплывчатость ст. 9 соглашения, где возможность плавания судов КНР, по сути, определяется лишь рамочно, не говорится о каком-либо особом праве китайской стороны или беспрепятственности ее действий, подчеркивается, что «конкретные вопросы», связанные с судоходством, «будут урегулированы по согласованию между заинтересованными сторонами».

Помимо этого, существуют и объективные недостатки проекта судоходства в нижнем течении Туманной. С учетом мелководья, изменчивости русла, топких берегов для масштабного судоходства и портового строительства требуются крупные инженерные работы, которые невозможны без нанесения серьезного ущерба особо охраняемым прилегающим территориям РФ (Хасанский природный парк, граничащий с Дальневосточным морским заповедником).

Пхеньян, в свою очередь, также не заинтересован в запуске свободного судоходства от устья р. Туманной до стыка трех границ. Ведь в этом случае потенциал его собственных проектов по организации китайского транзита к морю, прежде всего к портам Раджин и Сонбон, а значит, и бонусы для параллельного транспортного и иного развития соответствующих регионов страны так и не воплотились бы в реальность. К тому же советско-северокорейский договор 1985 г. о режиме государственной границы ничего не говорит о прохождении по р. Туманной судов каких-либо третьих стран: напротив, раздел 5 ст. 26 определяет, что «положение и направление главного русла пограничной реки Туманная должно по возможности сохраняться в неизменном состоянии». Договор также предусматривает, что возведение новых мостов, дамб, других гидротехнических сооружений может «производиться только по взаимному соглаше-

нию Договаривающихся Сторон». Это значит, что без санкции РФ невозможна реконструкция «Моста Дружбы» между российским и северокорейским берегами, а без увеличения его высоты (ныне 7 м) невозможен и проход сколько-нибудь крупных судов.

В противовес судоходству по р. Туманной как проекту, требующему больших затрат при негарантированных результатах, китайская сторона могла бы рассмотреть преимущества и потенциал развития проектов «Приморье-1» и Приморье-2», способных сделать для Китая выход к Японскому морю через российские порты столь же коротким, при этом логистически и финансово привлекательным. На основе уже имеющихся начальных ТЭО и дорожных карт можно весьма быстро наладить грузопоток из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь в порты Зарубино, Посьет и Славянка, рост которого попутно стимулировал бы инвесторов к модернизации российской портовой инфраструктуры.

В 2022 г., после резкого усиления западных антироссийских санкций, российско-китайская транспортная сибирско-дальневосточная логистика и кооперация радикально обновляются с учетом общей переориентации российского экспорта на Восток, растущего вала импортных перевозок из Китая, с которым недостаточно справляется транспортно-портовая и сухопутная инфраструктура российского Дальнего Востока. Остро встает вопрос о создании на Дальнем Востоке российского контейнерного флота, новых транспортных переходов, модернизации автомобильных и железнодорожных путей. В ноябре 2023 г. президент России дал ряд поручений по итогам ВЭФ, среди которых, в частности, стоят задачи развития транспортно-логистической сети, создания в ДВФО зоны с особым статусом, где будет применяться упрощенный порядок привлечения российских и зарубежных инвестиций для развития высокотехнологичных проектов[15].

[15] Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума. 11.11.2023. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/72740 (дата обращения: 01.02.2024).

Основное увеличение морских товарных потоков, идущих из КНР, приходится на порты Восточный, Владивосток и Зарубино. Суммарная способность по приему и дальнейшему транзиту составляет примерно 1,5 млн стандартных контейнеров в год. В ближайшие годы эта цифра может возрасти до 3,5–4 млн. Одновременно значительно усиливается нагрузка на погранпереходы и железнодорожные сети, в первую очередь на Транссиб.

Между Россией и Китаем в настоящее время действует 24 пограничных перехода, включая три железнодорожных (Гродеково, Махалино и Камышевая). Пуск 27 апреля 2022 г. нового железнодорожного моста через Амур Нижнеленинское – Тунцзян станет четвертым полноценным железнодорожным «окном» в Китай, сократив расстояние из пров. Хэйлунцзян до Москвы на 700 км и время в пути на 10 часов. В сентябре 2023 г. было принято решение о строительстве нового железнодорожного моста Джалинда – Мохэ, законсервированного в начале 2000-х годов. Новый погранпереход позволит сократить путь грузов по Транссибирской и Байкало-Амурской магистралям более чем на 2 тыс. км[16].

Российско-китайское трансграничное пространство по сравнению с другими соседями России остается ведущим как в плане приграничной торговли, так и с точки зрения возможностей для совместных инвестиционных проектов. Стратегия «поворота на Восток» предусматривает углубление существующих и создание в ближайшее время новых преференциальных зон регионального взаимодействия с Китаем. Однако здесь риск «одной корзины» также присутствует. России выгодно развивать региональное сотрудничество и с другими восточноазиатскими государствами – странами АСЕАН, Монголией, КНДР и Южной Кореей, с которыми нет столь значительного экономического дисбаланса, как с КНР. Подобный подход не ослабляет российско-китайское стратегическое партнерство, а усиливает общую ди-

[16] Международный мост Джалинда – Мохэ сократит путь по БАМу и Транссибу более чем на 2 тыс. км. 15.09.2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/15755311 (дата обращения: 01.02.2024).

версификацию российского международного развития, его многовариантность и тактическую гибкость с учетом объективных реалий и потенциальных вызовов.

2.3. Япония и Россия: от сдержанного диалога к напряженности

Советское и российское восприятие Японии во второй половине XX в., несмотря на достаточно непростую историю отношений за последние 100 лет, в целом было позитивным, без агрессии и враждебности. В раннюю эпоху двусторонних контактов, до установления официальных российско-японских отношений и подписания Симодского договора 1855 г., связи российских переселенцев, населявших о. Сахалин и Курильские острова, с японцами были стихийными и эпизодическими. Вторая половина XIX в. стала временем налаживания системных контактов между стремительно растущим российским Дальним Востоком, прежде всего Приморьем, и Японскими островами.

Однако последовавшие за освоением дальневосточных территорий и расширением российско-японской кооперации трагическая для России Русско-японская война 1904–1905 гг. и аннексия Кореи Японией в 1910 г. привели к сжатию трансграничных контактов [Проблемы исторического прошлого 2021: 139–144, 177–178, 211]. Позже отношения обеих стран пережили бесславную агрессию Японии на российском Дальнем Востоке в 1918–1925 гг., столкновения на оз. Хасан и на р. Халхин-Гол в 1938–1939 гг., а затем и Вторую мировую войну, по итогам которой СССР вернул территории, потерянные в начале века.

Поражение Японии во Второй мировой войне и последующая нормализация советско-японских отношений в 1956 г. вновь сделали возможными торгово-экономические отношения, однако говорить об их ускоренном развитии было невозможно до начала 1990-х годов. Отсутствие мирного договора, непризнание Японией территориальных ито-

гов войны, включая принадлежность Курильских островов СССР/России, всегда были и остаются препятствием для развития российско-японских отношений как на межгосударственном, так и на местном, трансграничном уровне сотрудничества.

Период 1990–2022 гг. стал ренессансом российско-японского взаимодействия на Дальнем Востоке: в Россию широким потоком шли японские промышленные товары, прежде всего электроника и автомобили, в Японию – российское сырье. После запуска в 2014 г. ТОР на российском Дальнем Востоке сотрудничество еще более интенсифицировалось: в 2017 г. на Восточном экономическом форуме лидеры России и Японии Владимир Путин и Синдзо Абэ договорились о пяти конкретных экономических проектах в рамках совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах [Киреев 2017].

Японский экономический подъем 1970–1980 гг. и феномен гармонизации древней восточной и современной западной цивилизаций притягивали внимание советских ученых и писателей, вызывая восхищение и желание разгадать бусидо «японского воина» XX в. [Овчинников 1971]. Восстановление дипломатических отношений СССР и Японии после подписания Совместной советско-японской декларации от 19 октября 1956 г. приветствовалось в обеих странах, и даже неудачная попытка подписания мирного договора и решения курильской проблемы в тот период не воспринимались как политический тупик или катастрофа в отношениях двух государств. Биполярный мир СССР – США органично встраивал в свою структуру незавершенную советско-японскую модель, которая мирно эволюционировала в 1990-е годы в российско-японскую, дополнив ее надеждами и ожиданиями разрешения территориального спора.

В самой Японии образ СССР был деформирован историческими стереотипами. Как отмечает проф. Д.В. Стрельцов, «в условиях идеологического противостояния Японии и СССР в период холодной войны происходила передача травматического опыта и стереотипов от поколения к поколению.

В рамках такой парадигмы Советский Союз оставался для Японии „источником всевозможных бед". К тому же в Стране восходящего солнца не сложилось сильных лоббистских групп в пользу отношений с СССР, так как он занимал относительно низкое положение в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио» [Стрельцов 2022б: 44].

Перестройка добавила противоречивости и необоснованных взаимных ожиданий в отношения Японии и СССР. В Японии элиты и население были уверены, что в 2000 г. страна вступит, вернув «северные территории», а в России сохранялись надежды, что поток японских инвестиций и технологий вот-вот хлынет на российский Дальний Восток, сказочно обогатив его жителей, и сам факт подписания «большого договора» – вопрос почти решенный. В апреле 1991 г. М.С. Горбачев стал первым советским лидером, который посетил с визитом Японию. В подписанной тогда по итогам переговоров совместной декларации СССР признал наличие территориальной проблемы в отношениях с Токио, однако отказался пойти на какие-либо уступки по этому вопросу. В 1991 г. в Москве и Токио рассматривались варианты продажи Курильских островов за различные суммы японской помощи СССР, по этому поводу, видимо, проводились консультации на весьма высоком уровне, однако общественный резонанс в СССР не позволил реализовать такие сценарии[17].

В 1990-е и начале 2000-х годов стороны сделали немало для сближения позиций по территориальному вопросу и по вопросу заключения мирного договора, вершиной этих усилий стало Совместное заявление лидеров двух стран Владимира Путина и Ёсиро Мори в Иркутске 25 марта 2001 г. Однако эта декларация содержала лишь общий обзор совместных встреч, документов, но никаких конкретных принципов будущих договоренностей и параметров мирного договора[18].

[17] Как японцы у Горбачева Курилы покупали. 14.01.2020. URL: https://regnum.ru/article/2829061 (дата обращения: 20.12.2023).

[18] Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/IrkutskoeZayavlenie.html (дата обращения: 20.12.2023).

27 сентября 2005 г. В.В. Путин перед государственным визитом в Японию сделал заявление для японских СМИ о том, что четыре острова, оспариваемые Японией, находятся под суверенитетом России, это закреплено международным правом по результатам Второй мировой войны. Заявление российского президента вызвало тогда отрицательную реакцию в среде японских экспертов и ученых, писавших о том, что новая линия Владимира Путина разрушает сложившуюся в 1990-е годы «линию Ельцина» [Кимура Хироси 2005].

Российско-японские экономические отношения развивались при этом весьма успешно. Товарооборот двусторонней торговли в 2007 г. оценивался в 7 млрд долл., сумма накопленных прямых инвестиций Японии в России достигла 3,1 млрд долл., из которых 2,5 млрд приходилось на нефтегазовые проекты «Сахалин-1» с участием японской компании Sodeco и «Сахалин-2» с участием Mitsubishi и Mitsui. Открывались определенные перспективы увеличения нефтяного российского экспорта в Японию, другие опции. Исторического максимума российско-японская торговля достигла в 2013 г., составив 33,2 млрд долл., однако далее тенденция сменилась: в 2014 г. – 30,8 млрд; в 2015 г. – 21,3 млрд; в 2016 г. – 16,1 млрд, т.е. вдвое меньше, чем за три года до этого [Перспективы развития российско-японских отношений 2019: 23, 32, 37–40].

В апреле 2013 г. после 10-летнего перерыва состоялся официальный визит японского премьер-министра Синдзо Абэ в Россию, наметивший политические сдвиги в двусторонних отношениях. Возвращение Крыма в Россию в 2014 г. на некоторое время затормозило политический процесс, однако Токио присоединился к антироссийским санкциям лишь формально, и японское участие в них не принесло в тот период серьезного ущерба российской экономике.

6 мая 2016 г. в Сочи состоялась новая встреча Владимира Путина и Синдзо Абэ, который пренебрег настоятельными советами США отказаться от контактов с руководителем России и с большим энтузиазмом и заинтересованностью провел все запланированные мероприятия визита. По итогам был подписан «План экономического сотрудничества»

из восьми пунктов перспективного сотрудничества России и Японии:

1) кооперация в сфере поддержки малого и среднего бизнеса;
2) развитие комфортной и чистой городской среды;
3) развитие промышленности на Дальнем Востоке, формирование здесь экспортной базы;
4) развитие российского здравоохранения и повышение уровня медицинского облуживания;
5) диверсификация российской промышленности и повышение ее производительности;
6) обмены и сотрудничество между российскими и японскими малыми и средними предприятиями;
7) технологическое сотрудничество;
8) расширение двусторонних гуманитарных обменов [«Азиатский поворот» 2022: 64–69, 71].

В 2017–2019 гг. в двусторонних торгово-экономических отношениях стала просматриваться позитивная динамика: в 2017 г. торговля оценивалась в 18,1 млрд долл., в 2018 – 18,3 млрд, в 2019 – уже 21,3 млрд. Лишь в 2020 г., в условиях пандемии COVID-19, товарооборот вновь сократился до 16,2 млрд долл., в шесть раз отставая от российско-китайского и в три раза – от российско-южнокорейского.

При этом структура российского экспорта ни на пике (2013), ни в период спада (2016) не менялась: около трех четвертей его приходилось на минеральную продукцию, включая углеводороды и небольшую долю металлов, драгметаллов, древесину (5,5%), целлюлозу (4%) и др. Импорт на протяжении последнего десятилетия также в структурном плане не менялся: около 80% товаров составляли японские машины и оборудование.

К 2017–2018 гг. до 30% увеличились инвестиционные доли японской корпорации Sodeco в акциях топливно-энергетического проекта «Сахалин-1», росли и доли японских компаний в акциях «Сахалина-2». При этом на экспорт в Японию приходилось в тот период до 20% объема нефти с «Саха-

лина-1» и до 30% с проекта «Сахалин-2», как и около 80% СПГ с завода, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» [Перспективы развития российско-японских отношений 2019].

В 2018–2019 гг. были запущены перекрестные годы России и Японии в формате углубления народной дипломатии, а в 2020–2021 гг. на этом же треке прошли годы межрегиональных, побратимских связей и обменов двух стран. 5 июня 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме состоялась сессия «Россия – Япония», на которой под председательством президента Японской ассоциации по торговле с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО) Сигэру Мураяма и председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», председателя совета директоров АО «Р-Фарм» Алексея Репика обсуждался ряд актуальных вопросов [Горчакова, Казаков 2021: 71–73, 75].

Другими словами, в отношениях двух стран образца 2017–2021 гг. открывались отдельные позитивные направления кооперации – межрегиональные, гуманитарные, общественно-научные и пр., но при этом прорывов на инвестиционно-экономическом и тем более на политическом поле не наблюдалось.

Двойственный смысл имела и программа сотрудничества из восьми пунктов. Российские эксперты отмечали два ее принципиальных момента. Во-первых, она носила эклектичный характер, объединяя практически все основные экономические процессы двусторонней кооперации, с ориентацией не на достижение конкретного результата, а на процессы и декларации. Форма нередко доминировала над содержанием. Во-вторых, отдельные направления программы, например увеличение продолжительности жизни россиян за счет повышения уровня медицинского обслуживания, выглядели как некая социальная «благотворительность» более продвинутой по сравнению с Россией японской социальной индустрии. Равноправный принцип сотрудничества был заменен помощью, отдававшей «покровительством» [Нелидов 2020: 119–136].

Кроме социально-рекламного компонента, скрытым мотивом японской стороны была реализация главной установки – экономическая помощь в обмен на территориальные уступки. Программа сотрудничества, несомненно, содержала политический подтекст в завуалированной форме.

В мае 2013 г. при поддержке России Япония получила статус наблюдателя в Арктическом совете – международной структуре арктических государств. Интерес Японии был обусловлен тремя факторами:

а) возможностью использования СМП для более удобной транспортировки товаров;
б) подключением к энергетическим ресурсам Арктики, включая производство и транспортировку СПГ на Ямале;
в) в условиях растущей конкуренции с Китаем в Арктике – контроль сферы военной безопасности.

В декабре 2019 г. российское правительство утвердило План развития инфраструктуры СМП на период до 2035 г., который предусматривал развитие ледокольного флота, портовой инфраструктуры, северных российских территорий, лежащих вдоль СМП, и др. Кроме внутренних ресурсов, для реализации масштабных планов предполагались и внешние источники финансирования, особенно в углеводородной (газовой) сфере, со стороны французских, китайских, японских и южнокорейских компаний.

По итогам переговоров российской компании «Новатэк» с японскими корпорациями JOGMTC, JGC и Chiyoda была подписана серия соглашений о строительстве трех линий по производству СПГ на Ямале в 2023–2026 гг. Итоговым стал заключенный 29 июня 2019 г. на полях саммита G-20 в Осаке контракт о покупке японскими компаниями 10% в проекте «Арктик СПГ-2», включая 10% произведенного газа. При этом 60% акций сохранял «Новатэк», 7,1% принадлежали французской Total и по 10% имели китайские корпорации CNODC и CNOOC [Лузянин 2022г: 79, 82–90].

Значение проекта «Арктик СПГ-2» для России и Японии было связано с открывавшейся возможностью соединить российский газ, японские финансы и технологии в единое целое. Северные морские коридоры могли стать новой логистической основой для дальнейшего экономического развития экономики всей Северо-Восточной Азии, а российско-японское сотрудничество в Арктике приобретало глобальное измерение. Японская концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» через арктические углеводородные и транспортные проекты объективно в тот период коррелировалась с российской концепцией Большой Евразии [Стрельцов 2021].

При этом более прикладная мотивация Токио просматривалась в том, что с помощью российских арктических газовых проектов Япония хотела диверсифицировать свой импорт СПГ, который на 60% находился в руках Малайзии, Катара и Австралии. К тому же доставка СПГ с Ямала в плане маршрутной логистики была более удобной и дешевой, чем ближневосточные варианты.

Серьезным конкурентом Японии в арктической зоне с 2013 г. стал Китай, который в рамках своей мегаинициативы ИПП предусматривал развитие СМП как «Ледовый Шелковый путь» (или «Арктический пояс Шелкового пути») [Чжан Чунь 2020]. В январе 2018 г. Государственный совет КНР опубликовал Белую книгу по арктической политике Китая, в которой была подробно прописана северная стратегия Китая и планы сотрудничества с арктическими государствами, включая Россию. Были сформулированы четыре цели его политики: «изучать», «защищать», «развивать» Арктику и «участвовать» в арктическом управлении, что необходимо для «защиты общих интересов» и «обеспечения устойчивого развития» [Петровский, Филиппова 2022: 87–89, 91–95, 114].

Россия, используя китайские инвестиционные и технологические возможности и в то же время японские ресурсы, успешно работала в Арктическом регионе одновременно на двух треках. В практическом плане китайское влияние было

выше, чем японское, но сам факт присутствия Страны восходящего солнца на русском Севере позволял России сохранять возможность маневрирования в арктических вопросах, не привязывая свои проекты исключительно к взаимодействию с КНР. При этом в отношениях со всеми иностранными партнерами в Арктике Россия с самого начала сотрудничества ставила обязательное признание безусловного российского приоритета в эксплуатации СМП, обусловленного географическими, правовыми и историческими факторами, отвергая попытки отдельных государств говорить о необходимости «интернационализации» Севморпути.

Важным компонентом российско-японских трансграничных связей была попытка наладить совместную хозяйственную деятельность на Курилах. Политически такое решение было принято в декабре 2016 г. на саммите России и Японии: оно включало предоставление безвизового режима жителям Южных Курил для посещения Японии. Японские власти выдвинули идею создания некоего «особого режима» на спорных островах, который обходил бы проблему суверенитета, однако Россия не готова была пойти на это.

Интерес японских компаний, пытавшихся развивать острова, был во многом обусловлен политически, в то время как российскую сторону интересовали исключительно экономические возможности привлечения инвестиций в депрессивные и отдаленные регионы России. Принципиальным стал вопрос регулирования совместной работы на островах исключительно в рамках российского законодательства, что вызывало противодействие со стороны Японии.

26 июля 2021 г. премьер-министр РФ Михаил Мишустин в ходе своего посещения Курильских островов объявил о создании свободной таможенной территории, освобождении от налогов (НДС, имущественного налога, на землю, на транспортные средства и др.) для резидентов, кроме бизнеса по вылову и экспорту морепродуктов. Выгодные предложения российского руководства были рассчитаны не только на зарубежный (японский и китайский)

бизнес, но и на привлечение внимания отечественных предпринимателей и инвесторов к отдаленным дальневосточным территориям[19].

3 сентября 2021 г. российский президент Владимир Путин, выступая на VI Восточном экономическом форуме во Владивостоке, уточнил, что речь идет о налоговых льготах на 10 лет для компаний, которые не просто зарегистрировались на островах, а ведут реальную предпринимательскую деятельность. Он заявил, что ввозить товары и оборудование, вывозить готовую продукцию на всей территории Курильских островов будет гораздо легче и выгоднее, поскольку будет действовать режим свободной таможенной зоны [Пленарное заседание ВЭФ 2021].

Подтекст выступлений российских руководителей означал смену акцентов по привлечению на острова потенциальных предпринимателей и инвесторов. Вместо безуспешного «заманивания» японских компаний, выставлявших постоянные требования и претензии юрисдикции и прав на Курилы, расчет стал делаться на российские и иностранные (не только японские) предпринимательские группы. Фактически «эксклюзивность» Японии на ведение переговоров о совместном хозяйственном освоении Курильских островов стала размываться, что вызвало закономерную нервную реакцию японского МИД и СМИ [Казаков 2021: 31–34].

Инвестиционный вклад Японии в российскую экономику к 1 января 2021 г. оценивался в 2,4 млрд долл. прямых инвестиций, что свидетельствовало о низкой мотивации японских компаний и нежелании серьезно вкладываться в развитие российской инфраструктуры и производства. Японские бизнесмены и эксперты ссылались на административные и налоговые сложности, на иные препятствия для ведения японского бизнеса. При этом на крупных форумах обсуждались и мегапроекты: строительство моста между Сахалином и Хоккайдо, газопровода с Сахалина в Японию и др.

[19] Михаил Мишустин дал поручения по итогам рабочей поездки в Сахалинскую область // Правительство России. 11.08.2021. URL: http://government.ru/news/42989/ (дата обращения: 20.12.2023).

Военно-политические связи между Россией и Японией развивались в условиях зависимости Токио от США, отсутствия мирного договора и наличия нерешенных территориальных вопросов по Курильским островам. При этом в период до 2022 г. наблюдалась достаточно высокая степень кооперации и взаимопонимания в сферах военной и региональной безопасности.

Ключевым политическим треком оставался переговорный формат по мирному договору, который формально существовал, но фактически не развивался, поскольку базовое для России условие – признание Японией итогов Второй мировой войны, включая ее территориальные результаты, – не выполнялось.

Развивался диалоговый формат 2+2 (министры обороны и министры иностранных дел двух стран), созданный в 2013 г., проходили интенсивные личные контакты двух руководителей. Владимир Путин и Синдзо Абэ в течение 2013–2020 гг. встречались 27 раз, японский премьер 11 раз с официальными визитами посещал Россию. Большая часть встреч была посвящена среди прочего вопросам глобальной и региональной безопасности. Проводились консультации между Советами Безопасности РФ и Японии. Так, 15 января 2020 г. российский лидер принял генерального секретаря Совета национальной безопасности Японии Сигэру Китамура, после чего стали ежегодно проводиться совместные антипиратские учения в Аденском заливе и других морских акваториях с участием кораблей Балтийского флота.

Одной из причин вполне успешного сотрудничества был японский подход, доминировавший в руководстве и усилившийся в годы премьерства Синдзо Абэ, связанный с новыми оценками стратегических угроз и вызовов для Японии. Несомненно, что японский премьер, оставаясь консерватором и выражая правые, националистические взгляды, придерживался и отстаивал традиционные ценности: укрепление союзнических отношений с США, размещение американских ракет средней дальности на Японских островах, качественное усиление Сил самообороны, включая изменение

ст. 9 Конституции Японии. Он неоднократно посещал знаменитый синтоистский храм Ясукуни, где почитают души 14 военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала [Лузянин 2022г].

При этом на волне быстрого подъема Китая и усиления неконтролируемой северокорейской ядерной программы Синдзо Абэ и его окружение понимали, что в целях безопасности Японии российский военно-политический фактор необходимо встраивать в общее японское видение региональной ситуации, что с Россией лучше сохранять нейтрально-дружеские отношения, нежели враждебные.

Понимая, что российско-китайское стратегическое партнерство вряд ли удастся разрушить или демонтировать с помощью американского сдерживания, премьер Абэ пытался, с одной стороны, помешать сближению России и Китая, а с другой – найти допустимую линию с Россией в плане совместного обсуждения общих проблем: борьбы с терроризмом, ядерного нераспространения, северокорейской темы, борьбы с киберпреступностью и др.

На пике российско-японских контактов Токио демонстрировал Москве свои озабоченности ростом влияния и военной мощи Пекина, давая неформальные, скрытые сигналы о возможности мягкого, постепенного дистанцирования России от Китая в обмен на большие финансово-экономические и политические дивиденды. Поскольку вряд ли такие сигналы находили понимание Владимира Путина, премьер Абэ на каком-то этапе стал проводить иную тактику: демонстрировать Москве свое согласие на неконфликтную консервацию «двухполюсного» японо-американского и российско-китайского статус-кво в Северо-Восточной Азии, включая поддержку российской позиции на невмешательство в китайско-японский спор по принадлежности островов Сэнкаку и другим чувствительным вопросам.

Подобный японский подход объективно позволял тогда России извлекать тактические выгоды от двустороннего сотрудничества с Японией, получая, пусть и ограниченные, технологические и инвестиционные ресурсы для подъема Си-

бири и Дальнего Востока. Этот подход совпадал с общей линией Москвы на формирование сбалансированной политики в Южной и Восточной Азии с опорой не только на Китай, но и на другие азиатские государства – Южную Корею, Японию, страны АСЕАН, Индию. Россия придерживалась строгого нейтралитета по многочисленным территориальным спорам Поднебесной с Японией, Вьетнамом и другими государствами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Москву и Токио также сближали общие подходы к проблеме денуклеаризации Северной Кореи.

В период президентства Д. Трампа, в условиях развернувшейся китайско-американской торговой войны и геополитического противостояния Пекина и Вашингтона, серьезное деформирующее влияние на треугольник Россия – Япония – Китай стал оказывать американский фактор. Обострение китайско-американских отношений автоматически втягивало Россию и Японию в данный конфликт, каждого на стороне своего партнера.

С другой стороны, американо-китайская конфронтация объективно усиливала значимость и ценность Японии в глазах США как источника передовой технологической продукции двойного назначения и важного союзника, потенциально стоящего на более твердых антикитайских и антироссийских позициях, чем Южная Корея и другие азиатские партнеры США. Задача Д. Трампа и пришедшего в Белый дом в 2021 г. Дж. Байдена заключалась в том, чтобы максимально быстро раскрыть эти позиции, усилив общую стратегическую линию против КНР и РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Постепенно менялась и позиция России в отношении японо-американского тандема. Так, если еще в марте 2018 г. российский министр иностранных дел Сергей Лавров говорил о том, что Россия уважает право Японии на выбор своих партнеров, форм сотрудничества с ними в военной сфере [Россия уважает право Японии 2018], то после декабря 2018 г., когда появились планы размещения на территории Японии американских ракетных комплексов ПРО Aegis

Ashore, позиция Москвы стала постепенно меняться (хотя, собственно, на японской земле комплексы так и не были размещены). В 2018–2020 гг. во время официальных встреч на разных уровнях российская сторона заявляла, что планы размещения в Японии американских систем ПРО, официально направленных против КНДР, являются источником прямой военной угрозы для России, так как теоретически системы могут быть перенастроены против российского ракетного потенциала. Тезис о возможности размещения в Японии американских ракет, направленных на Россию, получил дополнительную подпитку после принятого в 2019 г. президентом Трампом решения о выходе США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) [Стрельцов 2022а: 120].

В июне 2020 г. процесс размещения американских систем ПРО был на время приостановлен, но было очевидно, что Япония начинала укрепление своей противоракетной обороны с расчетом на новую американскую помощь в рамках приоритетов военной программы на период 2019–2023 гг. При этом, хотя официальные объяснения Токио традиционно касались северокорейской угрозы, китайский и российский факторы стали более рельефно просматриваться в риторике японского военного руководства.

В период правления Синдзо Абэ был увеличен военный бюджет, принято новое законодательство в сфере национальной безопасности и «Основные направления программы национальной обороны» (2014 и 2019 гг. соответственно), создан новый орган внешнеполитического и военного планирования – Совет национальной безопасности.

Первый официальный визит премьер-министра Ёсихидэ Суга, пришедшего на смену Синдзо Абэ, состоялся во Вьетнам и Индонезию в октябре 2020 г. Новый японский лидер демонстрировал во Вьетнаме намерение Токио продолжать сотрудничество с этой страной в деле развития потенциала береговой охраны Вьетнама, которая была ориентирована на сдерживание военных приготовлений КНР в Южно-Китайском море. При этом новый японский премьер

и в публичных выступлениях, и в проектах регионального сотрудничества пытался заручиться и поддержкой Китая, фактически работая сразу на двух альтернативных площадках. За подобными действиями стояла влиятельная фракция Никаи, поддерживавшая Суга и традиционно занимавшая прокитайскую позицию. Поэтому, несмотря на принятие Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) закона «О национальной безопасности Гонконга», фракция заблокировала любые попытки использовать этот документ для отмены государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Японию, запланированный на апрель 2020 г., но отложенный из-за пандемии COVID-19 [Стрельцов 2020: 37, 42–47].

Со своей стороны, Россия в 2020 г. проводила мероприятия по военно-техническому усилению Южных Курильских островов, укреплению военной структуры, включая размещение ракетных комплексов береговой обороны «Бал» и «Бастион» [Перспективы развития российско-японских отношений 2019: 13]. Важным внутриполитическим моментом было принятие в июне 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации (п. 2.1. ст. 67) о запрещении действий, направленных на отчуждение части территории России, а также призывов к таким действиям. Смысл поправок – политически и юридически укрепить территориальную целостность России, включая отрицание любых потенциальных японских притязаний[20].

21 сентября 2021 г. секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев, комментируя активность США на мировой арене и роль Японии в структуре QUAD, отметил процесс «азиатизации» НАТО через данный проект, подчеркнув, что США втягивают в него другие страны, главным образом «…для проведения антикитайской и антироссийской политики», включая и еще один оформившийся военный блок – американо-британо-австралийский AUKUS, пресле-

[20] В.В. Путин отметил «железобетонную поправку» о неотчуждении территорий // Интерфакс. 03.07.2020. URL: https://www.interfax.ru/russia/715823 (дата обращения: 17.08.2022).

дующий те же цели[21]. 18 октября 2021 г. в рамках проводимых российско-китайских военно-морских учений «Морское взаимодействие» пять российских и пять китайских военных кораблей, обогнув Японский архипелаг, вошли в акваторию Сэнкаку (Дяоюйдао) – спорных островов Восточно-Китайского моря. Был использован демонстрационный эффект военно-политического позиционирования российско-китайского тандема.

Российско-китайские военно-морские учения вблизи Японии вызывали в среде китайских экспертов и обозревателей повышенное внимание и одобрительные комментарии. В 2017–2021 гг. вышла серия статей и монографий ряда известных в КНР специалистов по китайско-японским отношениям и региональным проблемам морской безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в которых были подробно проанализированы основные военно-технические и политические компоненты российско-китайских учений и военно-морских проектов. Подчеркивалось, что чем больше будет совместных заходов российских и китайских кораблей в окружающие Японию акватории, тем сильнее будет работать «морское сдерживание» Японии, а следовательно, и США, что Москва и Пекин – единственные силы, способные уменьшить амбиции Вашингтона и Токио в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях [Хань Цзиньмин 2018; Чжан Юньлин 2017; Ли Чонва 2020].

Одновременно в Китае и России усиливалась историческая риторика, связанная с осуждением преступлений Японии в ходе Второй мировой войны. В сентябре 2021 г. в Хабаровске обсуждались итоги Хабаровского процесса 1949 г., где были осуждены японские военные преступники из «Отряда 100» и «Отряда 731», в годы войны проводившие в Маньчжурии эксперименты на живых людях для разработки новых видов бактериологического оружия [Стрельцов

[21] Цепная реакция хаоса. Николай Патрушев – о чуждых России союзах и ценностях // Аргументы и факты. 2021. № 38. 21.09.2021. URL: https://aif.ru/politics/russia/cepnaya_reakciya_haosa_nikolay_patrushev_o_chuzhdyh_rossii_soyuzah_i_cennostyah (дата обращения: 01.02.2024).

2022a: 125, 128–130]. С помощью китайских историков был поднят целый пласт новых исторических фактов и документов о преступной деятельности японских ученых – биологов, вирусологов, врачей и военных в лаборатории 731, включая списки 1242 японцев, работавших в этих «фабриках смерти», с подробным описанием их окружения. Китайские эксперты представили детальное описание жизни и деятельности главных японских функционеров в маньчжурских лабораториях, их показания в ходе расследований преступлений японского милитаризма в процессе подготовки к Хабаровскому трибуналу, включая биографии 37 японских офицеров, причастных к этим антигуманным проектам [Ван Цзянь 2018; Хуан Яньчжэнь 2019]. На основании документов, извлеченных из архивов Квантунской армии, китайские исследователи доказали личную причастность к преступлениям «Отряда 731» японского императора Хирохито, представив общественности его указы и распоряжения.

Уже известные и новые документальные факты японских преступлений против азиатских народов стали в Китае частью обязательных учебных программ по истории в школах и университетах, направленных на укрепление патриотизма и знаний о трагических страницах истории Второй мировой войны.

В 2021 г., формулируя наиболее вероятные сценарии развития двусторонних отношений, российские эксперты отмечали: «В случае, если негативные внешние и внутренние факторы окажутся сильнее обоюдной заинтересованности, стагнация двусторонних связей сменится сползанием к конфронтации. Стороны заморозят диалог по мирному договору, а политическая риторика с обеих сторон станет гораздо жестче… Россия будет названа в качестве угрозы наряду с такими странами, как КНР и КНДР» [«Азиатский поворот» 2022: 67].

Весной 2022 г. именно так все и произошло. После ухода по состоянию здоровья с поста премьера Синдзо Абэ новые премьер-министры – сначала Ёсихидэ Суга, а затем в еще большей степени Фумио Кисида – радикально изменили

курс Японии в отношении России, фактически превращая ее в своего противника.

25 февраля 2022 г. Япония ввела первый пакет санкций против РФ, ограничивая экспорт высокотехнологической продукции (проводники, платы, чипы и пр.), и приостановила выдачу виз российским гражданам. 16 марта 2022 г. японское правительство объявило об исключении РФ из режима наибольшего благоприятствования, автоматически повысив в разы пошлины на российские импортные товары, внесла в санкционные списки 15 физических и семь юридических лиц, включая первых лиц страны. Токио заблокировал счета в иенах и активы российских банков, включая Центробанк. Большинство японских компаний заявили о полном или частичном прекращении своей деятельности в России, в том числе в проекте «Арктик СПГ-2». На начало 2024 г. единственным исключением остаются «Сахалин-1» и «Сахалин-2», в которых Япония стремится остаться. Одновременно японское правительство провозгласило курс на поиск стран, которые бы смогли обеспечить в ближайшем будущем замену российских поставок нефти, угля, палладия, ферросплавов, инертного газа и др. 8 апреля 2022 г. японское руководство выслало из страны восемь российских дипломатов.

Тогда же, 21 марта 2022 г., Россия официально прекратила переговоры с Японией по мирному договору, отменив совместную хозяйственную деятельность и безвизовые поездки между Южными Курильскими островами и Японией; последняя была внесена в список недружественных России стран.

16 декабря 2022 г. правительство Японии утвердило три обновленных документа в сфере обороны: Стратегию национальной безопасности, Стратегию национальной обороны и Программу развития обороны. Эти документы называют историческими: Япония, которая проводила пассивную политику со времен Второй мировой войны, перешла к высоким расходам на оборону и активной оборонной политике. Программа развития обороны планирует увеличить

расходы Японии на эту сферу примерно до 320 млрд долл. (43 трлн иен) в течение пяти лет, с 2023 по 2027 г. Другими словами, предполагается, что к 2027 г. военный бюджет достигнет 80 млрд долл. в год.

Япония граничит с тремя странами, которых она считает соперниками, – Китаем, Россией и Северной Кореей. Россия в документах представлена как «опасная страна, которая легко нарушает международное право из-за своей агрессии против Украины». Токио характеризует действия России как прямую и явную угрозу Европе, а сотрудничество России с Китаем как серьезную проблему для собственной безопасности. Россия является страной, «претендующей на Курильские острова» и разместившей там ракетные комплексы, что представляет опасность для Японии. Однако, как отмечается в Стратегии, в нынешней ситуации Россия, «ведущая войну на Украине», не ожидает столкновения с таким крупным и могущественным государством, как Япония. По этой причине Токио считает, что Россия не является для нее важнейшей угрозой в регионе – такой угрозой назван Китай[22].

Примерно те же оценки звучат и в других официальных документах Токио – Синей книге по дипломатии (апрель 2022 г., апрель 2023 г.) и Белой книге по обороне (август 2023 г.), где говорится о «прямой и непосредственной угрозе Европе со стороны России»[23]. Синяя книга за 2022 г. впервые за двадцать лет назвала Южные Курилы «незаконно оккупированными» Россией территориями Японии.

Японская официальная риторика в 2022–2023 гг. по отношению к России стала исключительно негативной. В ней фигурирует тезис о том, что Россия через украинские события силой пытается изменить статус-кво в мире: раньше такой тезис адресовался исключительно Китаю. Фактически Фумио Кисида, аннулировав наследие своего предшественника Синдзо Абэ, начал выстраивать новую доктрину отношений в Се-

[22] National Defense Strategy. December 16, 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed: 21.12.2023).

[23] Defense of Japan (Annual White Paper). URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: 21.12.2023).

веро-Восточной Азии, уравнивая в качестве главной угрозы для Японии Россию, Китай и Северную Корею. На смену концепции сотрудничества с Россией окончательно пришла новая конфронтационная модель, параметры и содержание которой пока до конца не ясны, кроме курса на милитаризацию Японии, постоянного наращивания санкционного давления Токио на Россию и очевидного усиления блокового, силового характера отношений всех акторов в регионе [Лузянин 2022г].

В то же время российская позиция в отношении Японии продолжает носить в целом миролюбивый характер. Москва, включив Японию в список недружественных стран, тем не менее не рассматривает Токио как угрозу и готова на возобновление сотрудничества. В октябре 2023 г. на заседании клуба «Валдай» российский президент заявил: «Если будет такая инициатива [по возобновлению диалога] со стороны [Японии], так пожалуйста. Мы же никогда и не говорили, что мы против. Но не мы же ввели санкции против Японии. Не мы захлопнули это окно... Это сделала Япония»[24]. В декабре того же года в ходе прямой линии Владимир Путин констатировал, что Япония по-прежнему закупает российские энергоносители, и Россия не будет отказываться от этого взаимодействия[25].

В результате за последние два года отношения между Россией и Японией резко деградировали, скатившись к холодной враждебности как в заявлениях, так и в действиях. Активное подключение премьер-министра Фумио Кисида к американской стратегии сдерживания РФ и КНР и антироссийские санкции завели двусторонние – торгово-экономический, политико-дипломатический и приграничный – форматы в стагнацию и тупик. Однако японское правительство по-прежнему намерено сохранять свое участие в важных для нее энергетических проектах «Сахалин-1»

[24] Путин прокомментировал отношения России и Японии. 05.10.2023. URL: https://ria.ru/20231005/politika-1900788231.html (дата обращения: 21.12.2023).

[25] Путин заявил, что Япония не отказывается от российских энергоносителей. 14.12.2023. URL: https://ria.ru/20231214/energonositeli-1915828341.html (дата обращения: 21.12.2023).

и «Сахалин-2»[26]. За исключением этих проектов, за последние два года произошло сжатие российско-японского трансграничного пространства до минимальных значений, что системно влияет на уровень и характер современных российско-японских связей [Панов, Саркисов, Стрельцов 2019; Российско-японские отношения 2015: 549, 617–619]. Экономические отношения продолжают теплиться, однако об их развитии не может быть и речи. Продолжаются редкие контакты между представителями экспертных сообществ двух стран, идущие по линии МГИМО и ИКСА РАН, однако и они утратили былую интенсивность.

Фактически «поворот на Восток» для России стал означать поворот *от* Японии, которая взяла курс на блоковое противостояние. Разумеется, эта тенденция не имеет ничего общего с национальными интересами ни России, ни Японии. В условиях резкого роста напряженности в АТР российско-японские контакты могли бы существенно балансировать негатив между КНР и США, однако пока этого не происходит. В течение второй половины 2023 г. японские СМИ начали демонстрировать угасание открытого негатива в адрес России, что дает некоторую надежду на снижение темпов ухудшения отношений двух стран. В октябре 2023 г. японский премьер заявил с трибуны парламента, что хотя «японо-российские отношения находятся в тяжелом состоянии, однако мы продолжим политику, направленную на решение территориальной проблемы и подписание мирного договора»[27].

Однако понятно, что настоящего потепления можно ожидать только после ухода Фумио Кисида с поста премьер-министра страны: его популярность в стране остается рекордно низкой[28]. Задачей России будет, дождавшись сме-

[26] Токио продолжит участие в проектах на Сахалине, заявил Кисида. 27.03.2023. URL: https://ria.ru/20230327/sakhalin-1860811691.html (дата обращения: 20.12.2023).

[27] Кисида сообщил, что Япония сохранит курс на заключение мирного договора с РФ. 23.10.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19088121 (дата обращения: 21.12.2023).

[28] Kishida is so unpopular, he can't even give money away. Nov 7, 2023. URL: https://www.japantimes.co.jp/commentary/2023/11/07/japan/fumio-kishida-popularity/ (accessed: 01.02.2024).

ны внешнеполитического курса японского правительства, попытаться реанимировать экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке и в Арктике, постепенно набрать темп взаимодействия и лишь затем переходить к размораживанию политических контактов.

Основные усилия России в связи с нынешней политикой Японии должны быть сосредоточены на поддержании диалога и информирования японской стороны о российских аргументах и российской позиции по геополитическим вопросам. В то же время необходимо поощрять восстановление и развитие российско-японских деловых и экономических связей, включая участие японских бизнесменов в ежегодном Восточном форуме, предоставление возможности для инвестиций и совместных проектов японским малым и средним предприятиям, не столь сильно зависящим от политической воли Токио. Российский Дальний Восток по-прежнему заинтересован в сотрудничестве с Японией, и по мере ослабления напряженности в политической сфере экономические связи будут неизбежно восстанавливаться.

2.4. Корейский полуостров в российской политике: глобальные, региональные и двусторонние аспекты

В 2023 г. мир отмечал 70-летнюю годовщину окончания Корейской войны 1950–1953 гг. Кровопролитная война не разрешила, а лишь зафиксировала противоречия между двумя корейскими государствами, которые с тех пор и по сегодняшний день продолжают обостряться. В условиях военно-политического и идеологического противостояния двух государств полуострова в геополитике сформировалась «корейская проблема» – одна из нескольких глобальных политических проблем (наряду с Палестиной, Кашмиром и пр.), вечно угрожающих обострением и превращением в военный конфликт.

В экономической сфере корейское противостояние, строившееся на жесткой конкуренции альтернативных моделей развития и модернизации, закончилось с большим отрывом в пользу Южной Кореи. РК развивалась с опорой на западные технологии и инвестиции, на союз с США и добрые отношения со странами Западной Европы. КНДР же сделала ставку на развитие с опорой на внутренние силы и отчасти поддержку Китая, а также на жесткие командные методы экономического управления и высокую роль военных технологий. В результате Южная Корея стала экономическим гигантом, главным из «азиатских тигров», а КНДР – ядерной державой с мощной многочисленной армией и комплексом баллистических ракет. Таким образом, относительный баланс на полуострове сохраняется.

Этот внутренний баланс дополняется внешним балансом интересов и сил великих держав: сначала на советско-американском противостоянии, а ныне – на китайско-американском. В 1990-е – начале 2000-х годов, когда доминирование США практически не оспаривалось и советский сдерживающий фактор исчез, многие ожидали, что КНДР превратится в failed state, а то и вовсе обанкротится. Однако быстрый подъем Китая – единственного официального союзника КНДР – позволил вновь уравнять систему сдержек и противовесов вокруг Корейского полуострова. Северная Корея, выйдя из кризисного состояния конца 1990-х – начала 2000-х годов, смогла стабилизировать внутреннюю экономическую ситуацию и возобновить медленное, но стабильное развитие.

Сложившийся в апреле 2003 г. по инициативе Китая шестисторонний формат по урегулированию корейской ядерной проблемы – США, КНР, РФ, Япония, РК и КНДР – был одновременно и попыткой компромисса заинтересованных держав, и потенциальным фактором региональной стабильности. Однако реального прорыва он не принес: решить проблему ядерных испытаний КНДР так и не получилось. Этому во многом способствовала и позиция США, не желающих идти на уступки и периодически обострявших ситуацию (например, скандал с китайским банком Delta Asia,

попавшим под американские санкции в 2005 г. из-за обвинений в отмывании северокорейских средств). После ухода с поста президента РК Но Му Хёна (2008) компромисс и вовсе стал невозможен.

Но, несмотря на консервацию шестистороннего формата в 2009 г., сдерживающие корейскую проблему политические принципы сформировались в виде условных полюсов силы – российско-китайского и американо-южнокорейско-японского. Ядерный вопрос добавлял остроты противостоянию, но при этом все его участники понимали, что смысл созданного регионального баланса заключался в поддержании текущего положения, – между войной и миром, в котором были заинтересованы все участники процесса, включая оба корейских государства [Покровская 2015; Булычев 2020].

Историческая часть российско-корейского сотрудничества, с одной стороны, схожа с историей приграничных взаимоотношений с монголами и китайцами в плане колонизации и миграции населения, но с другой – имеет свою особую историю, связанную с созданием на Дальнем Востоке, а затем и по всей территории Российской империи сети корейских сообществ и их глубокой интеграцией в российское общество. Корейцы, пришедшие в Россию в XIX – начале XX в., расширили границы общего российско-корейского культурного пространства, став неотъемлемой частью многонационального российского государства.

После определения общих границ и установления дипломатических отношений, подписания Договора о дружбе и торговле 7 июля 1884 г. количество официально регистрируемых трудовых мигрантов из Страны утренней свежести в России ежегодно возрастало. При этом деятельность в Корее российского поверенного в делах К.И. Вебера и других российских дипломатов в конце XIX – начале XX в., включая спасение ими корейского короля Кочжона и его семьи, другие факты искренней и бескорыстной помощи России корейскому народу, заложила позитивную основу российско-корейского исторического доверия. Корея и корейцы плавно вписались в российский и советский Дальний Вос-

ток, а после распада СССР – и в современную Россию. Еще в 1911 г. русский публицист С.Д. Меркулов писал: «Корейцы – единственные представители желтой расы, имеющие склонность сделаться верными подданными и любить Россию как свою новую родину» [Пак 1994: 114]. Ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН Е.Е. Ким рассказывал автору этих строк, как он родился на японском еще острове Сахалин, получив два имени – одно корейское (Ким Ён Ун), второе – официальное японское, так как корейцам запрещено было иметь свои имена, однако отечеством своим считает исключительно Россию и работает уже много лет на ее благо.

Корейская политика России последнего десятилетия развивалась по двум основным направлениям:

1) углубление двусторонних форматов с РК;
2) разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова как на двусторонних, так и на многосторонних треках, включая институты глобального управления и сложившийся шестисторонний формат.

Оба направления были и остаются тесно связаны между собой.

Товарооборот между Россией и Южной Кореей в 2012 г. оценивался в 21,4 млрд долл., к 2019 г. он вырос незначительно – до 25 млрд.

7 сентября 2017 г. во время визита во Владивосток на Восточный экономический форум президент РК Мун Чжэ Ин предложил России дальнейшее расширение двустороннего сотрудничества в рамках программы «девяти мостов», предполагавшей более тесную кооперацию в сельском хозяйстве, судостроении, транспорте, автомобилестроении, совместном производстве оборудования и электроники и др. Была озвучена идея строительства газопровода из РФ через Северную Корею в Южную и налаживания трехстороннего сотрудничества РФ, КНДР и РК в регионе Северо-Восточной Азии по общим вопросам.

В 2018 г. Владимир Путин дважды встречался с Мун Чжэ Ином, вновь подчеркнув актуальность трехстороннего взаимодействия в области железнодорожного транзита, строительства газопровода, линий электропередач и подготовке соглашения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Республикой Корея по формированию зоны свободной торговли товарами и услугами [Асмолов 2019].

Эти годы были периодом двустороннего сотрудничества, создания системного и комплексного формата кооперации РФ и РК, охватывавшего не только различные двусторонние области, но и межрегиональные (ЕАЭС – Южная Корея) и субрегиональные (Россия – Северная Корея – Южная Корея) модели взаимодействия. Российско-южнокорейское партнерство по потенциалу, возможностям и перспективам выглядело как второе по значимости для России в Восточной Азии. Инвестиции и двусторонняя торговля могли быть увеличены до 35–40 млрд долл. годового оборота.

Однако в 2019–2020 гг. динамика на основных участках была утеряна. Торговый оборот снизился до 19,6 млрд долл. [Самсонова 2022: 73–75, 78]. Основными препятствиями дальнейшего роста стала американская политика в Южной Корее, в частности инвестиционные и энергетические контракты, навязанные Вашингтоном Сеулу, а также негибкая политика корейских корпораций, не желавших перестраивать свою стратегию в отношении России, при которой основной бизнес приходился на мелкие и средние компании РК, не обладавшие крупными инвестиционными и технологическими ресурсами. Возникли и первые негативные политические сигналы. Президент Путин в 2019 г. публично заявил о «дефиците суверенитета» Сеула при принятии решений, касающихся его отношений с Москвой, даже если это отвечает его собственным интересам [Булычев 2022].

И все же к весне 2022 г. российско-корейское партнерство демонстрировало существенные результаты. Компания Orion Group увеличивала продажи продуктов питания на российском рынке, в автомобильной промышленности расширяли деятельность корпорации Hyundai и Kia:

их совокупные инвестиции в России к 2021 г. достигли 12,7 млрд долл. Расширялось производство на российской территории бытовой техники LG, шли в гору гостиничный бизнес и туризм. Важным вкладом в двустороннее сотрудничество служили инвестиционные программы южнокорейской судостроительной компании Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering в судостроительный комплекс «Звезда» на Дальнем Востоке, в том числе передача России в лизинг 15 танкеров-ледоколов для перевозки сжиженного природного газа и др. [Самсонова 2022: 71–73].

Период 2022–2023 гг. стал эпохой охлаждения российско-южнокорейских экономических отношений: под политическим давлением США Сеул частично присоединился к антироссийским санкциям, что привело к резкому сокращению торговых и инвестиционных оборотов. Собственно, уже в период президенства Мун Чже Ина (2017–2022) Южная Корея, хоть и сохраняя достигнутый уровень экономической кооперации с Россией и не демонтируя общий каркас сложившейся российско-южнокорейской структуры партнерства, взяла курс на милитаризацию. Быстро росли военные расходы, была принята программа создания легкого авианосца, сняты ограничения для развития ракетной программы США на полуострове.

Обострение украинского кризиса только усилило эти тенденции в политике Сеула. 9 марта 2022 г. на президентский пост был избран Юн Сок Ёль, настроенный еще более проамерикански, чем его предшественник. Одним из первых его официальных заявлений стал тезис о необходимости углубления альянса Южной Кореи с США и с Японией, с которой, как известно, у Кореи исторически отношения всегда оставались весьма натянутыми. Более того, президент Юн на одной из первых пресс-конференций заявил о возможности превентивного удара по Северной Корее, если южнокорейское руководство сочтет это необходимым [Булычев 2022].

В развитие жесткой линии южнокорейского президента новый министр обороны Ли Чон Соп обнародовал обновленный план развития активной обороны, включавший:

а) стратегию превентивного удара;
б) корейскую стратегию широкомасштабного ответного удара, что подразумевало в том числе упреждающие удары, «обезглавливающие высшее руководство КНДР» [Воронцов 2022].

В рамках изложенной логики новой южнокорейской администрации следует ожидать дальнейшей военно-политической интеграции Южной Кореи с блоками QUAD (США, Индия, Япония, Австралия) и AUKUS (США, Великобритания, Австралия), которые развиваются как часть новой концепции «Индо-Тихоокеанского региона» и направлены на сдерживание Китая [Бабаев, Асмолов 2023].

В южнокорейской внешней политике при этом заметно соблюдение принципа «решительность и аккуратность». Так, поставки Украине южнокорейских вооружений происходят не напрямую, а только через посредничество США и Польши. Экономические связи остаются весьма активными: многие южнокорейские компании продолжают работать в России и с российскими контрагентами, сеульские бизнесмены посещают ВЭФ, давления на бизнес со стороны южнокорейских властей не наблюдается – напротив, правительство, скорее, помогает корейским компаниям найти возможность остаться на российском рынке.

Однако политически взвешенные подходы администрации Мун Чжэ Ина, его мнение о том, что без России невозможно полноценное урегулирование межкорейских отношений, что Россия и Китай уравновешивают американские амбиции в регионе, ушли в прошлое. Такие подходы в настоящее время открыто не озвучиваются в СМИ.

При этом в экспертном сообществе Южной Кореи растет понимание, что позиция нынешней администрации приводит к сближению Москвы и Пхеньяна, усилению угрозы нового ядерного обострения на полуострове, что в новых условиях Россия не сможет играть роль политического балансира и посредника между Пхеньяном и Сеулом, а, наоборот, открыто встанет на сторону КНДР [Булычев 2022].

Южнокорейский бизнес начинает понимать дорогую цену политического диктата США. По итогам 2021 г. Россия входила в десятку ведущих стран – торговых партнеров РК; она стала главным покупателем корейских крупнотоннажных морских судов, предназначенных для транспортировки СПГ; концерны Hyundai и Kia продавали в России в год более 370 тыс. автомобилей, а Samsung контролировал 20% российского рынка смартфонов. Всё это в условиях продолжения антироссийского курса администрации быстро утеряно, а освобождающиеся ниши на российском рынке заполняются китайскими конкурентами.

Сеул пытается торговаться с Вашингтоном, чтобы иметь свою «санкционную автономию» в отношении России, включая предоставление Южной Корее прав исключения своих производителей из экспортных санкций США, возможностей банковского маневрирования в связи с присоединением РК к блокировке SWIFT по операциям с Россией (импорт морепродуктов, минерального сырья и энергоносителей) и др.

Во взаимоотношениях с КНДР Россия опиралась на прочный исторический фундамент братской дружбы в советскую эпоху, включая помощь СССР КНДР в Корейской войне 1950–1953 гг. и строительстве социализма в 1960–1980-е годы [Асмолов, Захарова 2022].

Консервация отношений, начало которой было положено еще в 1980-е годы, усилилась в конце первого десятилетия нового века. В 2014–2017 гг. после обострения ядерной проблемы Корейского полуострова, вызванной пусками северокорейских межконтинентальных ракет и термоядерными испытаниями Пхеньяна, Россия вслед за Китаем присоединилась к экономическим санкциям Совета Безопасности ООН. Это решение, как многократно заявляли эксперты-кореееведы, было ошибочным, сведя на нет возможности двусторонних экономических и трудовых контактов с КНДР.

Единственным окном экономических отношений России и КНДР в течение ряда лет оставался проект транспортного коридора Хасан – Раджин, часть которого в 2014 г. Россия мо-

дернизировала с расчетом использовать его для экспорта угля и других товаров в Южную Корею и Японию. Коронавирусные ограничения поставили крест на зарождавшемся туристическом бизнесе и работе северокорейских трудовых мигрантах на Дальнем Востоке, сведя двусторонние отношения к редким политическим контактам на министерском и высшем уровне. В апреле 2019 г. состоялась встреча лидера КНДР Ким Чен Ына с президентом РФ Владимиром Путиным, на которой северокорейский лидер объяснил свое видение региональной ситуации безопасности на Корейском полуострове [«Азиатский поворот» 2022: 79–80].

Оценивая российскую политику в отношении Северной Кореи до начала СВО на Украине, можно отметить ее двойственность. С одной стороны, Россия выступала за смягчение ограничительных санкционных мер, с другой – не желала поощрять опасные эксперименты Пхеньяна и поддерживала введение все новых санкций, инициированных США. Это создавало двусмысленную ситуацию и заставляло Россию выбирать между решением ядерной проблемы и развитием двусторонних отношений с КНДР в добрососедском и взаимовыгодном ключе [Байков, Виноградов, Дьячков и др. 2022: 80].

Противоречий между санкционными ограничениями и приоритетами двусторонних отношений можно было бы избежать, если бы Россия отказалась от поддержки наращивания санкций против КНДР в СБ ООН, воспользовавшись правом вето или воздержавшись при голосовании. Однако в тот период уровень отношений с Западом еще позволял России придерживаться тактики лавирования, в том числе по северокорейскому вопросу. К тому же расширять санкции против своего соседа был готов и Китай.

С конца 2017 г. КНДР де-факто ввела мораторий на испытания ядерного оружия и пуски межконтинентальных баллистических ракет. Россия и КНР предложили своим западным партнерам в ответ смягчить санкционный режим в отношении КНДР, однако США выступили против этой инициативы. После этого стало понятно, что политика санкций зашла в тупик.

После начала украинского конфликта, в условиях ужесточения и расширения антироссийской и антикитайской политики США и их союзников в Азии, Россия и Китай начали корректировку своей политики в отношении КНДР без ущерба традиционным подходам сохранения безъядерного статуса Корейского полуострова и режима нераспространения ядерного оружия. По сути, в настоящее время и на ближайшую перспективу любые шаги Пхеньяна объективно будут направлены против стратегических противников Москвы и Пекина в Восточной Азии.

К 2023 г. стало очевидно, что санкционный режим против КНДР себя исчерпал и не отвечает интересам России в регионе. Текущие приоритеты противодействия политике США в Северо-Восточной Азии представляются более важными, чем дальнейшая реализация санкционной модели против Северной Кореи. Ее демонтаж благоприятно сказался бы на российско-северокорейских отношениях. Продолжая поддерживать режим нераспространения и признавая Северную Корею государством, нарушившим Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Россия могла бы признать, что статус КНДР близок к статусу Индии и Пакистана, которые не входили в режим ДНЯО, но, тем не менее, являются ядерными государствами.

Украинские события сильно повлияли на отношения между РФ и Северной Кореей: последняя уже весной 2022 г. изначально заняла по украинскому вопросу открыто пророссийскую позицию и полностью поддержала российскую операцию. В марте 2022 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН КНДР стала одним из пяти государств, которые не поддержали резолюцию с осуждением действий России в отношении Украины [Ланьков 2022].

Более того, в июле 2022 г. КНДР признала независимость ДНР и ЛНР. После этого МИД Украины объявил о разрыве дипломатических отношений с Северной Кореей [Эксперты объяснили 2022]. В экономическом плане потеря Украины для Северной Кореи никакого значения не имеет. Наоборот, в освобожденном Донбассе просматриваются хорошие пер-

спективы получения выгодных для северокорейских рабочих хозяйственных подрядов и контрактов по восстановлению разрушенных предприятий в новых регионах России.

Возможно, что северокорейское руководство рассчитывает на возобновление трудовых квот на российском Дальнем Востоке и смягчение российской позиции в СБ ООН по северокорейскому санкционному режиму. Позитивным сигналом для Пхеньяна стало заседание СБ ООН в мае 2022 г., когда после очередного запуска Северной Кореей нескольких баллистических ракет американский вариант резолюции об ужесточении санкций был заблокирован Россией и Китаем [Ланьков 2022].

Учитывая явно долговременный характер конфронтации России с Западом и сохранение напряженности в Северо-Восточной Азии, в рамках укрепления двусторонних отношений появились возможности развития военно-технических связей России с КНДР. В сентябре 2023 г. лидер КНДР Ким Чен Ын вновь приехал в Россию, на космодроме Восточный он был принят российским президентом и посетил ряд оборонных предприятий на Дальнем Востоке. Этот визит стал важнейшей вехой в восстановлении контактов и на экономическом, и на военно-техническом уровне, и уже в следующем месяце глава российского МИД приезжал в Пхеньян для обсуждения итогов двустороннего саммита, выхода на запуск конкретных проектов.

Региональное и глобальное измерение корейской проблемы связано с российско-китайским и американским видением Корейского полуострова. Между КНР и РФ имеется весьма высокая степень политической близости по корейской проблематике, включая российское восприятие особых отношений Китая и Северной Кореи, обусловленных близостью идеологических основ КПК и Трудовой партии Кореи, давними историческими связями, интенсивным китайско-северокорейским сотрудничеством в экономике и кооперации. Хотя в отношениях Китая и КНДР были периоды взлетов и падений, КНР оказывала и продолжает оказывать Северной Корее финансовую, продовольственную, энерге-

тическую и военную помощь. После установления дипломатических отношений Китая с Южной Кореей в 1992 г. Пекин продолжал поддержку КНДР, несмотря на эмоциональные обвинения из Пхеньяна в предательстве дела социализма.

К 2015 г. Китай довел объемы торгового сотрудничества с РК до 200 млрд долл., увеличив двустороннюю торговлю за 10 лет в 14 раз. Особое внимание китайское руководство уделяло развитию двусторонней кооперации в области высоких технологий, изучению организации в Южной Корее НИОКР и возможности использования этого опыта в КНР, а также созданию тысяч совместных научно-технологических, инженерных, программных проектов и разработок.

В частности, в Китае публиковались подробные отчеты и планы китайско-южнокорейского научно-технического сотрудничества, делящиеся на четыре группы:

1. Крупномасштабные совместные исследовательские проекты между научными центрами, университетами и промышленностью, предполагающие прямые цепочки реализации – от теоретических разработок до их практического внедрения. Кураторами этой группы выступают с китайской стороны – Министерство науки и технологий КНР, с южнокорейской – Министерство технологий и информационных коммуникаций РК.
2. Узко специализированные проекты по биотехнологии, информационному и программному обеспечению, возобновляемым источникам энергии, аэрокосмической промышленности и новым материалам. На этом треке нет жесткой привязки к процессу обязательного внедрения продукта и акцент делается на исследовательской фазе.
3. Межведомственные проекты Министерства науки и технологий КНР и Министерства промышленности, торговли и энергетики РК. Стороны ежегодно с 2019 г. проводят конкурсы, выбирая на грантовой основе пять крупных проектов, включая победителей

по водородным транспортным средствам и высокотехнологичным материалам, полупроводникам нового поколения, технологиям больших данных и др.
4. Исследовательские разработки в сфере энергетических технологий, включая атомную энергетику [Обзор китайско-корейского сотрудничества 2020].

Своеобразным пиком китайско-южнокорейских отношений стало подписание в 2015 г. преференциального соглашения между Китаем и Южной Кореей о создании зоны свободной торговли, в рамках которого из взаимного таможенного обложения было исключено 960 южнокорейских и 766 китайских товарных позиций [Schott, Jung, Cimino-Isaaks 2015].

После размещения США системы ПРО THAAD на территории Южной Кореи в 2016 г. китайско-южнокорейские двусторонние отношения резко ухудшились, что отразилось на торгово-экономических и научно-технических связях. Фактически Пекин ввел своеобразный санкционный режим на торговлю и инвестиции с Сеулом, несколько ограничив экономические связи и отчасти бойкотируя южнокорейский бизнес на китайской территории.

В декабре 2017 г. состоялся визит президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина в Китай, прошли переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром Госсовета КНР Ли Кэцяном. Основными темами переговоров стали восстановление двустороннего торгово-экономического сотрудничества, инвестиции, ядерная проблема Корейского полуострова. Обсуждалась тема THAAD на территории южной части полуострова.

9 января 2018 г. в демилитаризованной зоне (ДМЗ) на 38-й параллели состоялись переговоры официальных представителей двух корейских государств. Обсуждались различные вопросы, включая участие спортивной команды из КНДР в Зимней олимпиаде в Пхёнчхане (РК). Инициатором переговоров стала северокорейская сторона, что было озвучено в заявлении Ким Чен Ына 1 января 2018 г. Возможно,

что косвенное влияние оказал четырехдневный визит в середине декабря 2017 г. президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина в Китай. Другой фактор, повлиявший на начало переговоров, – позиция России, поддержавшей идею «двойного замораживания» (ракетных пусков в Северной Корее и масштабных военных учений в Южной Корее).

При президенте Мун Чжэ Ине позиция Сеула отличалась от американских подходов по корейскому урегулированию. Южнокорейские официальные лица отстаивали схему безопасности: «переговоры – денуклеаризация полуострова». США настаивали на обратном варианте: «денуклеаризация Севера – переговоры» (причем под денуклеаризацией имеется в виду полный отказ КНДР от ракет и любого оружия массового поражения), что автоматически усложняло двусторонние контакты между РК и КНДР.

Важным аспектом региональной и глобальной безопасности были попытки ведущих стран возродить коллективный шестисторонний формат для решения ядерной проблемы, который после шести раундов, включая подписание ряда соглашений о консервации ядерных северокорейских объектов в обмен на поставки топлива, в 2009 г. завершил свою работу. Рассматривались варианты трехсторонних (США – КНДР – РК) и четырехсторонних (США, КНР, Япония, РФ) моделей. Практика показывала, что начало нового этапа нормализации было актуально исключительно на двустороннем, межкорейском треке.

Летом–осенью 2017 г. Южная Корея не хотела быть втянута в обострившийся спор США и КНДР, вылившийся в военную конфронтацию и американские угрозы нанести превентивный военный удар по 20 объектам Северной Кореи.

В 2018 г. состоялся ряд встреч лидеров КНДР и РК – две в Пханмунчжоне и одна в Пхеньяне. Параллельно был организован саммит «Ким Чен Ын – Д. Трамп» в Сингапуре – первый в истории саммит высших лиц Северной Кореи и США. По мнению специалистов, сингапурский саммит имел два уровня договоренностей. Один, нефиксированный, устный, «джентльменский» с обещанием сторон не проводить

военных учений на Юге и не осуществлять ядерных испытаний на Севере. И второй, официальный: в совместном заявлении стороны обязались стремиться к миру и денуклеаризации Корейского полуострова [«Азиатский поворот» 2022: 83–88].

Вокруг Корейского полуострова сложилось два альтернативных подхода к региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Первый, американский, блоковый, предусматривает модернизацию и расширение классических американских договоров о безопасности, сдвиг НАТО в сторону Азии либо создание его азиатского аналога через формирование новых блоков – QUAD, AUKUS, а также вытеснение из корейской зоны безопасности России и Китая.

Второй, российско-китайский, подход основан на военно-политическом и геополитическом расширении влияния стратегического партнерства РФ и КНР, создание в Северо-Восточной Азии нового центра силы в качестве системы сдерживания США и их союзников. Учитывая несоюзнический характер отношений России и Китая, традиционную идеологическую близость Пекина и Пхеньяна и налаживание отношений между Россией и КНДР в 2023 г., возможна постепенная интеграция КНДР в российско-китайскую структуру региональной безопасности.

Подходы администрации Дж. Байдена строятся на основе игнорирования режима Ким Чен Ына, который, по мнению Вашингтона, в силу врожденного авторитаризма со временем «автоматически» отойдет в прошлое. Примерно тот же подход исповедовала в свое время администрация Б. Обамы. Политику прямых контактов Дональда Трампа с северокорейским лидером нынешняя администрация США не отвергает, однако всякий раз выдвигает предварительные условия для продолжения диалога. Для разбалансировки системы безопасности в регионе тактика нынешнего американского президента является идеальной. Надо признать, что шаги Трампа на северокорейском треке при внешне эпатажной манере давали некоторый временный или промежуточный эффект, создавая необходимую атмосферу для поиска

дальнейших стратегических решений, которой сегодня уже не существует. Что касается самой КНДР, то ее руководство заявляет, что с Вашингтоном Корее говорить не о чем.

Отдельные эксперты считали, что общей основой переговоров Д. Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре и Ханое стала идея получения северокорейским лидером гарантий ненападения и материальной помощи от США в обмен на обещание дистанцироваться от Китая. Известна традиционная линия лавирования Северной Кореи между сильными державами, которую она успешно применяла в период советско-китайских разногласий в 1960-е и 1970-е годы [Булычев 2021].

Действительно, для Пхеньяна было бы идеальным тактическим вариантом найти оптимальную, среднюю дистанцию между Пекином и Вашингтоном, получая от обоих государств необходимую экономическую помощь. Однако данный сценарий не реализовался, поскольку для американского истеблишмента сохранение ядерного статуса Северной Кореи в любом случае неприемлемо. Необходимость денуклеаризации КНДР, в успех которой не верил ни Д. Трамп, ни Дж. Байден, была и остается безусловным приоритетом американской политики в отношении Северной Кореи. Лишение КНДР ядерного оружия по значимости перевешивает любые комбинации получения американских гарантий в системе отношений КНДР, КНР и США.

Российская концепция безопасности на Корейском полуострове исходит из достигнутой между Северной и Южной Кореей «конфронтационной стабильности», вбирающей в себя ядерную проблематику, двусторонние треки, а также сохранение ситуации в условной системе «ни мира, ни войны» [Лукин, Пугачева 2022: 12–15, 18, 22]. Важно, что безъядерный статус Корейского полуострова для России, независимо от формата его реализации – двустороннего или четырехстороннего, – вопрос приоритетный и ключевой [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 166, 176, 201–210].

Рост влияния Китая дополняет российско-китайский формат корейского урегулирования. Летом 2017 г. министры иностранных дел РФ и КНР выступили с совместной

дорожной картой урегулирования ядерной проблемы полуострова[29], в 2019 г. она была дополнена конкретным планом действий с государствами, имевшими прямой интерес к решению корейской проблемы.

В контексте указанных документов следует учитывать две тенденции, заметно усиливающиеся в настоящее время.

Во-первых, в условиях дальнейшего сближения России с КНР китайский фактор действует на треугольник Россия – КНДР – Китай амбивалентно. С одной стороны, он способствует укреплению двусторонних российско-северокорейских отношений, позволяет России действовать более автономно как в рамках данного треугольника, так и с другими участниками корейского урегулирования. С другой стороны, Россия может столкнуться с ограничением возможностей маневрирования в корейском вопросе, так как вынуждена принимать во внимание базовые интересы Китая, влияние которого на полуострове значительно выше российского [Лукин 2018: 35–37; Лукин, Пугачева 2022: 17–24, 25].

Китай действительно воспринимает Корейский полуостров как территорию своих исключительных интересов, стремясь, чтобы решение всех вопросов, проходящих через корейские государства, происходило при его участии. При этом Пекин пытается влиять на Пхеньян по многим внешнеполитическим позициям, включая регулирование контактов КНДР с третьими государствами. Россия в этом перечне не исключение. Однако, как показала реальная картина в 2023 г., китайская монополия на взаимодействие с КНДР легко разрушается.

Северокорейское руководство, несмотря на материально-техническую и финансовую зависимость от КНР, ограничивает рамки китайского влияния. Особенно ярко эта независимость проявляется в развитии собственной ракетно-ядерной программы, осуществлении ракетных пусков

[29] Китай и Россия опубликовали Совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 05.07.2017. https://russian.news.cn/2017-07/05/c_136419741.htm (дата обращения: 01.02.2024).

и ядерных испытаний. Пекин испробовал большой арсенал средств, от экономического воздействия до политико-психологического «воспитания», в ходе двусторонних переговоров на различных уровнях, чтобы попытаться хотя бы частично поставить корейскую ядерную программу под свой контроль. Однако все шаги оказались безуспешными: в наиболее чувствительных сферах Северная Корея придерживается абсолютной политической автономии.

То же касается и взаимоотношений КНДР с Россией. В отличие от Китая, Пхеньян с самого начала украинского конфликта безоговорочно поддержал российскую военную операцию и выразил желание оказать российской армии всяческое содействие. В 2023 г. Ким Чен Ын продолжал политику углубления отношений с Москвой безо всякой оглядки на Китай. В Южной Корее эксперты даже полагают, что сближение между РФ и КНДР может внести существенную трещину во взаимоотношения России с Китаем.

Во-вторых, независимо от китайских и американских попыток ограничить атомные военные программы КНДР, их развитие в последние годы идет быстро и на высоком военно-технологическом уровне. В октябре 2020 г. мир увидел ракету «Пуккыксон-4» и межконтинентальную ракету класса «Хвасон». В январе 2021 г. на VIII съезде ТПК было объявлено об успешных испытаниях новых видов ракет. После завершения съезда в Пхеньяне прошел военный парад, на котором была показана модель ракет семейства «Пуккыксон-5». Российские специалисты по Северной Корее дали подробные характеристики по максимальной дальности, количеству пусковых установок и количеству ракет от «Хвасон-3» до «Хвасон-12» дальностью 3700 км [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 197; Стратегический потенциал КНДР 2021: 62]. В последние годы Пхеньян начал разработку ракет морского базирования, включая твердотопливные ракеты «Пуккыксон-2», атомных подводных лодок и гиперзвукового оружия [«Азиатский поворот» 2022: 83–93].

Очевидно, что ракетно-ядерная программа Северной Кореи ориентирована на уровень гарантированного ядер-

ного сдерживания, при котором любое силовое решение потенциальных противников было бы исключено. Северокорейское руководство убеждено, что наличие нынешнего уровня ядерного арсенала КНДР помогает избежать судьбы Ирака и Ливии, сплотить народ, создав не только военные, но психологические гарантии дальнейшего развития [Асмолов 2021].

Китайские эксперты внимательно изучают развитие северокорейской военной ядерной программы и ее влияние на китайско-северокорейские, китайско-американские отношения, роль России на Корейском полуострове. В ряде работ Ши Жэньхуна, Ван Вэньчжуна, Го Жуя и др. была восстановлена подробная картина процессов нуклеаризации КНДР начиная с 1960-х годов, создания с помощью Советского Союза Йонбёнского института атомной энергии в 1965 г. и обучение северокорейских специалистов-ядерщиков, построивших первый ядерный реактор мощностью 800 кВт, начало добычи промышленно обогащенного урана, реакцию России, Китая и США в конце 1990-х – начале 2000-х годов на северокорейские испытания и выход КНДР из ДНЯО, а также подробный анализ всех заседаний шестисторонней группы по корейской ядерной проблеме и последующие события, имевшие прямое отношение к нуклеаризации Корейского полуострова [Го Жуй 2013; Го Жуй, Чжао Цзюньлян 2017; Го Жуй 2018].

По оценкам китайских экспертов, к концу XX в. Северная Корея построила шесть ядерных исследовательских центров, два ядерных реактора и один испытательный ядерный энергетический реактор. При этом в течение 2018–2022 гг. основными покупателями «серого» северокорейского экспорта ядерных и ракетных технологий, по китайским данным, были Иран, Сирия и Мьянма, что в совокупности давало Северной Корее ежегодно около 2 млрд долл. в год[30]. Учитывая, что китайские власти внимательно относятся к публикации в открытых источниках информации подобного рода, можно предположить достаточно высокую степень ее достоверности

[30] 朝鲜核问题 (Ядерная проблема Северной Кореи). URL: https://baike.baidu.com/item/朝鲜核问题/11050349 (дата обращения: 17.08.2022).

и желание Пекина привлечь внимание других заинтересованных акторов к данной проблеме.

В сложившейся ситуации Корейский полуостров – весьма удобный рычаг для Китая в воздействии на Соединенные Штаты в случае эскалации ситуации в Тайваньском проливе. Именно КНР получит возможность разыгрывать этот козырь, в то время как для США наличие южнокорейского союзника станет скорее бременем и поводом для беспокойства, нежели реальной помощью в случае начала противостояния. Ситуация будет осложняться для Америки и тем, что Россия, в последнее время умело проводящая политику сближения с Пхеньяном, при любом развитии конфликта в Тайваньском проливе будет активно поддерживать Китай, а следовательно, может оказать действенную помощь КНДР в ситуации противостояния на Корейском полуострове [Бабаев, Поленова 2023: 31].

25–27 июля 2023 г. состоялись важные визиты российского министра обороны С. Шойгу и члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Ли Хунчжуна в Северную Корею на празднование 70-летия окончания Корейской войны. Очевидно, что они были не только дружественным, символическим шагом РФ и КНР по поддержке КНДР, но и важным политико-дипломатическим сигналом США и их союзникам об укреплении трехсторонних отношений России, Китая и Северной Кореи, усилении их взаимодействия по основным направлениям, включая военно-политическое, что для России в условиях украинского конфликта углубление контактов и военно-технического сотрудничества с КНДР также имеет особую значимость.

Сложная региональная ситуация объективно вынуждает Пхеньян сохранять и развивать оружие сдерживания как ответный шаг на милитаризацию Японии и Южной Кореи. Без своей ракетно-ядерной программы Северная Корея может оказаться беззащитной против Вашингтона, Сеула и Токио.

Таким образом, углубление российско-северокорейских отношений в 2022–2023 гг. стало дополнительным сдерживающим фактором агрессивности Запада и укрепления ста-

бильности и безопасности в регионе, а для самой России – одним из важнейших треков внешнеполитического «поворота на Восток».

2.5. Возможности и пути возвращения России в Монголию

Монголия, пройдя в XX в. через различные исторические фазы развития, в 1990-е годы предстала миру в образе обновленного демократического государства. Ключевой внешней детерминантой на протяжении столетий была традиционная геополитическая позиция страны между двумя гигантами – северным российским и южным китайским. При этом сама Монголия, умело адаптируясь к внешним вызовам, за тысячелетие сумела сформировать гибкую и подвижную общность – «монгольский мир», который, пульсируя на евразийском пространстве, то максимально расширялся в XIII–XIV вв., то сжимался вновь.

Западные монголоведы [Campi 2004; Lattimore 1962; Rupen 1964] и российские специалисты [Лузянин 2022в; Родионов 2009; Россия и Монголия 2016] отмечали в своих работах основную монгольскую детерминанту – эффект геополитической «зажатости» Монголии, зависимой от характера китайско-российских отношений. Разработанная в российском монголоведении концепция монгольской цивилизации и ее места в современных реалиях позволяет более точно определить цивилизационные российско-монголо-китайские «стыки», их специфику и перспективы существования [Железняков 2016; Лузянин 2021в].

Отношения России с Монголией имеют долгую историю: они уходят корнями в эпоху Улуса Джучи (Золотой Орды), и российская государственно-правовая система, как уже указывалось выше, содержит многочисленные элементы политической культуры и ментальности средневекового Монгольского государства. В XVII в. русские казаки вновь вошли в контакт с ханами Западной и Северной Монголии, положив начало

созданию огромной зоны сибирско-монгольского буферного пространства между Россией и империей Цин. При этом Российская империя в XVIII–XIX вв. воспринималась монгольской элитой как реальный противовес китайской угрозе поглощения. История расширения «русской Азии» в XVII–XIX вв. была связана с формированием обширного трансграничного пространства, вобравшего миграционные потоки и энергетику российской (православной), монгольской (буддийской и шаманистской) и китайской (даосско-конфуцианской) цивилизаций.

Экономический и цивилизационный феномен его заполнения совпал со сменой культурного кода традиционной Монголии, которая при сохранении кочевой основы за 200–300 лет из агрессивной имперско-чингисхановской превратилась в миролюбивую буддийско-ламаистскую. Жестокий воин-захватчик уступил место мирному ламе, бредущему по степи и перебирающему четки. Эта духовная революция совпала с китайским административным поглощением Монголии, формально превратившейся с конца XVII в. во владение Цинской империи. При этом русские, идущие с Севера, ментально и политически воспринимались частью монгольской духовной и княжеской элиты как спасители от китайского поглощения, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения.

Главный вектор монгольской внешней политики, направленный с XVII в. на Поднебесную, сменился после 1921 г. советской ориентацией. После Народной революции 1921 г. Монгольская Народная Республика стала одним из первых союзников Советской России и полигоном для реализации большевистской доктрины перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. Этот транзит стал достаточно болезненным явлением для страны. Движение к «монгольскому социализму» сопровождалось деформацией и разрушением традиционных буддийско-ламаистских и исторических институтов и ценностей.

5 ноября 1921 г. между народным правительством Монголии и представителями советского правительства состо-

ялось подписание первого советско-монгольского Соглашения о дружбе и сотрудничестве, которое стало отправным на долгие годы. С 1924 г. Советский Союз и МНР сформировали «советский мир», окруженный идеологически и политически враждебными тогда государствами. Вопрос стоял не столько об идеологическом советско-монгольском сотрудничестве, сколько о реальном физическом выживании двух государств. И прочность этого мира была доказана и в условиях вызова в 1939 г. на р. Халхин-Гол, и в условиях Второй мировой войны, завершившейся разгромом японского милитаризма в августе–сентябре 1945 г.

В 1940–1960-е годы происходит эффективная интеграция МНР в международно-правовые институты эпохи биполярной системы и противостояния СССР и США. Последовательный курс советского руководства на международно-правовое оформление МНР на Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), подтвержденный на советско-китайских переговорах в Москве (июль 1945 г.), позволил не только оформить полноценный международный статус МНР, но и добиться интеграции ее в глобальные и региональные структуры ООН, систему международных отношений.

Советский ресурс позволил создать в отсталой средневековой стране технологические и инфраструктурные основы для экономического развития. Важной была и внешнеполитическая поддержка СССР Монголии, до 1946 г. де-юре непризнанной, кроме Москвы, никем в мире. Советская дипломатия в течение 1943–1945 гг. добилась официального признания союзническими державами и гоминьдановским Китаем независимого статуса МНР. В 1946 г., после проведения референдума, Монголия получила фактически второе государственное рождение [Лузянин 2003: 219, 277, 285].

Советская эпоха упрочила экономическую способность МНР к индустриальному развитию и модернизации в условиях советско-монгольского союза. Совместные проекты – ГОК «Эрдэнэт», Улан-Баторская железная дорога, строительство г. Дархан и промышленных объектов – составили материально-техническую базу современного развития республики.

После распада СССР Монголия на какое-то время перестала представлять идеологическую и экономическую ценность для Москвы. Объем взаимной торговли упал до минимума, приняв региональный характер. Продолжали существовать лишь экономические связи с сопредельными российскими областями и республиками – Бурятией, Тувой, Иркутской областью. О совместных проектах в Москве на время забыли.

Политический и экономический вакуум был частично заполнен подписанием 20 января 1993 г. договора «О дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией», ставшего первым большим двусторонним документом постсоветской России и демократической Монголии и заменившего советско-монгольский союзный договор 1964 г. Новый документ регламентировал отношения двух государств как дружественные, соседские, деидеологизированные, более четко определив работу совместных хозяйственных объектов.

В апреле 1994 г. в Улан-Баторе был подписан договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и Китайской Народной Республикой», который также стал базовым в монголо-китайских двусторонних отношениях. Так сформировались два параллельных политических и экономических трека внешней политики Монголии – российский и китайский.

В 1990-е годы российское влияние в Монголии, традиционно игравшее роль противовеса влиянию Китая, сильно ослабло. Российско-монгольский Договор 1993 г., снизивший отношения с союзнического уровня до «добрососедского», де-юре и де-факто не мог выполнять свои прежние функции, в том числе главной сдерживающей Китай силы. Закончилась и помощь Монголии со стороны России.

Сформировалась обновленная структура, в которой постепенно образовался «четвертый угол» – коллективный Запад во главе с США, официально оформленный в монгольской внешнеполитической концепции в качестве «третьего соседа», который противостоял России и Китаю. Вхождение

Монголии в глобальные и восточноазиатские экономико-интеграционные проекты, включая мировые финансовые и торговые институты в 1990-е годы, получение больших объемов донорской помощи объективно усиливали позиции «третьего соседа», но не смогли переломить сформировавшуюся в конце 1990 – начале 2000-х годов тенденцию усиления КНР в стране и ее экономике [Лузянин 2021в: 147, 151].

Визит президента Путина в Монголию 13–14 ноября 2000 г. был призван открыть новую фазу российско-монгольских отношений. Однако основное торгово-экономическое и транспортное наполнение российско-монгольской повестки начинается только с 2012 г. Оно развивалось в условиях обновления концепций внешней политики и безопасности Монголии, включая дальнейшее углубление отношений с «третьим соседом», ставшими приоритетными, после традиционных отношений с Россией и Китаем. Происходило постепенное восстановление Россией утраченных в 1990-е годы экономических позиций. Монгольский экспорт в Россию с 27 млн долл. в 2005 г. возрос до 77 млн долл. в 2014 г., а импорт из РФ соответственно увеличился с 408 млн до 1,55 млрд долл., общий объем товарооборота в 2014 г. составил 1,6 млрд долл. [Даваасух, Ценддорж 2021]. Структура российского импорта в Монголию на 66,3% состояла из минерального топлива (нефть и нефтепродукты) и на 9,3% из машин и оборудования, 9,2% приходилось на продовольственные товары. К 2019 г. торговый оборот вырос до 1,8 млрд долл. [Шурубович, Пылин 2021: 169–173, 179]. К 2022 г. Россия была вторым после Китая партнером Монголии по объему внешней торговли, на нее приходилось 12,8% монгольской торговли, при этом более 90% нефтепродуктов завозилось в страну из РФ. В указанном году объем двусторонней торговли вырос на 42%, достигнув 2,6 млрд долл., и по итогам 2023 г. должен превысить отметку в 3 млрд долл.[31].

Инвестиционная деятельность российских компаний, в отличие от китайских и западных, остается скорее инер-

[31] Объем торговли России с Монголией вырос в 2023 году вдвое. URL: https://ulanmedia.ru/news/1609649/ (дата обращения: 01.02.2024).

ционной, чем наступательной и активной. Наличие трех крупных совместных с Монголией проектов, оставшихся в стране в качестве советского наследия – ГОК «Эрдэнэт» (49% доля российского участия), «Монголросцветмет» (также 49%) и Улан-Баторская железная дорога (50% у России), – а также несколько сотен мелких и средних предприятий с российским участием, создавали для России некий успокоительный эффект, который в целом тормозит расширение российской инвестиционной политики в стране, особенно в плане проникновения в новые крупные, стратегически важные угольные (Таван-Толгой и др.) и медные (Оюу-Толгой и др.) месторождения. Разведанные запасы угля на месторождении Таван-Толгой составляют, по разным оценкам, от 6,5 млрд до 7,3 млрд т угля, примерно по 50% из которого составляют коксующийся и энергетический уголь. Месторождение занимает седьмое место в мире по запасам разведанных залежей [Азиатский банк 2016: 268–269].

С середины 1990-х годов между западными и китайскими компаниями шла активная борьба за эти месторождения. В 2008–2009 гг. был сформирован пул российских компаний «Ренова», «Норникель», «Базовый Элемент» и «Интеррос», который смог получить небольшую долю акций (5,1%) в проекте «Таван-Толгой», но она не обеспечивала возможность принятия стратегических решений и определения приоритетов развития проекта. Основной экспорт угля с месторождения идет в КНР: к 2024 г. Монголия планирует нарастить экспорт угля до 64 млн т, став крупнейшим импортером угля в Китай[32].

Важным является относительно новый инвестиционный трек по разработке урановых месторождений. В 2009 г. было подписано соглашение о создании российско-монгольской компании «Дорнод уран» для разведки, добычи и переработки урана в Восточной Монголии, где еще совет-

[32] В 2024 году Монголия планирует экспортировать 60 миллионов тонн угля. 19.10.2023. URL: https://metallurgprom.org/news/mining/14097-v-2024-godu-mongolija-planiruet-jeksportirovat-60-millionov-tonn-uglja.html (дата обращения: 01.02.2024).

скими геологами были исследованы 17 залежей этого ценного минерала, разработаны варианты его добычи. Однако после 2012 г. данное направление по желанию монгольской стороны и, возможно, под давлением западных, китайских и японских конкурентов было законсервировано. Российский бизнес в тот период был не готов вести в Монголии жесткую конкурентную борьбу.

В 2016 г. пакеты российских долей акций в совместных российско-монгольских предприятиях ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» были проданы российской госкорпорацией «Ростех» монгольской стороне. Причинами этого шага стали: нерентабельность данных предприятий в связи с низкими мировыми ценами на медь и цветные металлы, влияние монгольских «налогов на сверхприбыль», произвольно устанавливаемых монгольскими законодателями, технические сложности взаимодействия российских акционеров с монгольскими и др.

Фундаментальная причина, на наш взгляд, была связана со сложившейся еще в 1990-е годы неблагоприятной для России экспортной стратегией сбыта меди, медного концентрата, других минералов, ориентированной исключительно на Китай и другие страны, при которой дальнейшее российское участие не меняло существующую схему, а только усиливало российско-китайский разрыв в горнодобывающем и других сегментах монгольской экономики [Лузянин 2021в: 147–149, 150].

Ключевой приоритет Россия отдала транспортной и энергетической составляющим своей монгольской политики, опираясь на совместное российско-монгольское предприятие «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД). Российская сторона не планирует продавать Монголии свою долю. Россия активно вкладывается в модернизацию дороги и строительство новых веток, связывающих основную магистраль с угольным месторождением Таван-Толгой.

Приоритетом также становится углеводородный (газовый) транзитный вектор. В декабре 2019 г. состоялся визит премьер-министра (в настоящее время – президента) Мон-

голии У. Хурэлсуха в Россию, в ходе которого был подписан меморандум о взаимопонимании между монгольским правительством и российской компанией «Газпром», создана совместная рабочая группа, а в январе 2021 г. в Монголии образована совместная компания «Союз Восток» для разработки технико-экономического обоснования (ТЭО) и проведения исследовательских работ по маршруту газопровода «Сила Сибири-2», который соединит западную и восточную газотранспортную инфраструктуру России, пройдет через монгольскую территорию во внутренние районы Китая. В апреле 2021 г. разработка и утверждение ТЭО были завершены, и стороны приступили к практической подготовке маршрутов. Однако проект, как известно, в целом зависит, скорее, от российско-китайских договоренностей.

Текущие экономические приоритеты России во многом связаны с модернизацией УБЖД, инвестированием и развитием инициативы по созданию зоны свободной торговли «Алтанбулаг», реанимацией и созданием СП по разработке уранового месторождения Дорнод, активизацией сотрудничества сибирских и дальневосточных российских регионов с Монголией, включая интенсификацию связей с Бурятией, Тувой, Иркутской областью и Забайкальским краем.

Определенным препятствием остаются высокие таможенные барьеры в двусторонней торговле, в особенности тарифы на монгольский экспорт, и ряд нетарифных ограничений на поставки мяса и мясопродуктов. Российская сторона может пойти на некоторые преференции, снизив тарифы и таможенные пошлины, чтобы увеличить импорт высококачественных монгольских товаров, пользующихся спросом в России. Очевидно, необходима диверсификация и российской, и монгольской товарной структуры, поиски новых товарных групп, которые бы расширили качественно и количественно двусторонние связи.

Перспективной для инвестиционно-технологической деятельности России в Монголии остается энергетическая сфера, включая модернизацию Улан-Баторской ТЭЦ-4, обустройство ЛЭП, позволивших решать проблему дефицита

электроэнергии Монголии за счет мощностей российских электростанций, и др. [Батчулуун 2020: 41–45, 51–54]. В сентябре 2023 г. стороны объявили о намерении строительства в Монголии ТЭЦ-3, пилотный проект которого уже разработан[33].

Самым слабым местом активности России в Монголии остается ее инвестиционный вклад, который составляет всего 2% от всех иностранных инвестиций по состоянию на 2021 г. При этом, по данным социологических опросов среди монгольских жителей, на вопрос, какое государство наиболее желательно в качестве главного партнера страны, с большим отрывом лидирует Россия. Так, Россию в качестве своего главного партнера в 2018–2019 гг. называли 69,8 и 70% опрошенных соответственно. Китай в этом опросе получил всего 0,8 и 2,4% голосов, Япония – 5,9 и 7,3%, а США – 6,3 и 5,6% голосов. Причинами таких оценок являются сохранившийся в массовом сознании монголов позитивный исторический опыт российско-монгольской дружбы и память о советской помощи. Всё это, по мнению монгольских специалистов и жителей страны, создает чрезвычайно благоприятную инвестиционную и психологическую среду для российского бизнеса, которая пока не используется [Железняков, Родионов 2019].

Политические отношения двух стран связаны с сохранением дружбы и доброй памяти российского и монгольского народов и укреплением нынешнего добрососедства и взаимодействия. Подписание 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе президентами Путиным и Баттулгой Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией политически укрепило российско-монгольский формат взаимодействия, усилив общую стратегическую основу. Договор носит бессрочный характер, что крайне важно в нынешнюю непредсказуемую политическую эпоху. В ходе визита Владимира Пути-

[33] Россия планирует построить в Монголии ТЭЦ мощностью 300 МВт. 13.09.2023. URL: https://www.infpol.ru/256288-rossiya-planiruet-postroit-v-mongolii-tets-moshchnostyu-300-mvt/ (дата обращения: 01.02.2024).

на в Монголию в сентябре 2019 г. был подписан также ряд межправительственных соглашений, затрагивающих сотрудничество в области борьбы с терроризмом, межрегиональное и приграничное взаимодействие, возобновлено действие Договора об оказании Монголии безвозмездной военно-технической помощи, впервые подписанного в 2004 г. [Родионов 2009].

Открытым на какое-то время вопросом оставался «большой долг» Монголии, то есть проблема возвращения РФ денег, полученных еще от СССР. Монгольские эксперты считают, что за период с начала 1960-х и до 1990 г. общая сумма долга выросла на 68%, составив к 1991 г. 10,7 млрд долл. [Ганзориг 2001: 225, 227]. Было очевидно, что выплатить такую сумму Монголия не в состоянии, поэтому Россия, учитывая дружественный характер отношений, не требовала ее единовременного погашения. В 2004 г. Россия приняла решение о списании долга, чтобы устранить этот спорный вопрос. Москва пошла на официальное аннулирование 1,1 млрд долл. монгольского долга. Монголии оставалось выплатить только 250 млн долл. по текущим процентам.

Списание «большого долга» положительно сказалось на динамике двусторонних отношений, хотя решение проблемы могло быть и более эффективным для России (известно, в частности, что Китай не списывал долгов Монголии, а лишь продлевал кредитные соглашения). В 2016 г. Россия окончательно закрыла вопрос, аннулировав 97% из оставшихся 250 млн долл. (174,2 млн долл.), закрыв, таким образом, долговую страницу истории советско-монгольских отношений.

Определенный политический резонанс получила в 2016 г. проблема российско-монгольских энергетических отношений в связи с решением монгольского руководства о строительстве сразу трех ГЭС на р. Селенге, которая впадает в оз. Байкал и является одним из основных водных ресурсов пополнения озера. Создание подобного гидроэнергетического каскада в верховьях Селенги, по подсчетам российских ученых-экологов, неизбежно привело бы к обмелению Байкала и другим экологическим катастрофам. Аргументы

монгольского руководства сводились к тому, что Селенга протекает по территории Монголии и строительство ГЭС поможет решить проблему дефицита энергоресурсов, в которых нуждается Монголия.

В 2016 г. вопрос обсуждался на уровне президентов трех стран (РФ, КНР и Монголии) и премьеров на полях различных саммитов (ШОС, «Азия – Европа» и др.). Было решено увеличить российские поставки энергоресурсов (углеводородов, электроэнергии) в Монголию и ликвидировать имеющийся дефицит. Китай в данном споре поддерживал Россию, выступая за развитие двустороннего российско-монгольского диалога по данной проблеме.

Важным общественным и политическим событием стали юбилейные празднования в обеих странах в 2021 г. столетия установления советско-монгольских отношений. Юбилейные мероприятия фактически определили ключевые исторические вехи российско-монгольских отношений в XX – начале XXI в., скорректировав политическое влияние «третьего соседа» на Монголию. Закономерности современных российско-монгольских отношений, существующие в течение последних 30 лет в иной международной, идеологической, экономической и ценностной среде, сохранили общую близость народов по духу и восприятию внешнего мира и внешних угроз. Выход двух стран на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и расширение международного сотрудничества, кооперация в сферах обороны, безопасности, экономики, торговли, инфраструктурных проектах, культурно-гуманитарное сотрудничество позволяют говорить, что 100-летний юбилей – это прочный фундамент для дальнейшего строительства российско-монгольского общего «дома» [Лузянин 2022в: 6–8].

Между двумя странами осуществляется военно-техническое сотрудничество, ежегодно проходят регулярные военно-спасательные российско-монгольские учения «Селенга». В марте 2004 г. было заключено межправительственное соглашение об оказании военно-технической помощи Монголии на безвозмездной основе.

Избранный в ноябре 2021 г. президентом Монголии У. Хурэлсух свой первый зарубежный визит совершил в Россию. 15–17 декабря 2021 г. в Кремле состоялись российско-монгольские переговоры, включая встречу 16 декабря монгольского руководителя с российским президентом В.В. Путиным. Было отмечено, что между государствами нет принципиальных разногласий, что за 100 лет сложились братские, добрососедские отношения. Основной посыл сторон был связан с идеей необходимости дальнейшего развития транзитного потенциала Монголии на транспортных, углеводородных (газовых) и энергетических (поставки электроэнергии и пр.) направлениях. Формирование Россией, Монголией и Китаем проекта «Сила Сибири-2», строительство новой железнодорожной магистрали из Тувы через Западную Монголию в Китай создадут новую качественную среду развития трех государств.

После начала российской операции на Украине монгольское руководство заявило о своем нейтралитете, выступив против введения антироссийских санкций. Ни двусторонний стратегический российско-монгольский формат, ни треугольник Россия – Монголия – Китай не были деформированы или разрушены американским давлением на Монголию.

Подтверждением высокого уровня отношений Москвы и Улан-Батора стали проведенные 4 августа 2022 г. очередные военные учения «Селенга-2022» на монгольском полигоне Ховд, имевшие антитеррористическую направленность. В информационных сообщениях отмечалось, что в учениях приняло участие до 1,2 тыс. военнослужащих, было задействовано около 300 единиц боевой техники[34].

С 2013 г. в российско-монгольских отношениях значительно усиливается китайский фактор, который системно входит в российско-монгольские транспортные и инвестиционные проекты двух стран. Китайские эксперты рассма-

[34] Стартовали совместные российско-монгольские военные учения «Селенга-2022». 04.08.2022. URL: /https://ria.ru/20220804/ucheniya-1807123551.html (дата обращения: 20.12.2023).

тривают инфраструктурный треугольник Россия – Монголия – Китай как некую новую региональную версию не только освоения евразийского пространства, но и подтягивания Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) и двух соседних северо-восточных провинций КНР к сибирским ресурсным территориям [У Юньюн, Ван Бинфэн 2020].

Учитывая прочные позиции западных (английских, американских, канадских) и японских компаний в 1990-х годах на монгольском инвестиционном рынке, закрепившихся здесь на волне большой донорской помощи и популярности западных стандартов и ценностей, китайским компаниям в тот период с большим трудом приходилось пробиваться к новым монгольским проектам. Новое монгольское руководство, начиная с 2012–2013 гг., предпринимало серьезные усилия по регулированию инвестиционного потока за счет поощрения деятельности компаний из Северной Америки, Европы и Японии, которые стали рассматриваться в качестве приоритетных инвесторов. Для них создавались правовые и административно-бюрократические «зеленые коридоры» для входа в стратегические проекты. Попытки же таких китайских компаний, как China Aluminum, China Shenhua Energy, Petro China и др., ограничивались или пресекались на государственном уровне [Макаров, Макарова, Андреев 2020: 75, 77–83, 84].

Китайский исследователь Ван Вэйян, анализируя борьбу китайских компаний за месторождения Таван-Толгой и Оую-Толгой, отмечает, что, несмотря на то что компания China Shenhua Energy дважды в 2011 и 2014 гг. выигрывала тендеры, монгольское правительство пересматривало результаты, создавая «дискриминационные условия для Китая». Подобные явления эксперт объясняет «антикитайским сознанием большинства монгольского населения» и его правящих элит [Ван Вэйян 2017].

К 2010 г. в монгольском внешнеторговом обороте на Китай приходилось 42,2% монгольского экспорта и 25% импорта. Если в 1990 г. торговля между Монголией и КНР составляла всего 33,6 млн долл., то к 2014 г. она выросла

в 100 раз, увеличившись до 3,4 млрд долл. Монголия превратилась в крупнейшего поставщика в Китай каменного и бурого угля, удовлетворяющего до 6% энергетических потребностей страны. В 2010 г. в Китай было экспортировано 16,4 млн т угля и 3,5 млн т железной руды. Экспорт из Монголии в Китай включает сырую нефть, а также кожу, козий пух и другую животноводческую продукцию. Китай занимает первое место во внешнеторговом обороте Монголии, выйдя в 2021 г. на уровень товарооборота уже в 10 млрд долл. По итогам 2023 г. доля КНР в монгольской торговле составит около 72%[35]; стороны уже договорились к 2027 г. довести цифру двустороннего товарооборота до 20 млрд долл.

В течение 2014–2019 гг. Китай также занял лидирующие позиции среди иностранных инвесторов. Его доля в иностранном капитале в Монголии в 2018 г. составляла 51%. К 2017 г. в Монголии работало 5300 китайских компаний, инвестировавших в страну в совокупности 2,4 млрд долл. На льготные кредиты, предоставленные КНР в 2011 и 2015 гг. в размере 280 млн юаней, была осуществлена разведка и промышленная разработка цинка в аймаке Сухэ-Батор [Лузянин 2018б: 176, 218].

Монгольско-китайские отношения базируются на солидной правовой основе, составляющей более 100 действующих договоров и соглашений. В результате серии визитов монгольских руководителей в КНР и китайских в Монголию в период 1994–2021 гг. двусторонние отношения были подняты на качественно новый уровень стратегического партнерства.

Официальные презентации председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане сухопутного Экономического пояса Шелкового пути и в Джакарте морской версии Шелкового пути открыли новую глобальную эпоху «поясов и коридоров», вобравшую и российско-монгольское пространство. 24 июня 2016 г. в Ташкенте на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества президентом РФ Владимиром Путиным, председателем КНР Си Цзиньпином и президен-

[35] Товарооборот Монголии и Китая в 2023 г. составил 10 млрд долл. 16.08.2023. URL: https://babr24.com/?IDE=249700 (дата обращения: 01.02.2024).

том Монголии Ц. Элбэгдоржем была подписана «Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия». Рамочный документ обозначил сибирско-монгольский вектор на сопряжение Евразийского экономического союза, Экономического пояса Шелкового пути и монгольского «Степного пути», включая реализацию 32 проектов в области транспорта, электроэнергетики, таможенного регулирования и др. [Борисов, Дондоков, Намжилова 2017: 105–109, 115].

Во внутрикитайском плане просматривалось два субрегиональных варианта дальнейшего развития экономического коридора Россия – Монголия – Китай. Это «хэйлунцзянская модель», основанная на подключении ресурсов северо-восточной китайской пров. Хэйлунцзян к российско-монголо-китайскому треку. На региональном уровне в 2018 г. была разработана специальная программа – «Экономический пояс сухопутно-морского Шелкового пути провинции Хэйлунцзян», рассчитанная до 2025 г. и ориентированная на усиление железнодорожного транзита Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин – Маньчжоули – Транссиб [Ставров 2017: 39–41, 44].

Вторая, «цзилиньская», модель была создана в китайской пров. Цзилинь в 2018 г. как «План развития вдоль экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025)» Данный вариант нацелен на совмещение треугольника Россия – Монголия – Китай с преференциальной зоной р. Туманган, где географически стыкуются Россия, Китай и Северная Корея [План развития 2019].

В мае 2017 г. во время визита монгольского премьер-министра Ж. Эрдэнэбата в Китай было согласовано монголо-китайское сопряжение китайской программы ИПП с монгольским проектом «Степной путь». Был подписан 21 документ о монголо-китайской транспортной кооперации. При этом в ходе монголо-китайских переговоров первичное официальное название монгольской инициативы «Степной путь» было изменено на «Путь развития». Очевидно, что монгольская часть сопряжения встраивалась в китайскую долговременную стратегию [Лузянин 2021в: 150–151].

В апреле 2019 г. в ходе государственного визита монгольского президента Х. Баттулги в Китай программа сопряжения была расширена и уточнена. В частности, были проработаны варианты маршрута в 1200 км от Улан-Батора до китайского порта Тяньцзинь (через Внутреннюю Монголию) и 1400 км от г. Чойбалсан (Восточная Монголия) до китайского порта Далянь (через Внутреннюю Монголию и Маньчжурию).

В феврале 2020 г. Х. Баттулга еще раз посетил Китай. Кроме «пандемической повестки» – помощи КНР в предоставлении китайских лекарств и других медицинских услуг, – основной вопрос переговоров касался текущей монгольской задолженности Китаю по ранее предоставленным льготным кредитам в рамках реализации программы ИПП. Китай пошел навстречу Монголии, и 31 июля 2020 г. стороны продлили кредитное соглашение на три года, что частично спасло ее от дефолта, однако проблема задолженности сохранилась. В настоящее время в Монголии на льготные китайские кредиты реализуется 17 различных инфраструктурных проектов [Лузянин 2021в: 148–149].

Монгольская мотивация участия в трехстороннем «коридоре» формировалась на основе двух идей. Во-первых, она исходит из желания монгольских бизнес-элит, связанных с внешней торговлей, использовать возросшие в условиях монголо-китайского сопряжения транзитные возможности. Монголия, не имеющая выходов к морю, рассчитывает на дополнительные экспортные поступления за счет использования морских портов в Тяньцзине и Даляне [Ulagpan 2021]. Во-вторых, в Монголии наметилась смена акцентов относительно китайской угрозы. Если до «эпохи поясов и коридоров» существовал негласный межпартийный консенсус монгольских партий относительно экономических рисков влияния Китая в сфере торговли и инвестиций, то после 2013 г. среди экспертов и политиков страны все чаще звучит мысль о том, что формирующаяся трансграничная кооперация, в которой Монголии объективно принадлежит ключевая роль связующей территории, не создает таких системных рисков

и угроз от Китая, как его инвестиционное проникновение на стратегические месторождения. Монгольские эксперты ссылались на то, что китайские власти и бизнес стали уделять первостепенное внимание новым трансграничным коридорам, выделяя гигантские деньги на модернизацию и строительство дорог, аэропортов, пограничных переходов, мостов, тоннелей, что имеет в том числе и большой социальный эффект, обеспечивает работой местное население.

С другой стороны, многие монгольские ученые (Ц. Батбаяр, Ц. Батсайхан, Ш. Шурхуу и др.), наоборот, подчеркивают рост китайского вызова для экономики Монголии, поскольку в случае транспортного сопряжения китайские компании будут диверсифицировать свою политику за счет старых и новых инвестиционных направлений, включая горнодобычу и разведку минеральных залежей, как это уже происходит на пакистанском, киргизском, таджикском и других направлениях ИПП. Поэтому проблема поиска оптимального и безопасного для Монголии соотношения между угрозами и возможностями китайского участия остается чрезвычайно актуальной и долговременной [Лузянин 2021в: 147–149, 150–152].

При всех рисках и возможностях, запуск китайской инициативы обусловил создание и оформление качественно нового российско-монголо-китайского коридора, включая его транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие. Монголо-китайское и российско-монгольское звенья сопряжения являются органичной частью общей стратегической политики Китая в Евразии в рамках ИПП при полном сохранении двусторонней российско-монгольской и монголо-китайской специфики.

Влияние китайского фактора на российско-монгольский формат отношений объективно связано с известной экономической асимметрией потенциалов трех стран. Россия и Монголия пока не могут идти по пути максимальной экономической либерализации и открытости в отношениях с Китаем. При этом перспективной выглядит либерализация российско-монгольских хозяйственных секторов, включая формирование зоны свободной торговли между ЕАЭС и Монго-

лией, либо обновление и расширение «треугольника» в случае интеграции Монголии в ШОС в качестве постоянного члена.

Определенным вызовом, несмотря на нейтральную позицию Улан-Батора по украинскому вопросу, остается американский сценарий усиления военно-политического давления на Монголию с целью демонтирования стабильных трехсторонних связей страны с КНР и Россией.

4 августа 2023 г. в ходе визита премьер-министра Монголии Л. Оюун-Эрдэнэ в США состоялись его переговоры с американским госсекретарем Э. Блинкеном, встреча с вице-президентом К. Харрис и министром торговли Дж. Раймондо. Обсуждались вопросы расширения и укрепления отношений между двумя странами, была подписана дорожная карта стратегического партнерства по экономическому сотрудничеству между правительствами Монголии и США, Соглашение о воздушном сообщении между странами. Американские руководители делали акцент на необходимость диверсификации экономики Монголии, ее отхода от китайской и российской зависимости и развитии сотрудничества с западными компаниями в горнодобывающем секторе[36].

Сценарий разрушения структуры Россия – Монголия – Китай и переориентации Монголии на США маловероятен и по чисто географическим причинам, поскольку монгольская элита (независимо от партийной принадлежности), хотя и желает вести диалог с Вашингтоном на условиях широкой и глубокой диверсификации отношений, не готова пойти на подрыв сложившейся региональной стабильности, зависимой в первую очередь от северного и южного соседей, тем более разрушить стратегическое партнерство с РФ и КНР, приносящее большие экономические дивиденды. Географические и исторические факторы взаимодействия с ними имеют гораздо большее влияние на Монголию, чем активность США и их союзников, и оно в ближайшее время будет только возрастать.

[36] A Roadmap for Expanded Economic Partnership Between the United States of America and Mongolia. September 20, 2018. https://mn.usembassy.gov/2018-roadmap-for-expanded-economic-partnership/ (accessed: 01.02.2024).

Монгольское направление российского «поворота на Восток» имеет важное значение как для обеспечения безопасности дальневосточных рубежей нашей страны, так и для развития экономических проектов. Протяженная граница России с Монголией, роль страны как транзитного хаба для российско-китайских проектов, наконец наличие на территории страны ряда важных природных ресурсов – всё это создает важность Монголии как дружественного соседа России, ее стратегического партнера в Азии. Не последнюю роль играет и этническая, культурная близость Монголии с рядом народов России – как родственными монголам калмыками и бурятами, так и исповедующими буддизм ламаистского толка тувинцами. В условиях роста внимания российского государства к буддийской общине и буддийскому образованию связи с Монголией также имеют первостепенную роль, а культурная близость и исторический контекст создают связи, терять которые для России было бы совсем невыгодно. Россия и Монголия во многих отношениях больше, чем просто соседи, и сохранение определяющего влияния нашей страны в Монголии – стратегическая задача российского государства, его восточной политики.

ГЛАВА 3.
РОССИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

3.1. Россия – АСЕАН: резервы, перспективы и внешние факторы влияний (ИТР, ЕАЭС, КНР, США, ЕС)

Сегодняшние российские интересы в Юго-Восточной Азии обусловлены рядом региональных, военно-политических и экономических факторов.

1. Регион приобретает особую важность ввиду быстрого экономического роста целого ряда стран АСЕАН. Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд превращаются в мощных региональных игроков, и Россия заинтересована в развитии экономических отношений с ними и их соседями, в том числе в качестве противовеса усилению доли Китая в российской экономике и торговом балансе.
2. Регион Южно-Китайского моря быстро милитаризуется, что объясняется усилиями США по сдерживанию Китая и формированию новых проамериканских военно-политических и экономических союзов в Индо-Тихоокеанском регионе. На сегодня неясны перспективы развития ситуации как вокруг Тайваня, так и вокруг спорных архипелагов в Южно-Китайском море, претензии на которые заявили КНР и сразу несколько стран АСЕАН. Россия вряд ли может оставаться в стороне от развития международных отношений в данном регионе и заинтересована в сохранении военно-политической стабильности в Южно-Китайском море.

3. В АСЕАН намечается усиление разногласий между государствами-членами. Как и в АТР в целом, в объединении начинает сказываться рост уровня блокового противостояния между КНР и США. В частности, растет напряженность вокруг Мьянмы, занимающей прокитайскую позицию и испытывающей давление со стороны США и их союзников в регионе. В 2022 г. резко поменялся внешнеполитический курс Филиппин, и если при президенте Дутерте страна придерживалась прокитайской ориентации, то новый глава государства Маркос полностью встал на проамериканские позиции, что превращает Филиппины в самого вероятного кандидата на вступление в формализованный союз с США (см. ниже в разделе 3.2.3). Большой интерес вызывает позиция Вьетнама, установившего отношения стратегического партнерства как с КНР, так и с Японией и США, при этом китайско-вьетнамские отношения остаются весьма непростыми [Бабаев 2023в]. С точки зрения политики в отношении России страны АСЕАН также разделены: Сингапур ввел ограничения против российской экономики, другие страны объединения за ним не последовали. Россия заинтересована в сохранении единства АСЕАН как экономического объединения и выступает против любых попыток раскола сообщества стран Юго-Восточной Азии.

Эти и некоторые другие факторы делают АСЕАН чрезвычайно важным направлением внешней политики и внешнеэкономической деятельности России на современном этапе.

Сотрудничество формата Россия – АСЕАН было запущено в июле 1991 г. в ходе встречи на министерском уровне представителей России и стран объединения. Полномасштабным партнером АСЕАН по диалогу Россия стала в июле 1996 г. на 29-м Совещании министров стран АСЕАН в Джакарте. 29 ноября 2004 г. состоялось присоединение России к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Вос-

точной Азии, подписанному в 1976 г. Данный документ регламентировал ключевые аспекты региональной кооперации. 13 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит Россия – АСЕАН, положивший начало диалоговому формату [Диалог Россия – АСЕАН 2017].

Саммит 2016 г. Россия – АСЕАН в Сочи принял декларацию «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» и комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и АСЕАН на 2016–2020 гг.

В ноябре 2018 г. диалоговое взаимодействие вышло на уровень стратегического партнерства Россия – АСЕАН, был сформирован ряд функциональных органов: Совместный комитет сотрудничества, Совместный планово-распорядительный комитет, Финансовый фонд диалогового партнерства и др. Повышение статуса было связано не с экономическими факторами, а в основном с региональными политическими и военно-техническими интересами «десятки» АСЕАН. Развивая сотрудничество с Россией, Ассоциация расширяла спектр глобального взаимодействия, подключая к своей сети партнеров крупнейшую евразийскую державу, постоянного члена СБ ООН. Многие страны «десятки» (Вьетнам, Индонезия, Малайзия) обращались к России как к основному источнику вооружений и военных технологий. В последние десятилетия перед украинским конфликтом Россия смогла существенно нарастить поставки вооружений в регион, выйдя на первое место среди партнеров стран АСЕАН: в 2019 г. 26% от всех военных поставок в ЮВА приходилось на Россию (11 млрд долл.), которая обгоняла США (20%) [«Азиатский поворот» 2022: 105–117, 126]. К 2019 г. Россия оттеснила США с оружейных рынков в Таиланде и на Филиппинах. Российское участие касалось также продвижения оборонной дипломатии, кооперации в сферах военной медицины, совместных антипиратских морских военных учений. В 2021 г. в морской акватории прибрежных вод Индонезии состоялись совместные военно-морские учения РФ и стран АСЕАН. Активно проявляла себя Россия и в рамках ежегодного совещания глав оборонных ведомств стран АСЕАН

и диалоговых партнеров (СМОА+), созданного в 2010 г. по инициативе Вьетнама.

Торговый оборот России и АСЕАН с 2007 по 2014 г. увеличился в четыре раза, с 5,3 млрд до 22,5 млрд долл. В дальнейшем товарооборот пошел на спад, составив в 2015 г. 14,8 млрд долл., в 2016 г. – 14,5 млрд, в 2017 г. – 15,6 млрд, в 2018 г. – 20 млрд, в 2019 г. – 18,1 млрд, в 2020 г. – 14,9 млрд долл. [«Азиатский поворот» 2022: 115]. Однако новый ренессанс торговли начался в 2021 г., когда оборот превысил 19 млрд долл., и хотя этот показатель снизился в 2022 г., но по итогам 2023 г. стороны намерены достичь планки в 20 млрд долл.[1]. В 2022 г. российский экспорт в страны АСЕАН достиг наивысшего показателя за четыре года, а объем взаимных инвестиций между нашими странами за последние пять лет увеличился в три раза[2].

Политически сотрудничество между Россией и АСЕАН базируется на общей философии видения полицентричного мира, близких региональных подходах, принципах невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Идея Владимира Путина о формировании партнерской оси ЕАЭС – ШОС – АСЕАН как взаимовыгодном варианте институционализации Большого Евразийского партнерства, озвученная на сочинском форуме Россия – АСЕАН в 2016 г., была умеренно позитивно воспринята властями стран ЮВА, поскольку подчеркивала инклюзивный и равный характер предложенной структуры[3].

Конфликт на Украине скорректировал подходы отдельных государств АСЕАН к России. В заявлении от 3 марта

[1] Минэкономразвития рассчитывает, что товарооборот между РФ и странами АСЕАН превысит 20 млрд долл. в 2023 г. 11.09.2023. URL: https://rg.ru/2023/09/11/minekonomrazvitiia-rasschityvaet-chto-tovarooborot-mezhdu-rf-i-stranami-asean-prevysit-20-mlrd-v-2023-godu.html (дата обращения: 01.02.2024).

[2] Минэкономразвития: В 2022 году российский экспорт в страны АСЕАН достиг наивысшего показателя за 4 года. 17.07.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_2022_godu_rossiyskiy_eksport_v_strany_asean_dostig_naivysshego_pokazatelya_za_4_goda.html (дата обращения: 01.02.2024).

[3] Саммит Россия–АСЕАН. 2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51953 (дата обращения: 20.12.2023).

2022 г. министры иностранных дел Ассоциации обозначили свою озабоченность военными действиями и ухудшением гуманитарной ситуации на Украине, призвав стороны к прекращению огня. Единственным государством АСЕАН, занявшим открыто антироссийскую позицию и присоединившимся к первоначальным западным санкциям, стал Сингапур, включенный Россией в список недружественных стран. Неофициальное объяснение должностных лиц сингапурского посольства в Москве состояло в том, что неприятие Сингапуром российских действий на Украине исходит из не до конца урегулированных территориальных вопросов с Малайзией. При этом заявление Сингапура о введении санкций в отношении своего стратегического партнера России было воспринято в Ассоциации неоднозначно. В ответ на отказ ряда логистических компаний Сингапура работать с российскими грузами Россия в 2022 г. приостановила экспорт удобрений в страны АСЕАН.

Близкими к сингапурской реакции были высказывания филиппинских представителей на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 февраля 2022 г. Реакция Индонезии, Таиланда, Малайзии, Брунея на официальном и общественном уровнях была более сдержанной и сбалансированной, без агрессивных антироссийских выпадов. Военное руководство Мьянмы открыто поддержало Россию, ссылаясь на необходимость для российского государства отстаивать безопасность и суверенитет на своих западных границах, упреждая расширение НАТО на восток. Лаос и Вьетнам воздержались от голосования по резолюции Генассамблеи ООН, осуждающей действия России на Украине [Королев 2022].

В условиях изменения подхода США к региональной конфигурации восточноазиатского пространства, когда вместо Азиатско-Тихоокеанского региона, в центре которого находится десятка стран АСЕАН, активно продвигается японская по происхождению концепция «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), Россия заняла по отношении к новой доктрине негативную позицию. При этом концепция ИТР явно будет обретать новые очертания: четырехсторон-

ний проект «США – Индия – Япония – Австралия» (QUAD) рассчитан в перспективе на военно-политическую институционализацию ИТР, его расширение и пополнение новыми участниками [Бабаев 2023а].

Сегодня каждый из участников QUAD по-своему видит контуры и содержание норм безопасности в Азии, включая роль АСЕАН. Единственным реальным мотивом, объединяющим всех четырех участников объединения, был и остается антикитайский: желание сдержать развитие и рост влияния КНР за счет раскрутки иной, альтернативной ей «индо-тихоокеанской» стратегии [Канаев 2020: 126–129, 131, 133].

В ноябре 2017 г., после презентации на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) американской концепции ИТР, в декабре того же года она нашла отражение в Стратегии национальной безопасности США, где было расширено концептуальное объяснение борьбы «свободного мира» с «авторитарными режимами». Выяснилось, что, кроме заявленных амбиций в сфере безопасности, у концепции отсутствует объединяющая экономическая и регионально-интеграционная платформа. По сути, ни к проектам АСЕАН+3, ни к АТЭС, ни к Транстихоокеанскому партнерству или Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) QUAD отношения не имеет. Желание реально финансировать и серьезно вкладываться в развитие региона, включая ЮВА, в проекте QUAD пока не просматривается.

Официально Ассоциация озвучила свое отношение к концепции ИТР в июне 2019 г. в рамках документа «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион», и отношение это весьма сдержанное. Было подчеркнуто, что АСЕАН географически соединяют два океана – Индийский и Тихий, что это позволяет говорить о возможностях межрегиональной интеграции ИТР и АТР. При этом в институциональном плане приоритет в документе был отдан структурам АСЕАН: АРФ (Региональный форум АСЕАН по безопасности), ВАС (Восточноазиатский саммит), АСЕАН+1 (отношения с Китаем) и др. [Национальные и международные стратегии 2020].

Традиционно Ассоциация старалась дистанцироваться от китайско-американских, китайско-японских, китайско-индийских или китайско-австралийских разногласий. Как следствие, американоцентричная концепция ИТР в АСЕАН не приветствуется, так как, вне зависимости от уровня отношений того или иного государства Ассоциации с КНР, принципиально важным для объединения является сохранение внешних балансов и компромиссов без доминирования одного или группы государств, на основе приоритетов сбалансированного развития всех доктрин и институтов.

В этих условиях российский вектор диалогового и стратегического партнерства, несмотря на невысокую пока экономико-технологическую и инвестиционную составляющую, выглядит для АСЕАН политически необходимым и целесообразным как отражение доктринального плюрализма организации.

Процесс российского «поворота на Восток», особенно после 2014 г., ускорил запуск интеграционных проектов ЕАЭС, включая сопряжение с проектами АСЕАН. Между ЕАЭС и АСЕАН усилилось обоюдное желание создания преференциальных площадок для формирования новых межрегиональных стыковок. Для АСЕАН это важный шаг географической диверсификации Ассоциации, выхода ее на уровень Большого Евразийского партнерства. Для стран ЕАЭС, ключевым драйвером которого остается Россия, окно взаимодействия со странами ЮВА стало дополнительным ресурсом развития экономических отношений. С 2015 г. в странах Центральной Азии прослеживалась усиливающаяся мотивация по закреплению на рынках Юго-Восточной Азии и ослаблению зависимости от однонаправленного китайского вектора. Одновременно опыт АСЕАН представлялся ценным в плане его проекции на межрегиональные евразийские связи, возможности снижения тарифных барьеров, устранение нетарифных ограничений, развитие электронной торговли и пр. [Канаев, Королев 2020: 65–69, 70].

Специфика сближения ЕАЭС и Ассоциации в тот период была также связана с налаживанием на преференци-

альной основе взаимодействия с конкретными странами АСЕАН. Так, в мае 2015 г. было заключено первое преференциальное соглашение ЕАЭС о создании зоны свободной торговли с Вьетнамом, что стало позитивным прецедентом реализации нового направления межрегиональной кооперации.

Сотрудничество с Вьетнамом дало эффект увеличения объема двусторонней торговли за два года в полтора раза, составив к 2018 г. 6,7 млрд долл.; стала просматриваться тенденция на диверсификацию евразийского экспорта в СРВ, включая поставки ЕАЭС недрагоценных металлов, продукции растительного происхождения и каменного угля [Вьетнам 2022].

Успех вьетнамского проекта ЕАЭС был обусловлен тремя причинами:

1) между импортными товарами, производимыми в странах ЕАЭС, и их аналогами во Вьетнаме не было конкуренции;
2) незначительные объемы торговли не могли негативно влиять на экономики подписантов в случае неудачного развития проекта;
3) Россия была заинтересована в скорейшем подписании соглашения о зоне свободной торговли для усиления политического эффекта и перспективности созданного евразийского интеграционного объединения [Колдунова 2020].

Одновременно на уровне профильных комиссий ЕАЭС и Ассоциации происходила корректировка работы и технологическая кооперация. В ноябре 2018 г. в Сингапуре на полях саммита Россия – АСЕАН между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом АСЕАН было подписан Меморандум о взаимопонимании [Канаев, Королев 2020: 65–69].

Ключевой задачей ЕАЭС в сотрудничестве с АСЕАН остается расширение страновых интеграционных проектов.

Можно выделить три объективных препятствия, пока существующих для ее реализации в настоящее время.

1. Компании ЕАЭС еще не вовлечены в производственно-сбытовые цепочки восточноазиатских рынков, а в ЮВА практически не знакомы с номенклатурой товаров ЕАЭС, нет соответствующих сетей их распространения, нет и стратегических партнеров, которые бы на первом этапе могли обеспечить успех их продвижения и успешного ведения бизнеса.
2. ЕАЭС не входит в механизмы многостороннего регионального сотрудничества АСЕАН+3 (Япония, Китай, Южная Корея), ВРЭП и др. Все эти проекты развиваются на преференциальной основе, имея сеть зон свободной торговли, обеспечивающих выгодные условия выхода товаров АСЕАН на рынки третьих стран. В ЕАЭС процесс создания таких зон с отдельными странами АСЕАН только начинается, что оставляет Союз за рамками больших региональных интеграционных проектов.
3. Бизнес ЕАЭС пока не использует цифровые ресурсы китайских и западных мегаплатформ, что сказывается на быстроте и эффективности продвижения бизнеса в АСЕАН [Канаев, Королев 2020: 65–70].

Ключевым фактором, влияющим на развитие отношений между Россией и АСЕАН, становится КНР. Китайская стратегическая повестка в регионе определяется:

1) необходимостью повышения влияния Китая и вытеснения США и их союзников из ЮВА, превращение региона в китайское «ближнее зарубежье»;
2) необходимостью реализации ИПП через активную инфраструктурную политику как в многосторонних, так и двусторонних форматах;
3) укреплением позиций КНР через наращивание технологической, финансовой помощи, инвестиционного

сотрудничества, создание индустриальных, технологических парков (на китайских условиях), реализацию больших проектов в странах объединения.

Как известно, Китай был одним из первых, кто инициировал создание с АСЕАН зоны свободной торговли, которая стала действовать с 2010 г., упразднив тарифы до 65% по 8,5 тыс. товарных позиций. На саммите КНР – АСЕАН в 2013 г. Пекин предложил для более эффективной интеграции новую модель «2+7», в которой «двойка» – это кооперация в политике и экономике, а «семь» – конкретные направления сотрудничества по отраслям и видам бизнеса. Сегодня АСЕАН как единый рынок является крупнейшим торговым партнером КНР.

С ноября 2014 г. КНР ежегодно стала предоставлять кредиты странам АСЕАН на целевые инфраструктурные проекты в рамках ИПП. В 2014 г. было выделено 3 млрд долл., в 2015 г. – уже 10 млрд, в 2016 г. – 11,5 млрд долл. Соглашение об этом позволило начать масштабные кредитные и инвестиционные вливания в страны АСЕАН, одновременно стимулируя и двустороннюю торговлю. С 1991 г. по 2016 г. она увеличилась с 8 млрд до 427,2 млрд долл., были созданы 26 экономических зон с участием 300 китайских компаний. За пять лет с 2011 по 2016 г. Китай сделал в страны АСЕАН инвестиций на 35 млрд долл. [Модель развития 2019: 611–612]. Только в рамках ИПП инвестиции Китая в страны АСЕАН ежегодно составляют от 10 млрд до 28 млрд долл.[4]

Китайские ученые разработали методику определения наиболее важных «стратегических точек опоры» для Китая, включая экономические, военно-морские, географические и ресурсные возможности. На примере сопредельных стран Юго-Восточной Азии, анализируя наиболее выгодные варианты прохождения Морского Шелкового пути, они определили следующий оптимальный логистический маршрут

[4] ASEAN to stay priority for China's BRI investment despite slowdown. 21.09.2023. URL: https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/ASEAN-to-stay-priority-for-China-s-BRI-investment-despite-slowdown (accessed: 01.02.2024).

с выходом китайских товаров в Индийский океан и далее в Европу: Фучжоу (КНР) – Гуанчжоу (КНР) – Хайкоу (КНР) – Бэйхай (КНР) – Ханой (Вьетнам) – Куала-Лумпур (Малайзия) – Джакарта (Индонезия) – Коломбо (Шри Ланка) – Найроби (Кения) – Афины (Греция) – Венеция (Италия). В Юго-Восточной Азии были выделены пять ключевых «стратегических точек опоры»: Вьетнам, Малайзия, Камбоджа, Мьянма и Индонезия – и составлены сравнительные характеристики портовой инфраструктуры, логистики и пр. [Ван Юнхуэй 2016; Чжан Вэньму 2015].

При этом в качестве одного из методов привязки «стратегических точек» китайские эксперты называли необходимость усиления «экономической асимметричности» между Китаем и интересующими Пекин странами АСЕАН. Отмечалось, что в складывающейся асимметричности формируется взаимозависимость, которая отвечает национальным интересам Китая и одновременно интересам стран – партнеров КНР, что готовность к сотрудничеству малых стран является гарантом защиты от конфронтации с этими государствами.

Из этого был сделан вывод о том, Китай должен продвигать и укреплять асимметричную экономическую взаимозависимость, включая четыре основных направления:

1. Усиление технологической и финансовой мощи Китая, инвестиционного сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии в реализации в первую очередь инфраструктурных проектов – строительства автомобильных и железных дорог, морских портов.
2. Активное развитие индустриальных и технологических парков со странами Юго-Восточной Азии и формирование привлекательной и взаимовыгодной модели Китай – АСЕАН, в которой бы доминировал китайский капитал и технологии, ускоряющие промышленное развитие в опорных, стратегически важных для КНР странах региона.
3. Продвижение финансового сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии с целью углубления

интернационализации юаня и увеличения расчетов в национальных валютах, включая разработку пилотного проекта расчетов в юанях и в перспективе превращения китайской валюты в основную международную расчетную единицу в регионе.

4. Продвижение в регионе политики предоставления некоммерческой экономической помощи, льготных кредитов через активизацию Фонда Шелкового пути, усиление мотивации малых стран ЮВА в плане дальнейшего сотрудничества с Китаем в рамках проекта Морского Шелкового пути и реализации концепции «Сообщества единой судьбы человечества» для Юго-Восточной Азии, включая «мягкую силу» Китая и ресурсы публичной дипломатии [Ван Юнхуэй 2016].

Важным на начальном этапе продвижения Морского Шелкового пути в ЮВА в 2015–2016 гг. стала разработка специальных страновых и региональных моделей на основе 12 основных и 122 вторичных социально-экономических индексов развития Малайзии, Таиланда, Камбоджи, Мьянмы и др., а также инвестиционных рисков в этих странах. Китайские эксперты еще до активной реализации инфраструктурных проектов создали подробную статистическую и информационную «матрицу», содержавшую весь спектр будущих экономических и военно-политических объектов, различные варианты реализации китайской программы ИПП на пространстве ЮВА [Чэнь Вэйгуан, Ван Янь 2016; Чу Инь, Гао Юань 2015; Кун Цинфэн, Дун Хунвэй 2015].

Одним из центральных инфраструктурных проектов Китая стало создание зоны экономического роста «Большой Меконг», в том числе через подключение в 2015 г. к зоне свободной торговли Китай – АСЕАН Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы. В марте 2016 г. КНР, объединив Таиланд, Камбоджу, Лаос, Мьянму и Вьетнам в рамках проекта «Ланчанг – Меконг», начала его масштабное инфраструктурное развитие.

В тот период ни в китайском руководстве, ни в АСЕАН не было ясности с источниками финансирования проекта.

По оценкам Азиатского банка развития, совокупные расходы АСЕАН на развитие инфраструктуры на период 2010–2020 гг. оценивались в пределах 1 трлн долл., в то время как собственные финансовые возможности Ассоциации покрывали сумму только в 300 млн долл. в год [Канаев 2019: 22–25, 27–29].

При этом страны АСЕАН не без основания полагали, что недостающую финансовую часть покроют Япония и Южная Корея, которые не только экономически, но и политически были готовы компенсировать своим активным участием рост влияния Китая в инфраструктурных проектах региона. Однако радикального расширения и диверсификации внешних инвестиций за счет этих государств после 2016 г. не произошло. Ожидания АСЕАН о формировании уравновешенной инвестиционной структуры не оправдались: Китай сумел полностью закрыть своими инвестициями всю деловую повестку проекта «Большого Меконга».

Страновые акценты в регионе Пекин расставлял, используя инвестиционные программы по модернизации старых и строительству новых инфраструктурных объектов. Одним из первых приоритетов стала Индонезия – крупнейшее государство в регионе, где в 2013 г. был дан официальный старт проекта «Морского Шелкового пути». В 2015 г. Китай обещал Индонезии около 50 млрд долл. вложений в морские порты и дороги, которые теоретически могли бы вывести страну на уровень мощной морской державы. Цели Пекина и Джакарты в начальный период реализации ИПП с 2013 по 2019 г. в целом совпадали. Однако в период пандемии и после нее Индонезия сместила акценты с китайской на многостороннюю кооперацию с Японией, Южной Кореей, США и ЕС, уравновешивая чрезмерно возросшее китайское экономическое влияние.

Малайзия также на начальном этапе поддержала ИПП, дав добро на модернизацию китайскими компаниями порта Куантан, создание ряда индустриальных и морских промышленных парков, строительство участка скоростной железной дороги Малайзия – Сингапур, входящей в масштабный транспортный коридор Куньмин – Сингапур, и др.

В течение 2015–2017 гг. были подписаны транспортные соглашения КНР с Лаосом, Таиландом и Вьетнамом, в основном на условиях китайского инвестирования и технологического обеспечения. Максимальное китайское участие допустила Камбоджа, которая в октябре 2016 г. подписала с КНР 31 соглашение в сфере инфраструктуры, финансов, технологий, морского судоходства, налоговой сферы, торговли и пр., всего на сумму 237 млн долл. [Модель развития 2019: 619–621]. Схожим курсом на интенсивное сотрудничество с КНР пошла Мьянма.

Таким образом, взаимоотношения со странами АСЕАН были инкорпорированы Пекином в процесс вовлечения их в проект ИПП. При этом морская часть китайской инициативы, в отличие от континентальной, для Китая складывалась сложнее в плане реализации. Основная причина – продолжающиеся территориальные споры в Южно-Китайском море, обострение проблем региональной морской безопасности в Тайваньском и Малаккском проливах, усиление военно-морского противостояния держав в тихоокеанских акваториях.

Споры из-за Парасельских островов и островов Спратли, как известно, уже не первое десятилетие ведут Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней, Тайвань и Индонезия. При этом периодически в Южно-Китайском море происходят стычки и столкновения между силами КНР и ее соседей. Так, в апреле 2012 г. произошел конфликт Китая с Филиппинами в лагуне Скарборо, находящейся (по филиппинской версии) в исключительной экономической зоне Филиппин в 130 км от берега о. Лусон. В результате Китай практически аннексировал лагуну – традиционное место промысла филиппинских рыбаков. На встрече министров иностранных дел АСЕАН в Пномпене в августе 2012 г. Филиппины призвали осудить действия Китая. Однако Камбоджа, председательствовавшая тогда в АСЕАН, воспротивилась этому. Впервые за 45 лет страны АСЕАН не смогли принять совместное коммюнике из-за различия их позиции по отношению к Китаю. В 2015 г. спор вовлек не только соседние государства ЮВА, но и США, Японию, Индию и всю

группу ведущих западных держав G7. Обострение было вызвано строительством Китаем искусственных островов на базе коралловых рифов в архипелаге Спратли, контроль над которыми он заполучил в конце прошлого века. Возникло опасение, что Китай использует их для включения в зону обязательного воздушного опознавания, как это было в 2013 г. в Восточно-Китайском море, что коренным образом меняло бы баланс сил в регионе.

Летом 2016 г. Филиппины выиграли процесс против Китая в Международном арбитражном суде по морскому праву в Гааге, который отверг аргументы об особых исторических правах Китая на спорные архипелаги в Южно-Китайском море. На XXXI саммите АСЕАН в ноябре 2017 г. в Маниле Китай согласился на договоренность о рамочном проекте «Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море» и начале переговоров по его статьям. При этом в докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин назвал эти действия Китая «обустройством нескольких скал в Южно-Китайском море», которому некоторые страны придают необоснованное, повышенное внимание[5]. Этот вопрос был рассмотрен на съезде в разделе внутренней экономической политики.

В 2018–2019 гг. с новой силой вспыхнул китайско-вьетнамский спор из-за принадлежности Парасельских островов, осложненный наличием на морском архипелаге углеводородных залежей, разрабатываемых вьетнамскими компаниями. Между судами двух стран произошли стычки, приведшие к антикитайским волнениям во Вьетнаме.

Период 2020–2023 гг. стал очередной фазой эскалации в Южно-Китайском море. Сложился целый пласт исторических, международно-правовых, военно-политических и дипломатических аргументов участников споров, которые не стыкуются между собой. Новости об активности участников спора в Южно-Китайском море появляются едва ли не

[5] Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, 3 ноября 2017 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm (дата обращения: 17.08.2022).

каждый месяц. КНР строит аэродромы, навигационные буи, другие военные объекты, Филиппины разворачивают военную базу на одном из спорных островов, стороны постоянно обмениваются воинственными заявлениями. Периодически происходят столкновения судов. Сегодня для того, чтобы эта проблема вышла из стадии стагнации, сторонам необходимо заключить отдельный, международный договор о разграничении морских пространств в Южно-Китайском море, в котором бы были прописаны три механизма:

1) проведение делимитации границ на спорных участках;
2) определение обязанностей каждой из сторон по установлению линий разграничений;
3) закрепление механизмов рыболовства и эксплуатации месторождений углеводородов [Королев, Стрельникова 2021: 53–57, 59, 63].

Однако многосторонний механизм решения территориальных споров не может быть запущен, пока Китай отказывается в нем участвовать, предпочитая двусторонние переговорные механизмы.

Ключевой вопрос для экспертов и политиков связан с проблемой дифференциации стран АСЕАН на противников и сторонников Китая. К оппонентам Китая, помимо явно проамериканских Филиппин, можно отнести Вьетнам, озабоченный островными спорами с северным соседом и взаимными историческими проблемами; в меньшей степени Малайзию, желающую пересмотреть некоторые, на ее взгляд, кабальные китайско-малайзийские соглашения. Сегодня антикитайское позиционирование указанных стран не происходит открыто, но оно существует и влияет на сроки и качество реализации китайских проектов в ЮВА. В случае дальнейших односторонних действий КНР в Южно-Китайском море либо обострения ситуации вокруг Тайваня и попытки Китая решить тайваньскую проблему силовым путем, указанные страны наверняка займут антикитайскую позицию и пойдут на сближение с США, опасаясь силовых акций Пекина в отношении их собственных интересов.

С другой стороны, Мьянма, Камбоджа и Лаос занимают весьма дружественную позицию в отношении политики Китая в регионе, являясь финансовыми реципиентами Пекина в рамках ИПП и двусторонних проектов.

На КНР в регионе работает мощная поддержка китайских диаспор *хуацяо* в странах АСЕАН, которые составляют более 25 млн человек, включая Индонезию – 7,3 млн, Таиланд – 5,7 млн человек (10% населения) и т.д. Используя финансовые рычаги, зарубежные китайцы часто лоббируют нужные Пекину политические решения либо сглаживают антикитайские настроения среди населения и правящих элит в странах проживания [Афонасьева 2013].

С 1997 г. начал работу диалог в формате АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), с 2005 г. – АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия), который позже стал основой Восточноазиатского саммита, куда в 2010 г. в качестве полноценных участников пригласили Россию и США.

Россия в глазах стран АСЕАН пока занимает несравнимое с Китаем место. Объем торговых, финансовых и иных экономических отношений с ней существенно меньше и вряд ли сможет в ближайшее время сильно вырасти. При этом Россия воспринимается в АСЕАН в целом более позитивно, чем Китай, к ней не испытывают страха поглощения, напротив, отношение в большинстве стран объединения очень уважительное и конструктивное. Это позволит Москве играть серьезную роль в различного рода политических процессах в регионе. Треугольник Россия – КНР – АСЕАН имеет весьма неплохие перспективы развития именно благодаря особой близости России с Китаем и ровным позитивным отношениям между Россией и странами Юго-Восточной Азии.

Целями стран Европы в регионе ЮВА можно признать следующие:

а) идеологическое признание европейских ценностей, включая рекламу европейского интеграционного опыта создания наднациональных институтов, внедрение западных нарративов [EURAXESS initiative 2023];

б) развитие торгово-экономического, технологического и инвестиционного сотрудничества через диалоговое партнерство АСЕАН – ЕС;
в) позиционирование ЕС как третьей, нейтральной силы в китайско-американской конкуренции в регионе [Aviation: Landmark EU–ASEAN 2022].

Диалоговое партнерство АСЕАН – ЕС, оформившееся еще в 1980 г. и преобразованное Бангкокской декларацией ЕС – АСЕАН 2016 г. в отношения глобального партнерства и стратегического взаимодействия, к 2019 г. по торгово-экономическим показателям вышло на третье место в числе торговых отношений АСЕАН – после Китая и США. Объем финансовой помощи Евросоюза на поддержку региональной интеграции АСЕАН в 2014–2020 гг. составил 170 млн долл. [Колдунова 2020].

Позиция «вечного нейтралитета» и традиционное дистанцирование АСЕАН от политических конфликтов создавали в глазах политических элит Ассоциации образ ЕС как некоего политического противовеса США и Китаю, взаимоотношения с которым позволят АСЕАН не втягиваться в китайско-американские противоречия, сохраняя равноудаленность от обеих сверхдержав в АТР. В элитах АСЕАН до какого-то времени сохранялось понимание, что ЕС – эта третья сила, которая объективно находится между противоборствующими США и Китаем, что именно она способна обеспечить политические переговорные мосты в условиях структурной перестройки международных отношений. Одновременно продвинутый европейский опыт интеграции и создания наднациональных институтов воспринимался в Юго-Восточной Азии не только политически позитивно, но и как образец для изучения и использования при адаптации под азиатскую интеграционную практику.

Дальнейшие события в международных отношениях поставили под сомнение представление сторонников европейских ценностей в странах АСЕАН о том, что ресурсы и практики ЕС являются руководством к поддержанию и

сохранению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Усиление давления США на Евросоюз, особенно после прихода Дж. Байдена в Белый дом, продемонстрировали странам Юго-Восточной Азии эффекты полного подчинения Брюсселя Вашингтону в сферах безопасности, энергетики, экологии. После возникновения украинского кризиса процесс разрушения образа ЕС как независимой третьей силы в глазах элит стран АСЕАН ускорился.

Российский фактор в отношениях ЕС – АСЕАН до 24 февраля 2022 г. существовал, с одной стороны, как часть межрегиональных евразийских процессов в системе ЕАЭС – АСЕАН [Колдунова 2022], а с другой – как важный транзитный компонент реализации трансконтинентального сообщения Европа – Россия – Восточная Азия. Сегодня эти факторы потеряли значимость. В настоящее время для России просматриваются новые перспективные направления транспортного сообщения в рамках коридора Запад – Восток, в том числе взаимодействие с новыми международными сухопутно-морскими торговыми коридорами КНР – АСЕАН [Бабаев, Сазонов 2022].

Большое влияние на отношения России с АСЕАН оказывает американский фактор. Формат диалогового партнерства США и АСЕАН был установлен в 1977 г., в 2016 г. он был преобразован в стратегическое партнерство. В период нахождения у власти в США президента Б. Обамы, когда Америка провозгласила стратегию «возвращения в Азию», отношения США с АСЕАН как на уровне связей с самой Ассоциацией, так и на двустороннем уровне с ее членами, вышли на небывало высокий уровень.

Основными целями США в регионе ЮВА являются:

1) военно-стратегическое, экономическое и технологическое сдерживание Китая, для чего развернута программа модернизации старых и создания новых военных объектов, создаются новые военно-политические двусторонние и многосторонние альянсы;
2) необходимость контроля над морскими коридорами между Индийским и Тихим океанами, включая Зонд-

ский и Малаккский проливы, который в случае конфликта в регионе обеспечит снабжение азиатских союзников США необходимыми ресурсами и позволит быстро перекрыть морские поставки в Китай;
3) использование стран ЮВА как источников сырья и рынков сбыта американских товаров и услуг, как зоны для переноса из Китая производственных мощностей американских компаний (например, проект "International Development Finance Cooperation", 2018);
4) поставки оружия и услуг безопасности странам ЮВА, вытеснение России с лидирующих позиций на рынке вооружений.

Помимо вышеуказанного, одним из краеугольных камней американской стратегии в акватории Южно-Китайского моря была защита принципов свободы судоходства, описанная в американской программе "Freedom of Navigation" (FON). Программа оспаривает любые притязания прибрежных государств, включая Китай и государства АСЕАН, на пространства Южно-Китайского моря, априори квалифицируя их как попытки «монополизировать стратегические маршруты». Как известно, программа FON породила целую эпоху потенциальных и реальных конфликтов как в годы холодной войны, так и в более поздние периоды. В настоящее время она сконцентрирована на Южно-Китайском море, где китайские требования и морские права других заинтересованных государств пропускаются через американские правовые и политические стандарты и видение США делимитации и разграничения в спорных участках [Гудев 2019: 57–59, 63, 69].

Американской версии понимания свободы судоходства противостоит китайская, получившая развитие в многочисленных публикациях в КНР. Китайские исследователи отмечают, что американская доктрина свободы судоходства в Южно-Китайском море на самом деле является лишь риторикой, продвигаемой Соединенными Штатами для сдерживания мирного подъема Китая. Курс США и ряда стран

АСЕАН, в том числе Вьетнама, на интернационализацию территориального спора с КНР и введение экстерриториальных сил в спорные участки Южно-Китайского моря, по мнению китайских исследователей, направлен лишь на извлечение экономической выгоды. Китайские эксперты выделяют американо-вьетнамский и американо-филиппинский двусторонние треки, в рамках которых Вашингтон пытается решить «островной вопрос» исключительно в своих интересах. При этом, как подчеркивают авторы, складывающаяся конфликтная ситуация в Южно-Китайском море и американская политика в регионе призваны подорвать китайское видение системы безопасности в Южно-Китайском море [Фэн Лян, Ду Бо 2016].

В эпоху Д. Трампа американский энтузиазм в отношении урегулирования проблем Юго-Восточной Азии несколько снизился. Отношения США со странами АСЕАН отошли на второй план, центр внимания Вашингтона был сконцентрирован в тот период на торгово-экономическом противодействии Пекину [Колдунова 2020].

После возвращения демократов в Белый дом в 2021 г. политика США в отношении АСЕАН вновь активизируется. Чувствительным пунктом в повестке США в регионе стала Мьянма. США и другие страны Запада стали оказывать на АСЕАН давление с требованием проведения Ассоциацией жестких мер против вновь пришедших к власти в Мьянме военных. Однако среди членов АСЕАН не было единства по этому вопросу. Бруней, Камбоджа, Таиланд, придерживаясь традиционной политики невмешательства, отвергали возможность какого-либо воздействия на Мьянму. С другой стороны, Индонезия, Малайзия и Филиппины заявляли о стремлении наказать военную хунту и выступали за проведение коллективных решительных действий. В итоге была принята компромиссная резолюция «Консенсус из пяти пунктов», в которой содержалось намерение «уладить конфликт», но без радикального вмешательства, что вызвало раздражение Вашингтона. Единого подхода по урегулированию кризиса в Мьянме страны АСЕАН выработать не смогли, ограни-

чившись отказом от приглашений как ее властей, так и оппозиции на официальные саммиты и мероприятия АСЕАН [Фомичева 2021: 38, 41–43, 49–50].

На саммите США – АСЕАН 15–17 мая 2021 г. президент США Дж. Байден предложил государствам объединения определиться в отношении новых американских инициатив – проектов QUAD и AUKUS, вызвав поляризацию мнений в АСЕАН. Индонезия, Малайзия и Вьетнам заявили о своей обеспокоенности тем, что трехсторонний альянс AUKUS может спровоцировать «другие силы» к более агрессивным действиям в Южно-Китайском море. Сингапур и Филиппины, напротив, заявляли о том, что новое соглашение может сбалансировать растущее влияние Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, фактически поддержав его [Мосяков 2021б: 7–9, 12–15, 16].

Таким образом, США играют деструктивную роль в отношении единства АСЕАН, фактически подрывая его: общей позиции по новым американским инициативам пока не просматривается. В этой связи Вашингтон, вероятно, будет пытаться сместить акценты своей политики от не оправдавшей ожиданий Ассоциации к новым «индо-тихоокеанским» проектам. Концепция нейтралитета и невмешательства АСЕАН явно не стыкуется с военно-политической стратегией США по сдерживанию Китая и России в АТР.

4–5 августа 2022 г. заседания министерского уровня США – АСЕАН, РФ – АСЕАН, ЕС – АСЕАН и ВАС в Пномпене (Камбоджа) подтвердили политические нестыковки среди членов Ассоциации по поводу оценки текущих военно-политических проблем, включая украинские события, обострение китайско-тайваньских и китайско-американских отношений в связи с визитом спикера американского конгресса Н. Пелоси на Тайвань. При этом очередная попытка Дж. Байдена создать из «десятки» АСЕАН антироссийскую и антикитайскую коалицию оказалась неуспешной. Как уже упоминалось, за единственным исключением Сингапура, страны АСЕАН заняли нейтральную позицию по поводу действий России на Украине и отказались присоеди-

няться к антироссийским санкциям. Треугольник Россия – АСЕАН – Китай сохранил свою внутреннюю стабильность без политических перекосов и деформаций. Для РФ, несмотря на постоянное расширение западных санкций, дальнейшие перспективы и возможности развития сотрудничества с государствами АСЕАН полностью сохраняются. КНР, со своей стороны, продолжая наращивать свое экономическое влияние в ЮВА, стремится вытеснять европейские и американские проекты в регионе, сужая зоны кооперации США, Японии, Южной Кореи и ЕС с Ассоциацией.

Форматы взаимодействия США – АСЕАН, ЕС – АСЕАН, «Индо-Тихоокеанская концепция» построены в том числе на необходимости ограничения российской активности и попытках демонтажа совместных проектов между Россией и АСЕАН. В китайском случае, наоборот, ресурс КНР политически не противоречит укреплению российских позиций в АСЕАН, особенно в сферах военно-морской безопасности, энергетического сотрудничества. Треугольник Россия – АСЕАН – Китай развивается на альтернативных США и их союзников подходах, совпадающих с традиционным видением безопасности и развития большей части государств АСЕАН.

Обобщая данный обзор, можно сделать вывод, что стратегический формат Россия – АСЕАН может развиваться в целом вполне успешно, все политические предпосылки к этому имеются. То, что данный формат пока развивается недостаточно активно, является отчасти и следствием недостатка предложений со стороны России. Как на уровне правительств, так и на уровне бизнеса необходима активизация усилий по запуску двусторонних и многосторонних торгово-экономических, финансовых, инфраструктурных механизмов и инструментов сотрудничества для того, чтобы переориентировать российскую экономику с Запада в том числе на страны АСЕАН.

В перечень российских стратегических интересов и приоритетов, на наш взгляд, входят также:

1) укрепление зон морской безопасности через расширение военно-стратегического присутствия России в тихоокеанских акваториях;
2) формирование единой евразийской дуги ЕАЭС – ШОС – АСЕАН, включая создание на преференциальной основе новых льготных кооперационных страновых опций по типу зоны свободной торговли Вьетнам – ЕАЭС;
3) модернизация старых и создание новых транспортных сухопутных и морских коридоров с государствами АСЕАН;
4) концентрация на развитии специализированных точек роста сотрудничества в энергетике, военно-технической сфере, информационно-коммуникационных, аэрокосмических технологиях, медицине, продовольствии и сельском хозяйстве, что в условиях существующей торгово-экономической асимметрии с США, КНР, ЕС, Японией в регионе становится сравнительным преимуществом РФ.

3.2. Приоритеты двусторонних моделей отношений со странами АСЕАН

3.2.1. Вьетнам

Академический дискурс в России по проблематике российско-вьетнамских отношений, стыковым вопросам безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии, включая «островные споры» в Южно-Китайском море (ЮКМ), развивается достаточно активно. Исследуется специфика двусторонней российско-вьетнамской модели отношений, эволюция политической формы и торгово-экономического содержания отношений с Вьетнамом, включая военно-техническое сотрудничество. Ключевым направлением исследований является анализ новых экономических реалий и существующих сдержек в структуре российско-вьетнамских отношений, рекомендации для адаптации партнерства к текущим вызо-

вам и преодоления существующих барьеров [Мазырин 2020: 114–132].

Важная часть российского дискурса – изучение внешней политики Вьетнама в АТР и Азии в целом, сочетания Ханоем тактики балансирования и использования различных внешних опор и приоритетов [Колдунова 2021], а также общие работы по проблематике АСЕАН в контексте растущего давления Китая на страны объединения и обострения китайско-американских отношений в регионе [Мазырин, Колдунова 2023; Сумский 2021; Мосяков 2021а]. Относительно самостоятельным направлением выглядит изучение преференциальных торгово-экономических форматов ЕАЭС – Вьетнам. Ряд российских экономистов представили макроэкономическую картину и динамику двусторонних связей стран ЕАЭС с СРВ, осветив специфику влияния введенных в 2015 г. либеральных механизмов на рост товарообмена в отдельных опциях. В основном это исследования российских экономистов С.П. Глинкиной (ИЭ РАН), А.А. Мигранян (ИЭ РАН), А.Г. Пылина (ИРЭ РАН).

Среди иностранных ученых важное место занимают исследователи из КНР, изучающие китайско-вьетнамские отношения. Это эксперты Института Юго-Восточной Азии Китайской академии современных международных отношений, Китайской академии международных исследований МИД КНР, ряда других центров. Часть экспертов (Ли Цзянган, Гу Хопин), делая акцент на «стратегических озабоченностях» Китая по поводу сотрудничества с Вьетнамом, обосновывают китайскую версию (так называемую девяти- или десятипунктирную линию) исторической принадлежности Китаю спорных островов в Южно-Китайском море. Другие (Цюй Вэньцзя, Цзян Юйшань) подчеркивают необходимость усиления торгово-экономической кооперации двух стран и консервации «нерешенных вопросов», сосредоточения основного внимания на вовлечении Вьетнама в проекты ИПП и нейтрализации усилий США в Индокитае [Лузянин 2022д: 5, 8–9].

Среди двусторонних отношений России со странами АСЕАН российско-вьетнамский трек всегда был наиболее

сильным и приоритетным. Наши страны имеют давнюю историю дружественных отношений с советского периода, во Вьетнаме продолжают чтить традиции советской экономической, военной и идеологической помощи в 1960–1980-е годы. Многие представители сегодняшней деловой и политической элиты учились в СССР.

Политические рамки современных двусторонних отношений РФ и СРВ были определены в 2001 г. как стратегическое партнерство, а в 2012 г. закреплены Декларацией о всеобъемлющем характере этой формы партнерства. Вьетнам проводит многовекторную внешнюю политику на основе «трех нет», а именно:

1) нет участию в военных союзах;
2) нет размещению на своей территории военных баз третьих стран;
3) нет вступлению в альянсы, направленные против третьих стран.

При этом его нейтральность достаточно органично сочетается с интенсивными общественно-политическими контактами с Москвой на межпарламентских, гуманитарных и других направлениях [Лузянин 2022д: 6].

Вплоть до 2022 г. торгово-экономические и инвестиционные отношения между Россией и Вьетнамом развивались вполне динамично. Важным драйвером экономических отношений стало подписание в 2015 г. соглашения о зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС, которое усилило и двусторонние российско-вьетнамские экономические отношения. Объем двусторонней торговли в 2018 г. оценивался в 4,1 млрд долл., а в 2021 г. увеличился до 7,1 млрд долл. Ключевым компонентом торговли была углеводородная кооперация, включая работу совместного предприятия «Вьетсовпетро» по добыче нефти и газа на морском шельфе вьетнамской зоны Южно-Китайского моря и «Русвьетпетро» на российской территории, а также производственные мощности вьетнамского концерна TH True Milk в Москов-

ской и Калужской областях, запуск совместного индустриального парка DEEP C Russia на севере Вьетнама, который в 2023 г. уже принимает проекты. Индустриальный парк призван стать логистическим хабом для морских перевозок прибрежных промышленных территорий [«Азиатский поворот» 2022: 120–121].

Успешно развивалось традиционное военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом. Несмотря на отмену Вашингтоном в 2016 г. эмбарго на военные поставки в СРВ и демонстративный заход в 2017 г. в порт Дананг американского военного эсминца [Мосяков 2021б: 149–153], Вьетнам сохранял значительную нишу для сотрудничества с Россией в военной сфере. В частности, Россия контролировала более 80% всего вьетнамского парка вооружений, поставленного российским ВПК, и 84,3% всех военных поставок.

Вьетнам закупал российские истребители Су-27 и Су-30МК, зенитные ракетные комплексы С-300. По российским лицензиям в СРВ началось строительство ракетных катеров проекта 1241 с противокорабельными ракетными комплексами «Уран». Были заключены контракты на поставки легких фрегатов типа «Гепард» и дизель-электрических подводных лодок проекта 636.1 и др. [Кашин 2020: 75–77, 80–83]. Несмотря на вывод российской военно-морской базы из Камраня в 2002 г., на вьетнамском побережье сохранился пункт военно-технического обслуживания российских кораблей.

Новой формой сотрудничества становится лицензионное производство ряда видов российского вооружения на территории СРВ. Идет строительство завода по производству и ремонту вооружений, намеченное к завершению в 2025 г., подписан контракт на создание центра обслуживания и ремонта вертолетов, есть контракты на поставки российских танков Т-90М «Прорыв» и береговых противокорабельных комплексов «Бал» и «Бастион» и др. [Кашин 2020: 77, 80, 82–83].

Вместе с тем российско-вьетнамское экономическое сотрудничество переживало ряд трудностей, рельефно обозначившихся с 2016 г., когда Вьетнам заблокировал несколько

ключевых проектов в сферах строительства метро, освоения космоса, добычи газа. Были остановлены проекты модернизации нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» и закупке российских лайнеров «Суперджет-100». Самым серьезным ударом для Москвы стал отказ Ханоя в 2016 г. от строительства госкорпорацией «Росатом» атомной электростанции «Ниньтхуан» после восьми лет подготовки, несмотря на выделенный на эти цели кредит в 10 млрд долл. [Британов 2022: 5–7, 11–15].

Большинство российских экспертов не связывали данное решение с официальными объяснениями Ханоя о наличии экономических и экологических причин для остановки этих проектов. Основная причина, возможно, связана с прямым давлением США, ЕС и Японии на руководство Вьетнама [Мазырин 2020: 115–119, 126–129; Британов 2022: 5–7, 9, 12–15]. Отдельные ученые считают, что попытка России развить двусторонние экономические отношения на основе административных ресурсов, увеличив товарооборот с Вьетнамом, не перспективна и ошибочна, ведь исключительно волевым решением невозможно подключить российских производителей к рыночным, коммерческим процессам [Канаев, Файншмидт, Федоренко 2020: 351–368].

При этом Россия не представляла для США серьезной конкуренции на вьетнамском рынке. Асимметрия между российско-вьетнамской и американо-вьетнамской двусторонней торговлей очевидна: объем последней в 2022 г. превысил 142 млрд долл. Основным раздражителем для Вашингтона всегда было лишь доминирование России в военно-технической сфере, тесные связи между военными ведомствами двух стран.

Для Вьетнама развязанная Д. Трампом китайско-американская торговая война оказалась объективно выгодной. В условиях сокращения китайского импорта в США Вьетнам замещал своими товарами китайские поставки, увеличивая товарооборот с Америкой и свою долю на американском рынке, создавая в отдельных сегментах конкуренцию своему главному сопернику – КНР.

В то же время Вьетнам обеспокоен близким партнерством РФ и КНР, включая нейтральную позицию Москвы в «островном споре» Пекина и Ханоя. Очевидно, что на этой реакции играют США и Япония, стараясь усилить негативное отношение вьетнамского руководства к России и недопонимание в российско-вьетнамском диалоге. При этом официально США, демонстрируя свою равноудаленность, не изъявляли намерения, в случае обострения конфликта Вьетнама с КНР, встать на сторону СРВ или защищать морские акватории, контролируемые Вьетнамом [Мосяков 2021б: 147–150].

После начала украинского конфликта проблемы российско-вьетнамских экономических отношений обострились. По мнению бывшего торгового представителя СРВ в России Нгуен Тьи Тама, конфликт на Украине поставил всю систему российско-вьетнамских коммерческих контрактов под угрозу, включая закупки техники и оборудования для разведки, добычи и переработки сырья. Это произошло из-за отключения российских банков от системы SWIFT. Произошла консервация выполнения крупного заказа компанией «Силовые машины» для тепловой электростанции «Лонгфу-1», выполненного уже на 77%, поскольку российский поставщик попал под санкции США [Нгуен Тьи Там 2022].

В то же время в политической сфере отношения кажутся вполне безоблачными. 5–6 июля 2022 г. глава российского МИД Сергей Лавров посетил Ханой, встретившись с вьетнамским руководством и обсудив текущие экономико-технологические и долговременные политические вопросы двусторонних отношений. Была подчеркнута важность дальнейшего укрепления формата стратегического партнерства, необходимость развития зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ [Большая Азия 2022].

Сохранение Ханоем дружественного нейтралитета по украинским событиям и общего позитивного настроя на дальнейшее развитие партнерства с Москвой является определенным политическим фундаментом для строительства обновленной российско-вьетнамской модели. Что же касается проблем реализации российско-вьетнамских ком-

мерческих контрактов в условиях западных санкций против России, опасения вьетнамских компаний попасть под вторичные санкции, отключение российских банков от западных платежных систем – всё это трудности, которые при желании можно было бы преодолеть. Как показывает опыт Ирана, западные санкционные механизмы не являются универсальными и непроницаемыми. В мире уже существует богатый опыт практик параллельного импорта, работы через юридические лица третьих стран, использование самых различных финансовых схем для обхода западных ограничений. Вопрос лишь в политической воле Ханоя.

Это доказывается и тем, что по итогам 2022–2023 гг. Россия, при всех трудностях выполнения текущих контрактов, остается доминирующей страной на рынке вооружений Вьетнама, а также де-юре и де-факто ключевым государством ЕАЭС, реализующим с СРВ преференциальный проект зоны свободной торговли. И, несмотря на то что в 2022 г. торговля между двумя странами рухнула с 7 млрд до 3 млрд долл., уже в 2023 г. она снова показывает некоторый рост, что было отмечено на встрече Владимира Путина с президентом Вьетнама Во Ван Тхыонгом в октябре 2023 г.[6].

Для того, чтобы затормозить процесс дальнейшего разрыва формы и содержания российско-вьетнамских отношений, начать поступательное движение, представляется необходимым:

1) увеличить российские инвестиции в промышленность Вьетнама, особенно энергетику, транспорт;
2) обеспечить присутствие российских компаний в инфраструктурных транспортных и трубопроводных проектах Вьетнама;
3) принять участие в назревшей модернизации почти 300 предприятий и энергетических объектов, построенных СССР во Вьетнаме;

[6] Путин отметил восстановление товарооборота России и Вьетнама после небольшого спада. 17.10.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/19035281 (дата обращения: 01.02.2024).

4) активнее продвигать инициативу Большого Евразийского партнерства за счет смычки между ЕАЭС и экономическим сообществом АСЕАН, включая расширение сферы действия Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом в части инвестиций, торговли услугами, обмена людьми, информацией и технологиями, снижать нетарифные барьеры [Мазырин 2020: 119–120, 128–132].

Если создавать отраслевой перечень взаимодействия по текущей приоритетности для России, можно выстроить следующий ряд направлений российско-вьетнамских торгово-экономических отношений на среднесрочную перспективу:

1) контракты в сфере военно-технического сотрудничества;
2) энергетическое сотрудничество, в том числе в рамках СП «Русвьетпетро»;
3) увеличение российских инвестиций в промышленность и инфраструктуру Вьетнама;
4) участие в модернизации вьетнамских предприятий и объектов, построенных СССР;
5) расширение сферы действия Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом в части инвестиций, торговли услугами, обмена людьми, информацией и технологиями, включая дальнейшее снижение нетарифных барьеров.

Одной из задач вьетнамского измерения российского «поворота на Восток» является задача развития параллельно российско-китайского и российско-вьетнамского партнерства. Вьетнам весьма напряженно относится к российско-китайскому сближению, как и в целом к экспансионистским проектам КНР, в первую очередь к ИПП. Если добавить к этому «островную проблему» в Южно-Китайском море и исторические сложности взаимоотношений КНР и СРВ, можно

видеть целый клубок двусторонних проблем [Бабаев 2023в]. Но, несмотря на сложность китайско-вьетнамских отношений, объективно Россия может выступать медиатором между ними, сглаживая конфликтные ситуации. Возможно, что опыт проекта РИК (Россия – Индия – Китай), несмотря на региональные и исторические отличия ситуации в Индокитае, будет востребован на Индокитайском полуострове и в перспективе может сформироваться формат РВК (Россия – Вьетнам – Китай) в субрегиональной структуре международных отношений [Лузянин 2022д: 10–11].

3.2.2. Индонезия

Российско-индонезийские отношения имеют богатую историю, полную драматизма и ярких, порой трагических страниц 1960–1970-х годов. Постсоветская специфика определялась интересами сближения с АСЕАН, когда в 1996 г. в Джакарте Россия получила статус партнера по диалогу этой организации.

В последние годы Индонезия продолжает увеличивать свою экономическую мощь и в АСЕАН, и в целом в мировой экономике. В 2023 г. она стала шестой по величине экономикой мира (по ППС – паритету покупательной способности) и в ближайшее время по объему ВВП может обогнать Россию, заняв пятое место. В соответствии с этим растет и политический вес страны на международной арене, свидетельством чему стал саммит группы G20, прошедший на о. Бали в ноябре 2022 г. Индонезия держит курс на равноудаленное сотрудничество с великими державами, стремясь при этом упрочить свое лидерство в АСЕАН как крупнейшей экономики объединения и приобрести больший вес в АТР и Азии в целом. Отношения как с Россией, так и с Китаем и странами Запада индонезийское руководство стремится выстраивать сбалансированно, не допуская давления на себя с какой-либо стороны [Ефимова 2010]. При этом островные споры в Южно-Китайском море подталкивают руководство страны к ускоренному развитию

своего военно-морского потенциала для противодействия усилению Китая в регионе[7].

В 2022 г. в индонезийском руководстве возникло намерение присоединиться к БРИКС, которое было с энтузиазмом встречено в самом объединении. И хотя по итогам саммита БРИКС 2023 г. Индонезия не вошла в «первую волну» расширения объединения, осенью 2023 г. президент страны Дж. Видодо подтвердил планы страны войти в состав БРИКС – это может произойти, по его словам, уже в 2024–2025 гг., что, безусловно, позитивно повлияет на весь комплекс взаимоотношений между Индонезией и Россией[8].

Между лидерами двух наших стран существует взаимопонимание, их встречи и телефонные переговоры регулярно продолжаются и после начала украинского конфликта. Так, в июне 2022 г. президент Индонезии совершил визит в Москву и провел конструктивные переговоры с Владимиром Путиным в преддверии саммита G20 на Бали, в августе того же года в ходе телефонных переговоров было подтверждено намерение президента России посетить Индонезию. К сожалению, в результате российский лидер принимал участие в форуме лишь удаленно, однако на развитии российско-индонезийских отношений это не сказалось.

В юбилейный год 70-летия установления дипломатических отношений (2020) товарооборот между Россией и Индонезией составил всего 2,3 млрд долл. – скромная цифра, учитывая растущие возможности двух стран. Однако он растет быстрыми темпами: уже в 2021 г. цифра взаимной торговли составила 3,3 млрд долл., а в 2022 г., несмотря на санкции против России, – превысил 4 млрд долл. (индонезийские оценки чуть скромнее). Структура торговли является традиционной: Россия экспортирует в Индонезию

[7] *А. Губин.* Сотни кораблей для тысяч островов: перспективы развития военно-морских сил Индонезии. 22 мая 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotni-korabley-dlya-tysyach-ostrovov-perspektivy-razvitiya-voenno-morskikh-sil-indonezii/ (дата обращения: 20.12.2023).

[8] Президент Индонезии не исключил вступление в БРИКС в 2024 г. 27.10.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19132397 (дата обращения: 20.12.2023).

нефтепродукты, пшеницу, мясо, удобрения, целлюлозу и пр. Индонезийский импорт формируется за счет машин, оборудования и продукции сельского хозяйства [Вехи 70-летней истории 2020].

Инвестиционная политика России в Индонезии во многом была связана с проектом строительства нефтеперерабатывающего завода в Тубане стоимостью 16 млрд долл. силами ПАО «Роснефть». В совместном предприятии, созданном для строительства этого предприятия мощностью до 15 млн т переработки нефти в год, «Роснефти» принадлежит 45%, индонезийской компании Pertamina – 55%. Проект начинался весьма активно, однако в результате введения против «Роснефти» западных санкций встала необходимость поиска нового решения по стратегии проекта. Осенью 2022 г. стороны решили отложить принятие инвестиционного решения на год, осенью 2023 г. – еще на год. Теперь ожидается, что «Роснефть» примет финальное решение летом–осенью 2024 г.[9], однако велика вероятность, что российской компании придется уйти из проекта, в котором появится новый инвестор.

Причины неактивного характера российско-индонезийских торгово-экономических отношений объясняются в основном введенными против РФ санкциями (в том числе механизмом американских санкций CAATSA), а также конкурентным давлением западных держав (США, ЕС, Канада) и их азиатских союзников (прежде всего Японии), давно освоивших индонезийский рынок. Основная цель Запада на российско-индонезийском направлении – заморозить военно-техническое сотрудничество двух стран, вытеснить Россию с индонезийского рынка вооружений. Так, Москве не удалось отстоять контракт на поставку 11 истребителей Су-35С на 1,1 млрд долл.

Одним из вариантов выхода из двусторонней экономической стагнации является вариант либерализации рос-

[9] Инвестрешение по НПЗ «Роснефти» и Pertamina в Индонезии ожидается в 2024 г. 11.10.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/18972203 (дата обращения: 21.12.2023).

сийско-индонезийской торговой модели в рамках создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Индонезией. Переговоры стартовали в 2022 г.[10] и, как заявил в декабре 2023 г. вице-премьер российского правительства Алексей Оверчук, к 2024 г. могут увенчаться успехом. Относительно позитивный опыт вьетнамского варианта зоны свободной торговли и экспертный опыт по Индонезии позволяют запустить проработку данного проекта на уровне мозговых центров, предложив российскому руководству набор предложений и рекомендаций для ускорения переговоров о создании зоны свободной торговли.

Индонезия весьма интересна российским алюминиевым гигантам своими запасами бокситов и возможностями строительства глиноземных комбинатов, в первую очередь на о. Калимантан. С той же целью госкорпорация «Росатом» могла бы рассмотреть возможность создания на острове атомной электростанции.

Отдельным интересным инвестиционным проектом для России может стать участие в строительстве новой индонезийской столицы Нусантары на о. Калимантан. Российская сторона уже заявляла о своем интересе к проекту, и Индонезия, со своей стороны, декларировала стремление увидеть российские компании в качестве инвесторов этой крупной инициативы. В частности, одним из участников проекта может стать компания «РЖД», планировавшая строительство железнодорожной ветки на Калимантане. Кроме того, российские компании имеют большой опыт строительства городской инфраструктуры, который может весьма пригодиться в Нусантаре[11].

Важным фоном для российско-индонезийских отношений является китайский фактор, влияние которого в Индо-

[10] ЕАЭС и Индонезия в 2023 г. начнут обсуждать создание зоны свободной торговли. 05.12.2022. URL: https://www.interfax.ru/business/875352 (дата обращения: 20.12.2023).

[11] *Н. Куклин*. «Нусантара не сразу строилась»: новая столица Индонезии и возможности для российских инвестиций. 01.02.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nusantara-ne-srazu-stroilas-novaya-stolitsa-indonezii-i-vozmozhnosti-dlya-rossiyskikh-investitsiy/ (дата обращения: 20.12.2023).

незии постепенно возрастает. Провозглашение председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Джакарте доктрины «Морского Шелкового пути» означало особое, стратегическое внимание Пекина к республике. Масштабная инвестиционная программа КНР в Индонезии, направленная на модернизацию и создание сети инфраструктурных объектов, включая строительство высокоскоростной железнодорожной дороги Джакарта – Бандунг, сооружение 24 морских портов, 15 аэропортов, более тысячи километров автомобильных дорог и сети мощных электростанций в течение 2013–2021 гг., преобразила облик страны [Малетин, Хохлова 2021: 87–90, 97–103, 113]. В 2020 г. объем товарооборота составил 71,4 млрд долл.

Через реализацию своих инвестиционных и торговых проектов в Индонезии Китай пытается вытеснить из руководства страны политических конкурентов, ориентированных на США или Японию, повысить лояльность руководства Индонезии. В пользу этих планов активно работает и традиционно сильная китайская диаспора в стране, представители которой входят в элиту индонезийской политики и бизнеса.

Впрочем, расчеты Пекина не во всем оправдываются. В индонезийском обществе остаются сильными антикитайские настроения. В СМИ часто пишут о низком качестве китайских объектов, о том, что КНР стремится использовать для строительства свою рабочую силу, а не местных рабочих, что железная дорога Джакарта – Бандунг непрозрачна для внешнего контроля и отстает от заявленного графика строительства и пр. Некоторая публичная критика Китая может означать желание индонезийского руководства дистанцироваться от Пекина, диверсифицировать свои отношения с Китаем за счет развития альтернативных связей с другими державами – Японией, США и др. [Модель развития 2019: 616–617]. Логично, что Джакарта не хотела бы попадать под полный экономический, торговый и инвестиционный «зонтик» Пекина. Однако пока сильная зависимость от китайских инвестиций в стране сохраняется.

Кроме инфраструктурных проектов, Индонезия активно сотрудничает с Поднебесной в сфере освоения внешних морских акваторий. В основе кооперации лежит концепция «морского сопряжения» китайской ИПП и индонезийской инициативы «Глобальной морской оси», которая, по планам Джакарты, должна усилить военно-морские ресурсы Индонезии с заявкой на превращение в региональную морскую державу и усиление контроля над проливами, соединяющими Тихий и Индийский океаны [Малетин, Хохлова 2021: 98–102, 109, 112].

Американский фактор давления на Россию в Индонезии очевиден. При этом само индонезийское руководство при президенте Видодо, маневрируя между США и Китаем и не желая быть втянутым в китайско-американский конфликт, достаточно вяло реагирует на американскую концепцию «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР) с ее форматами QUAD и AUKUS. Джакарта, формально поддерживая Вашингтон в продвижении концепции, тем не менее акцентирует внимание на сохранении асеаноцентричного Азиатско-Тихоокеанского региона, который включает ключевую роль Индонезии как крупнейшего государства Ассоциации [Другов 2016: 51–53].

Планы Джакарты по активизации сотрудничества в военной сфере с США сильно деформируют российское-индонезийское военно-техническое сотрудничество [Малетин, Хохлова 2020: 65–69, 79, 80]. В 2021 г., еще до украинских событий, оказался сорванным контракт на покупку Индонезией российских истребителей Су-35, причем эксперты сразу же связали эту неудачу с сильнейшим давлением США[12]. В то же время связи с США и другими странами Запада продолжают наращиваться. В 2017–2019 гг. было получено в дар от США 23 американских боевых самолета F-16 в дополнение к уже имеющимся на вооружении Индонезии (на их ремонт и модернизацию стране пришлось потратить около 800 млн

[12] Может ли Иран заменить Индонезию в сделке по российским Су-35. 27.12.2021. URL: https://topcor.ru/23329-mozhet-li-iran-zamenit-indoneziju-v-sdelke-po-rossijskim-su-35.html (дата обращения: 01.02.2024).

долл.[13]). В 2022 г. Индонезия заказала у Франции 42 самолета Rafale за 8,1 млрд долл. и согласовала с США возможность закупки F-15 EX. В этих условиях становится очевидно, что перспективы российских поставок вооружений Индонезии находятся под серьезной угрозой.

Таким образом, необходимо выделить четыре приоритетных направления возможного развития отношений между Россией и Индонезий в текущих условиях:

1) преодоление экономической стагнации в сфере торговли и инвестиций за счет как новых инвестиционных проектов (в том числе строительства новой столицы страны), так и создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Индонезией;
2) сохранение и реализация проекта строительства нефтеперерабатывающего завода в Тубане, инвестором которого должна остаться ПАО «Роснефть»;
3) продолжение работы с Индонезией по ее вовлечению в проекты БРИКС, учитывая интерес Джакарты к этому объединению, в том числе в формате БРИКС+ с участием АСЕАН;
4) сохранение военно-технического сотрудничества с Индонезией.

Только при условии, что на всех четырех направлениях будет виден прогресс, Россия может серьезно рассчитывать на укрепление своих позиций в крупнейшей стране Юго-Восточной Азии.

3.2.3. Филиппины

Российско-филиппинские отношения начали активно развиваться в период президентства Родриго Дутерте в 2016–2021 гг., установившим тесные личные контакты

[13] Hibah dari AS, 18 Pesawat F-16 Sudah Tiba di Indonesia (Грант из США, 18 самолетов F-16 прибыли в Индонезию). 22.03.2017. URL: https://nasional.kompas.com/read/2017/03/22/16510401/hibah.dari.as.18.pesawat.f-16.sudah.tiba.di.indonesia (дата обращения: 01.02.2024).

с российским президентом. В рамках помощи Филиппинам в борьбе с терроризмом в 2017 г. Россия на безвозмездной основе направила автоматы АК-100, вертолеты и грузовики. В апреле 2019 г. ВМС России и Филиппин провели совместные военные учения [«Азиатский поворот» 2022: 123].

По итогам визита Р. Дутерте в 2017 г. в Москву был подписан большой пакет документов, включая программу развития туризма, меморандум по кооперации в сфере сельского хозяйства, соглашения о сотрудничестве в сфере обороны, транспорта, культуры, торговли, инвестиций, в том числе контракты «Росатома». В 2018 г. товарооборот составил 1,4 млрд долл. при значительном российском положительном сальдо. Были созданы российско-филиппинская межправительственная комиссия по торговому и экономическому сотрудничеству и деловые советы, занимающиеся координацией совместных бизнес-проектов.

В октябре 2019 г. состоялся очередной визит Р. Дутерте в Москву, в ходе которого было подписано более десятка бизнес-соглашений на сумму 12,57 млн долл. В последующие годы двусторонний товарооборот показывал неясную динамику: по российским данным, в 2022 г. он достиг 1,4 млрд долл., но по данным АСЕАН, упал до 705 млн долл. В том же году в Маниле впервые было открыто российское торговое представительство.

Филиппины экспортируют в Россию электротехнику, механические приборы (33%) и сельскохозяйственную продукцию (30%). Со своей стороны, наша страна поставляет на филиппинский рынок продукцию различных секторов, включая фармацевтику, медицинское оборудование, инфраструктуру и военную технику. Однако почти 70% российского экспорта на филиппинский рынок приходится лишь на одну статью – черные металлы (67–71%).

Традиционно сильной стороной при президенте Р. Дутерте являлись российско-филиппинские военно-технические связи. С января 2019 г. отряды кораблей российского Тихоокеанского флота стали совершать заходы в филиппинский порт Манила, расширяя военные учения в Южно-Ки-

тайском море. Москва и Манила развивали свое сотрудничество в формате «самодостаточности» двусторонних локальных интересов.

Всё изменилось с приходом к власти президента Филиппин Бонгбонга Маркоса в июне 2022 г. Новый глава государства взял отчетливый курс на укрепление взаимоотношений с США и отказ от сотрудничества с Россией и Китаем. В 2023 г. Филиппины вышли из китайской инициативы ИПП, зато возобновили переговоры о создании зоны свободной торговли с Евросоюзом. В области как военно-политического, так и экономического сотрудничества Манила сделала ставку на США и их союзников, так что не исключено, что уже в 2024 г. стоит ожидать новых шагов Филиппин по включению в систему военно-политических и экономических союзов, создаваемых США в рамках концепции ИТР.

Во многом крен во внешней политике Филиппин объясняется сложными отношениями с Китаем, особенно в части спорных островов Южно-Китайского моря. В 2013 г. Филиппины подали в третейский суд в Гааге иск о непризнании спорных территорий островами. В 2016 г. постоянная палата третейского суда приняла решение в пользу заявителя. Однако вопрос этим не был решен: Пекин и Манила остаются при своем мнении, хотя переговоры между КНР и странами АСЕАН, включая Филиппины, в рамках переговорного процесса по Кодексу поведения сторон в Южно-Китайском море, проводятся по сей день.

Торгово-экономические отношения Филиппин с Китаем активно развивались. К 2018 г. КНР торговала с республикой на 32 млрд долл., обогнав США и выйдя на первое место среди внешнеэкономических партнеров островного государства. Китаем в рамках морской части ИПП было заявлено 14 инфраструктурных совместных с Филиппинами проектов, в том числе строительство китайской компанией HBIS металлургического комбината стоимостью 4,4 млрд долл., одного из самых больших по выплавке стали в Юго-Восточной Азии.

Российские интересы на Филиппинах должны быть сосредоточены прежде всего на экономическом сотрудничестве. В условиях, когда политическое руководство страны склонно к союзу с США, это единственный путь сохранения и упрочения российского влияния в стране. Филиппинские компании заинтересованы в торговле с Россией – например, в сфере сельского хозяйства и продовольствия[14], и этим необходимо воспользоваться для создания новых партнерств.

Важно отметить, что Филиппины, несмотря на близкое сотрудничество с США, до сих пор не присоединились к антироссийским санкциям Запада. Руководство страны хорошо понимает заинтересованность экономики Филиппин как в российских товарах – в том числе топливе, – так и в российских инвестициях.

После четырехлетнего перерыва в октябре 2023 г. состоялось совещание российско-филиппинской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, что свидетельствует о растущем коммерческом и инвестиционном интересе обеих стран друг к другу. Российскую сторону представляли такие компании, как «Росатом», «Газпром», «КАМАЗ», «ГАЗ» и др. Всё это говорит о намерении филиппинского руководства поддерживать и развивать экономические связи с Россией. Это вполне соответствует и интересам российской стороны.

3.2.4. Мьянма

Российско-мьянманские отношения развиваются на прочной основе, заложенной еще в советские годы. В постсоветский период отношения двух стран находились в тени тесного китайско-мьянманского сотрудничества, однако с приходом к власти в Мьянме администрации Тейн Сейна (2011–2016), взявшей курс на дистанцирование от Китая, Россия и Мьянма начали развивать кооперацию в об-

[14] Филиппины предложили РФ создавать СП по переработке сельхозпродукции. 21.06.2023. URL: https://www.interfax.ru/business/908407 (дата обращения: 01.02.2024).

ласти горнодобычи, энергетики, транспорта. В 2011 г. ОАО «Тяжпромэкспорт» начал строительство чугуноплавильного завода по уникальной российской технологии «РОМЕЛТ», завершив в октябре 2015 г. его первую очередь [Кокушкина 2018: 15–20]. Параллельно новое мьянманское правительство приостановило строительство ряда дорогостоящих и важных для КНР объектов: гидроэнергетического комплекса «Мьисхоун» и меднорудного месторождения «Лепадаун», что вызвало ухудшение китайско-мьянманских отношений.

На этом фоне Мьянма активизировала двустороннее сотрудничество с Россией, в том числе в военно-технической сфере. В 2016 г. было подписано новое российско-мьянманское соглашение о военно-техническом сотрудничестве, в рамках которого Россия в 2017–2019 гг. поставила в страну партию российских истребителей МиГ-29, вертолетов и учебных машин. Ежегодно происходил обмен военными делегациями, проводились совместные антитеррористические учения, был упрощен порядок захода военных кораблей в порты России и Мьянмы.

Период с 1 февраля 2021 г., когда в Мьянме сменилось руководство и к власти пришли военные во главе со старшим генералом Мин Аун Хлайном, занявшим пост премьер-министра, совпал с обновлением российско-мьянманских отношений. Накануне, в январе 2021 г., состоялся визит в Мьянму министра обороны РФ Сергея Шойгу, который провел переговоры с военным руководством страны. Были продлены военные контракты и соглашения. Россия не связывала свое взаимодействие с Мьянмой с характером режима и, в отличие от стран Запада, не выдвигала никаких политических требований в сфере внутриполитического устройства страны, что позволило ей не только сохранить после смены правительства все проекты в Мьянме, но и качественно расширить и обновить их. США и ЕС, наоборот, осудили военных, квалифицируя их действия как военный переворот. Вашингтон потребовал от стран АСЕАН вмешаться во внутренние дела Мьянмы, чтобы вернуть к власти

гражданское правительство Аун Сан Су Чжи, идеологически связанное с Западом и его ценностями.

Открылись и новые перспективы российско-мьянманского сотрудничества. 24 февраля 2022 г. военное руководство Мьянмы официально поддержало Россию, став единственным государством АСЕАН, выступившим в поддержку действий нашей страны на Украине. 12 июля 2022 г. состоялся визит премьер-министра временного правительства Мьянмы в Москву, в ходе которого госкорпорация «Росатом» подписала меморандум о сотрудничестве с Мьянмой в области атомной энергетики. 3 августа того же года состоялся визит министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в Мьянму, где он также встретился с главой государства Мин Аун Хлайном и обсудил вопросы расширения двустороннего сотрудничества и проблемы региональной безопасности[15]. Стороны подготовили проект стратегического экономического сотрудничества двух стран.

2023 год принес новые успехи развитию двусторонних политических, военных и экономических отношений. В сентябре состоялся визит в Москву вице-премьера и министра иностранных дел Мьянмы Тан Свея. А в ноябре в Мьянму прибыл главнокомандующий ВМФ России Николай Евменов, открывший первые в истории двусторонних отношений совместные военно-морские учения[16]. В Мьянме побывали делегации российских бизнес-объединений и компаний различных сфер деятельности, включая сельское хозяйство и туризм, многочисленные встречи проходят на уровне руководства военных ведомств. Близость политических позиций способствует развитию экономических отношений, и в этом смысле взаимодействие с Мьянмой является для России одним из приоритетных направлений деятельности в Юго-Восточной Азии.

---

[15] О визите Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Республику Союз Мьянма. 03.08.2022. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1824850/ (дата обращения: 01.02.2024).

[16] Россия и Мьянма впервые проведут совместные военно-морские учения. 03.11.2023. URL: https://ria.ru/20231103/vizit-1907329695.html (дата обращения: 01.02.2024).

Двусторонний формат достаточно органично встраивается в новую, условную структуру Россия – Китай – Мьянма – Индия. АСЕАН, дистанцируясь от военного режима Нейпьидо, пока не играет серьезной роли в этой модели. При этом РФ, КНР и Индия – члены больших общих проектов ШОС и БРИКС, и, несмотря на известные китайско-индийские противоречия, «мьянманская повестка» Москвы, Пекина и Нью-Дели формируется пока без явных расхождений. Просматривается определенная «специализация» участников: России – в военно-политической, Китая и Индии – в торгово-экономической и инвестиционной сферах.

Дальнейшее сотрудничество РФ и Мьянмы в рамках российского «поворота на Восток» должно комплектоваться следующими приоритетными направлениями:

1) развитие военно-технического сотрудничества с военным руководством Мьянмы, при котором Россия становится основным поставщиком вооружений и военно-технических услуг, в том числе обмен военными делегациями, совместные учения, упрощение порядка захода российских военных кораблей в порты Мьянмы;
2) продвижение энергетического компонента экономических связей, реализация соглашения 2015 г. о создании госкорпорацией «Росатом» Центра ядерных исследований и меморандума «Росатома» и руководства Мьянмы о сотрудничестве в области атомной энергетики (от 12 июля 2022 г.);
3) углубление кооперации в области горнодобычи, энергетики, транспорта, а также расширение проектов ОАО «Тяжпромэкспорт» по строительству новых объектов чугуноплавильного завода (первая очередь завершена в октябре 2015 г.);
4) углубление сотрудничества в гуманитарной и образовательной сферах, развитие отношений по линии Россотрудничества, открытие в Мьянме филиалов российских вузов;

5) поддержка военного правительства Мьянмы в СБ ООН, выстраивание оптимальной российско-китайской политической кооперации по этому вопросу в качестве альтернативы позиции США, ЕС и ряда стран АСЕАН, бойкотирующих нынешнее мьянманское руководство, включая возможную интеграцию Мьянмы в ШОС на правах партнера по диалогу.

3.2.5. Сингапур

Развитие российско-сингапурских отношений всегда было особенно притягательно для Москвы. Технологически процветающий остров, вошедший в 1980-е годы в первую группу «азиатских драконов» или новых индустриальных стран (Сингапур, Тайвань, Южная Корея и Гонконг), географически далекий от России и в силу своего положения и размеров объективно не представлявший никаких вызовов и угроз, рассматривался как идеальный партнер. Сингапур должен был, по расчетам российского руководства, стать одновременно и стабильным окном в АСЕАН, и ресурсом передовых технологий и инвестиций, стекавшихся сюда огромным потоком.

Импонировал российским элитам и сформированный создателем «сингапурского чуда» Ли Куан Ю образ государства, которое за счет умелого сочетания авторитарных гражданских и либеральных экономических методов стремительно преодолело огромную дистанцию в развитии, обозначенную сингапурским патриархом как «путь из третьего мира в первый» [Ли Куан Ю 2013].

В 2006–2011 гг. между нашими странами было заключено более 20 соглашений в области науки, техники и совместного проведения НИОКР. Россия и Сингапур проводили согласованную политику по сближению стандартов образования (магистерские программы ведущих университетов и др.), науки и инновационной деятельности. В 2018 г. Сингапур выступил организатором проведения третьего саммита Россия – АСЕАН, в рамках которого диалоговому партнерству

был придан статус стратегического. Важно, что в структуру двусторонних отношений в тот период достаточно умело, обеими сторонами, встраивались региональные проекты технологического сотрудничества: деятельность компании Jurong с Псковской областью и Татарстаном, инфраструктурные проекты холдинга Changi Airports с аэропортами Краснодара, Геленджика, Анапы, Владивостока. В 2017 г. в Сингапуре был открыт Центр зарубежного продвижения российских технологических компаний [«Азиатский поворот» 2022: 126].

Итогом российско-сингапурского сближения стало подписание в 2019 г. соглашения между ЕАЭС и Сингапуром о создании зоны свободной торговли, активизировавшего и двусторонний торгово-экономический, и коллективный евразийско-сингапурский форматы отношений[17].

В 2021 г., до начала конфликта на Украине, товарооборот между Россией и Сингапуром превысил 2,2 млрд долл., увеличившись на 35% по сравнению с предыдущим годом. Сингапур в течение ряда лет был крупнейшим торгово-экономическим партнером России в АСЕАН. В следующем, 2022 г. только сингапурский импорт из России составил 2,3 млрд долл. Основными товарами российского экспорта в Сингапур стали минеральное топливо, масла, нефтепродукты, жемчуг, драгоценные камни, никель, медь и продукты питания.

Успешно развивалось и инвестиционное сотрудничество. Сингапурский фонд национального благосостояния GIC также осуществлял значительные инвестиции в такие российские компании, как ВТБ и СИБУР. С другой стороны, российский «Ростех» наладил партнерские отношения с сингапурскими компаниями в различных отраслях, включая логистику и промышленную автоматизацию. Сингапурская компания Changi Airports International совместно с Российским фондом прямых инвестиций стала совладельцем

[17] В Ереване состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета. 01.10.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/page/52 (дата обращения: 17.08.2022)

международного аэропорта Владивостока и управляет им в качестве оператора воздушной гавани.

Однако в 2022 г. году российско-сингапурские отношения, которые в 2018 г. были оформлены как стратегические, а в 2019 г. вышли в рамках проекта «ЕАЭС – Сингапур» на преференциальный уровень, в одночасье оказались под угрозой. Сингапурское руководство осудило Россию за «неспровоцированное вторжение на Украину», введя односторонние санкции, применявшиеся Сингапуром только один раз – в 1978 г. после вторжения Вьетнама в Кампучию. Все финансовые операции с российскими банками и предприятиями были заблокированы, введен экспортный контроль за российскими товарами [Королев 2022]. Национальная авиакомпания Сингапура Singapore Airlines приостановила рейсы в Москву[18].

Тем не менее в 2023 г. видны признаки того, что санкционный режим в отношении российских компаний будет ослаблен. Например, российская нафта составляет около четверти сингапурского импорта этого продукта и продолжает удерживать рынок. Сингапурские компании также не торопятся уходить с российского рынка. Всё это может говорить о том, что, несмотря на «недружественный» статус Сингапура, взаимоотношения удастся возродить в ближайшие годы и Россия может остаться партнером Сингапура как с точки зрения торговли, так и инвестиций и технологического сотрудничества. В этом наша страна должна быть весьма заинтересована. Свидетельством возможных позитивных подвижек в наших отношениях является и проведение в Сингапуре 21–24 ноября 2023 г. VIII Российско-сингапурского делового форума, V Недели российского кино и Юбилейных спортивно-культурных мероприятий, организованных Российско-сингапурским деловым советом и корпорацией «Ростех».

Китайский фактор также опосредованно влияет на российско-сингапурские отношения. Восприятие сингапурской

[18] Singapore Airlines приостанавливает рейсы из Сингапура в Москву. 28.02.2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/13891983 (дата обращения: 01.02.2024).

элитой влияния Поднебесной всегда было противоречиво. С одной стороны, являясь на 70% китайским с этнической точки зрения, Сингапур не хотел бы превратиться в «маленький Китай» как продолжение большого. Местные элиты, используя английский язык как основной наряду с китайским, считают важным формирование особой сингапурской нации, составленной из малайского, китайского и индийского компонентов и подчеркивая свою особую идентичность. С другой стороны, Сингапур не может игнорировать экономический подъем КНР, ее технологические и инвестиционные возможности, поскольку весь сингапурский бизнес строился на умелом посредничестве между индустриальными мировыми гигантами. С начала нового столетия остров является главным логистическим и финансовым посредником между Китаем, Европой, США, другими регионами мира, получая большие экономические дивиденды [Кашин 2016].

По мере усиления влияния КНР Сингапур также укрепляет отношения с США, ЕС, Японией, Южной Кореей и АСЕАН, используя их как экономических и политических балансиров китайской мощи. Политика лавирования стала основой сингапурской внешней стратегии, включая налаживание кооперации с Индией, в региональном плане противостоящей КНР. При этом Сингапур не раз заявлял, что готов принимать участие в решении проблем Южно-Китайского моря, но одновременно ведет диалог с Пекином о сотрудничестве с программой ИПП и совместном участии в интеграционных проектах в АТР.

Учитывая отрицательный эффект торговой войны США и КНР на сингапурскую экономику, Сингапур в 2019–2020 гг. пытался выступить посредником и примирить стороны, обращаясь с компромиссными предложениями к Пекину и Вашингтону. Однако сингапурские усилия оказались напрасны, растворившись в новой фазе китайско-американской эскалации вокруг Тайваня при президенте Дж. Байдене.

Можно ожидать, что китайско-российское сближение окажет влияние и на российско-сингапурские отношения.

3.2.6. Таиланд

Российско-таиландские отношения имеют свою долгую и экзотическую историю, начиная с визитов первых русских фрегатов в Королевство Сиам, создания дипломатической миссии, визитов цесаревича Николая Александровича в 1891 г. в Сиам и короля Рамы V в 1897 г. в Санкт-Петербург. Буддийский Сиам, являясь единственным государством Юго-Восточной Азии, сохранившим свой суверенитет и независимость, представлял собой уникальный вариант умелого политического лавирования между Британской и Французской колониальными империями.

127-летняя история российско-таиландских отношений содержит и фазы охлаждения, включая Вторую мировую войну, в которой Таиланд выступал на стороне Японии, и период холодной войны, когда были оформлены союзнические отношения между Таиландом и США, а советско-таиландские связи были законсервированы. В 1990-е годы отношения восстановились, но военные перевороты в Таиланде 2006 и 2014 гг. оказывали сдерживающее влияние на динамику политических контактов. При этом торгово-экономические, туристические и гуманитарные возможности стимулировали стороны для поиска новых форм сотрудничества.

С 2006 г. в России начала работу крупная таиландская инвестиционная компания Charoen Pokpand Group, вкладывавшая средства в российский аграрный бизнес – развитие животноводческих и зерновых хозяйств в Московской, Калужской и Курской областях, занимая весомые позиции российского рынка свинины. К 2020 г. она стала крупнейшим иностранным производителем мяса в РФ [«Азиатский поворот» 2022: 125].

В 2017 г. министр иностранных дел Сергей Лавров по случаю 120-летнего юбилея установления дипломатических отношений опубликовал на портале Российского совета по международным делам статью, посвященную юбилею, в которой было подчеркнуто, что российско-таиландские отношения прошли проверку временем, достигли высокого уров-

ня доверия и взаимопонимания, что перед двумя странами стоят масштабные задачи, связанные с обеспечением последовательного развития двусторонних связей в интересах благополучия и стабильности в Юго-Восточной Азии и АТР. Министр обозначил задачу выхода двусторонней торговли к 2020 г. на цифру 10 млрд долл., отметив, что инвестиционный вклад Таиланда в российскую экономику составляет 1,6 млрд, а России в таиландскую – 0,5 млрд долл.[19]. Однако в 2021 г. объем товарооборота оценивался в 2,3 млрд долл.[20], в 2022 г. – около 2 млрд, и по 2023 г. должен составить не более 2 млрд долл.[21]. Таким образом, планы сторон пока не сбылись, и России еще нужно приложить в этой сфере значительные усилия.

Относительно сильным было российско-таиландское военно-техническое сотрудничество. В мае 2016 г. было подписано соглашение, по которому в следующем году Таиланд анонсировал закупку 12 транспортных вертолетов Ми-17В5. К 2022 г. Таиланд довел парк этих вертолетов до 10 штук[22]. Однако при этом страна отказалась от закупки российских танков Т-90С, выбрав китайские VT-4 (МВТ-3000) [Хетагуров 2017].

В мае 2016 г. премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча посетил Россию с официальным визитом, в рамках которого состоялись его встречи с президентом и премьер-министром РФ. 5 сентября 2017 г. прошла встреча Владимира Путина с П. Чан-Оча на полях саммита БРИКС в Сямыне (КНР). 14 ноября 2018 г. Владимир Путин и П. Чан-Оча провели беседу на полях саммита Россия – АСЕАН в Сингапуре.

[19] *Лавров С.В.* Россия–Таиланд: 120 лет взаимного уважения и доверия. 04.12.2017. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-tailand-120-let-vzaimnogo-uvazheniya-i-doveriya/ (дата обращения: 17.08.2023).

[20] Надежный друг и партнёр: товарооборот России и Таиланда может вырасти в пять раз, до $10 млрд. URL: https://rb.ru/news/russia-thailand-trading/ (дата обращения: 17.08.2023).

[21] Товарооборот России и Таиланда в 2023 году превысил $1,2 млрд. 18.08.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/18540987 (дата обращения: 01.02.2024).

[22] В Таиланде откроется центр по ремонту вертолетов российского производства. 01.09.2022. URL: https://ria.ru/20220901/tailand-1813818583.html (дата обращения: 01.02.2024).

Наконец, 3 ноября 2019 г. председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев встретился с премьер-министром Таиланда П. Чан-Оча на саммите АСЕАН в Бангкоке.

Украинский кризис серьезно повлиял на структуру и динамику российско-таиландских отношений. Таиланд отказался присоединяться к санкциям против нашей страны, однако введение западных ограничений коснулось тайских компаний, ведущих бизнес в России, в том числе туроператоров, ряда банков и фирм. В политическом плане реакция Бангкока на украинские события была и остается сдержанной, в рамках сохранения дружественного нейтралитета и желания дистанцироваться от радикальных антироссийских шагов, на необходимость которых указывает Вашингтон.

2 августа 2022 г. посол Таиланда в РФ Сасиват Вонгсинсават заявил СМИ, что королевство заинтересовано в начале переговоров с Евразийской экономической комиссией о создании между ЕАЭС и Таиландом зоны свободной торговли, которая бы стимулировала торговое и инвестиционное сотрудничество как на двусторонних, так и на многостороннем треках взаимодействия, что этот проект не только подтверждает политическую готовность Таиланда и России к укреплению связей, но и создает прочную основу для последующих действий сторон по расширению двустороннего сотрудничества[23]. Было объявлено о запуске работы на территории королевства банковских российских карт «Мир» (до настоящего времени не состоялся[24]), восстановлении прямого авиасообщения после пандемии.

Туристическое сотрудничество развивается вполне успешно: осенью 2023 г. правительство Таиланда ввело 90-дневное безвизовое пребывание в королевстве для российских туристов. С января по октябрь 2023 г. количество российских туристов, посетивших страну, выросло в 10 раз,

[23] Таиланд рассчитывает на скорейшее создание зоны свободной торговли с ЕАЭС. 02.08.2022. URL: https://retail-loyalty.org/news/tailand-rasschityvaet-na-skoreyshee-sozdanie-zony-svobodnoy-torgovli-s-eaes/ (дата обращения: 17.08.2023).

[24] Таиланд надеется внедрить карты «Мир» после визовых нововведений. 25.09.2023. URL: https://ria.ru/20230925/novovvedeniya-1898570408.html (дата обращения: 01.02.2024).

превысив 1 млн человек. По численности туристов, посещающих Таиланд, Россия обосновалась на четвертом месте, уступая лишь Малайзии, Китаю и Южной Корее. Доля россиян в общей численности туристов составила почти 5% в 2023 г.[25] Более половины вилл, продаваемых в стране, сегодня приобретают именно россияне[26].

В Таиланде играют всевозрастающую роль китайские компании. В 2018 г. правительство Таиланда создало Восточный экономический коридор из трех провинций для формирования регионального хаба привлечения инвестиций и развития высокотехнологичных производств и услуг, в рамках которой действовало 80 китайских компаний с общим объемом инвестиций более 30 млрд долл. Одновременно Китай вел переговоры о строительстве Тайского канала – прохода через перешеек Кра на юге Таиланда для сокращения времени доставки грузов и уменьшения зависимости от Малаккского пролива. Стратегическая цель проекта заключается в формировании неподконтрольного для США транспортного маршрута [Модель развития 2019: 620–621]. Но к концу 2023 г. строительство канала так и не было начато, вместо этого выдвинута новая инициатива сухопутного моста[27].

После завершения масштабных китайских военно-морских учений вокруг Тайваня 2–15 августа 2022 г., связанных с обострением китайско-тайваньских и китайско-американских отношений по итогам визита Н. Пелоси в Тайбэй, китайское руководство 15 августа начало сухопутные учения совместно с таиландским военным командованием, также рассчитанные на сдерживание США в данном регионе. В уче-

[25] International Tourist Arrivals to Thailand Jan-Dec 2023. URL: https://www.mots.go.th/news/category/706 (accessed: 01.02.2024).

[26] Премьер Таиланда рассмотрит продление безвизового срока пребывания россиян в три раза. 27.08.2023. URL: https://www.forbes.ru/society/495320-prem-er-tailanda-rassmotrit-prodlenie-bezvizovogo-sroka-prebyvania-rossian-v-tri-raza (дата обращения: 01.02.2024).

[27] Analysis: Thailand's proposed land bridge project easier than Kra Canal idea, but steep challenges await. 20.10.2023. URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/thailand-srettha-thavisin-land-bridge-project-port-malacca-strait-canal-3860941 (accessed: 01.02.2024).

ниях были задействованы военно-воздушные силы и сухопутные соединения Китая и Таиланда[28].

Серьезное политическое давление на позиции России и Китая в Таиланде оказывают США, которые в 2022 г. подписали с королевством два военных соглашения: о расширении традиционных совместных учений на суше и на море, включая приобретение королевским флотом Таиланда беспилотников RO-21 Blackjack [Половинин 2022].

Сегодня Таиланд максимально заинтересован в развитии с Россией как торгово-экономических, так и инвестиционных отношений – об этом неоднократно заявляло руководство посольства страны в Москве. Позиция руководства Таиланда в отношении России остается вполне дружественной, и в ближайшем будущем можно рассчитывать на преференциальное отношение таиландских властей к российским компаниям на рынке. Таиланд стремится сбалансировать китайское влияние в экономике страны при помощи проектов с другими крупными странами, и Россия может сыграть в этом процессе весьма важную роль. Российские же приоритеты должны быть связаны с углублением российско-таиландского военно-технического сотрудничества, включая модернизацию соглашения 2016 г. о закупке 12 транспортных вертолетов Ми-17В5, заменивших американские; интенсификацией переговоров о создании зоны свободной торговли ЕАЭС с Таиландом и поддержания традиционной и стабильной туристической кооперации.

3.2.7. Малайзия

Активное развитие российско-малайзийских отношений пришлось на период включения России в многосторонние механизмы Восточноазиатского форума и запуска диалога Россия – АСЕАН на саммите в Куала-Лумпуре в 2005 г. Стороны смогли начать сотрудничество по диверсификации тор-

[28] Китай и Таиланд начинают совместные военные учения / ИА Красная Весна. 14.08.2022. URL: https://rossaprimavera.ru/news/874ede68 (дата обращения: 17.08.2023).

гово-экономического и инвестиционного взаимодействия, включая проекты в химической, медицинской, аэрокосмической, информационно-технологической и оборонной сферах [«Азиатский поворот» 2022: 125].

Отправной точкой была кооперация в нефтегазовой сфере. В 2006 г. малайзийская компания Petronas приобрела акции «Роснефти» на сумму 1,1 млрд долл., в 2006–2007 гг. «Роснефть», «Газпром» и Petronas подписали ряд документов о дальнейшем сотрудничестве. Одновременно российские компании инвестировали в строительство центра ядерной медицины в г. Искандар Путри и в ряд других проектов. В 2018 г. двусторонняя торговля вышла уровень 2,7 млрд долл., увеличившись на 26,4% по сравнению с 2017 г. К 2021 г. товарооборот между странами увеличился на 23,8% и достиг 2,6 млрд долл., в 2022 г. этот показатель вырос еще на 12%. Однако Россия не занимает центрального места в экономике Малайзии. В 2022 г. оборот совместной торговли составил 3,0 млрд долл., или менее 0,5% внешнеторгового оборота Малайзии, который равнялся 648,7 млрд долл.[29] В настоящее время около 70% малайзийского экспорта направляется в страны Азии, 13% – в Северную Америку и лишь около 9% – в Европу. Российский рынок остается для Малайзии периферийным. По итогам I кв. 2023 г. по объему импорта в Малайзию Россия заняла 21-е место – в стоимостном выражении российский импорт сократился на 10% по сравнению с I кв. 2022 г.

При этом структура товарооборота остается весьма разнородной. Малайзия является ключевым импортером российской сельскохозяйственной продукции, закупая зерно, масличные культуры, мясо и молочные продукты. В свою очередь, Россия получает из Малайзии продовольствие – прежде всего пальмовое масло, рис и фрукты. Торговля сельскохозяйственной продукцией и продовольствием между Россией и Малайзией в 2022 г. выросла на 18%, при этом объем российского экспорта сельхозпродукции составил 620 млн долл.

[29] Общая информация / Торговое представительство РФ. URL: https://my.minpromtorg.gov.ru/about/country-information (дата обращения: 01.02.2024).

Однако основу российского экспорта в Малайзию составляют энергоносители, прежде всего нефть и газ, а также металлы и химическая продукция. В ответ Малайзия экспортирует автомобили, электронику и каучук [Кочеткова 2020: 169–172].

Россия также заинтересована в импорте малайзийского высокотехнологичного оборудования. Малайзия является одним из крупнейших в Азии экспортеров полупроводников с годовым объемом экспорта 8,7 млрд долл. Доля электронного сектора в ВВП Малайзии составляет почти 6%. Российские предприятия заинтересованы в закупках продукции медицинского назначения и медоборудования, в частности стоматологических установок. Около трети малайзийского экспорта в Россию составляют электронные товары.

Автомобильная промышленность Малайзии – третья по величине в Юго-Восточной Азии, крупнейшими национальными производителями автомобилей здесь являются Perodua и Proton. В 2022 г. в стране было произведено более 700 тыс. автомобилей – больше, чем в России. Учитывая уход западных компаний с российского рынка, он теперь открыт для притока малайзийских автомобилей. Это вписывается в общий сдвиг, происходящий в России с начала 2022 г., – азиатские марки автомобилей становятся все более привлекательными для российских покупателей.

Традиционно значительным в последние десятилетия был российский военный экспорт в Малайзию. В 1994–1995 гг. РФ поставила 18 истребителей МиГ-29, а в 2007–2009 гг. партию из 18 истребителей Су-30МКМ. В дальнейшем Россия обеспечивала Малайзию запчастями и ремонтом авиатехники, стоявшей на вооружении страны [Кочеткова 2020: 171–180].

Важным элементом была помощь России в запуске первого малайзийского космонавта Музафара Шукора на Международную космическую станцию на российском космическом корабле в октябре 2007 г., который был осуществлен в виде офсетной части контракта на поставку 18 российских истребителей, подписанного в мае 2003 г. во время визита

в Куала-Лумпур министра обороны РФ Сергея Иванова. Возобновилась российская помощь в выводе на орбиту российскими ракетами-носителями малайзийских телекоммуникационных спутников. Так, в июне 2023 г. с космодрома Восточный ракетой-носителем «Союз-2.1б» был осуществлен запуск малайзийского частного спутника A-Seansat-PG1 – первого начиная с 2009 г.[30].

После 17 июля 2014 г., когда украинской ракетой в зоне конфликта был сбит малайзийский пассажирский самолет, ситуация в российско-малайзийских отношениях на фоне обвинений России в данном трагическом инциденте ухудшилась. Куала-Лумпур взял паузу для проведения собственного расследования происшествия. Руководство Малайзии поставило под сомнение выводы украинских и европейских экспертов, назвав их политизированными и антироссийскими, после чего в 2015–2016 гг. все межгосударственные контакты были восстановлены.

В российско-украинском конфликте Малайзия выступила с позиций нейтралитета и невмешательства, отказавшись присоединяться к антироссийским санкциям. Наоборот, малайзийское руководство заявило о возможности качественного усиления кооперации в сфере высоких технологий с Россией, включая увеличение поставок чипов и полупроводников в РФ.

Сегодня Россия и Малайзия постепенно развивают сотрудничество в области высоких технологий, инноваций и даже космической отрасли, что свидетельствует о многогранности их отношений. В марте 2023 г. Россию посетила делегация малайзийского холдинга Maharani, которая занималась поиском партнеров для реализации инфраструктурных проектов Maharani Energy Gateway. В июле 2023 г. Малайзийское космическое агентство и «Роскосмос» договори-

[30] Торговое представительство Российской Федерации в Малайзии 27 июня 2023 г. приняло участие в церемонии трансляции запуска на околоземную орбиту малайзийского спутника A-SEANSAT-PG1, произведенного совместно с российской компанией ООО «СПУТНИКС». 28.06.2023. URL: my.minpromtorg.gov.ru/news?id=5290c512-af83-49e4-8901-fc05ea4345e3 (дата обращения: 01.02.2024).

лись о создании рабочих групп по совместным космическим проектам. Стороны решили сформировать рабочие группы для углубленной проработки каждого потенциального направления сотрудничества.

Обе стороны надеются, что поток российских туристов возобновится до уровня, существовавшего до пандемии, когда Малайзию посетило около 80 тыс. туристов из России. По расчетам, по итогам 2023 г. число российских туристов достигнет аналогичного уровня. Малайзия бесплатно выдает гражданам России въездные визы сроком на 30 дней по прибытии в страну. Тем не менее в двустороннем туризме существуют серьезные проблемы. Обе страны используют транзитные рейсы, так как прямые отсутствуют с 2000 г. Прямые рейсы планируется возобновить только к 2025 г. Учитывая, что в России ежегодно обучается более 1500 малайзийских студентов, прямой авиационный контакт имеет большое значение. Значительный импульс развитию сотрудничества двух стран, несомненно, может оказать и предоставление безвизового режима малайзийским туристам, посещающим РФ, которое в настоящее время находится на стадии согласования. О возможности введения такого режима было объявлено в Куала-Лумпуре 29 ноября 2023 г. в ходе визита делегации Комитета по туризму г. Москвы[31].

Большое значение для сотрудничества двух стран в целом и их взаимодействию в сфере образования в частности имеет и проведение в Куала-Лумпуре 8-9 ноября 2023 г. второго заседания Совместной российско-малайзийской комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, на котором российскую делегацию возглавлял министр науки и высшего образования Валерий Фальков, а малайзийскую – министр высшего образования Мохамед Кхалед Нордин[32].

[31] Russia to offer visa-free regime to Malaysian visitors. 29.11.2023. URL: https://www.bernama.com/en/world/news.php?id=2249221 (accessed: 01.02.2024).

[32] Второе заседание Совместной российско-малайзийской комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. 10.11.2023. URL: my.minpromtorg.gov.ru/news?id=fe19c1d6-ffdc-4bab-9d47-c9c4c8a4dc58 (дата обращения: 01.02.2024).

В настоящее время российские и малайзийские компании успешно переходят на расчеты в китайских юанях, дирхамах и других валютах. Но, чтобы этот механизм заработал в полную силу, необходимо наличие общих договоренностей между правительствами наших стран. Среди наиболее важных элементов таких договоренностей – вопрос определения объема торговли и инвестиций, который должен быть значительным для того, чтобы платежи в национальных и иных дружественных валютах были эффективными.

Еще одним стратегическим шагом двух стран, направленным на стимулирование торговли и инвестиций, является завершение разработки нового соглашения об избежании двойного налогообложения между Россией и Малайзией. Данное соглашение направлено на упорядочение и упрощение налогового режима для предприятий, работающих в обеих странах, и создание более благоприятных условий для взаимных инвестиций. Договор устанавливает стандартную ставку налога на дивиденды в размере 15%. Льготная ставка в размере 10% будет применяться к получателям, владеющим не менее 25% капитала в компании, выплачивающей дивиденды. Это следует из подписанного в 2019 г. Соглашения о взаимном сотрудничестве и развитии отношений между Россией и Малайзией[33].

Заметным событием мая 2023 г. стало проведение форума «Россия – Исламский мир: Казанский форум», на котором состоялось детальное обсуждение вопросов взаимной торговли на сегменте Россия – Малайзия.

Китайский фактор в Малайзии оказывает опосредованное влияние на российско-малайзийские отношения. Очевидно, что экономическое влияние КНР в стране более сильное по сравнению с российским, американским, сингапурским и таиландским. За семь лет (2013–2020) был реализован ряд китайских инфраструктурных проектов – строительство малайзийского участка железной дороги Куньмин –

[33] Forbes: Россия и Малайзия согласовали новое налоговое соглашение. 07.08.2023. URL: https://incrussia.ru/news/russia-malaysia/ (дата обращения: 01.02.2024).

Сингапур, создание индустриального парка «Куантан». В 2017 г. заключено 14 инвестиционных соглашений на 34 млрд долл., включая поставку Китаем четырех военных кораблей береговой охраны, сооружение портов в Малаккском проливе на северо-востоке Малаккского полуострова [Модель развития 2019: 618].

Куала-Лумпур, при всей очевидности экономического воздействия Поднебесной, неоднозначно реагирует на рост ее влияния. Так, в период своего «второго прихода» к власти премьер-министр страны Махатхир Мохамад в 2018–2020 гг. заморозил китайские проекты на сумму 27,2 млрд долл., включая строительство железнодорожного участка, двух газопроводов и одного нефтепровода, ссылаясь на наличие коррупционных рисков и непрозрачность сделок. Однако эксперты говорили, что истинная причина консервации была связана с неспособностью Малайзии расплатиться по китайским кредитам и усилением угрозы ее попадания под китайский экономический и политический контроль. Часть малайзийской элиты была готова к усилению асимметрии между Малайзией и КНР, а другая, возглавляемая премьером, выступала против китаизации национальной экономики [Модель развития 2019: 618–619]. Несмотря на уход патриарха с поста премьер-министра, подобный раскол в руководстве сохраняется и влияет на характер импульсивно развивающихся китайско-малайзийских отношений.

Китайское проникновение балансирует активность соседних стран – давних партнеров королевства – Сингапура, Таиланда, Вьетнама и заокеанских держав – США, Японии, европейских стран. В целом Малайзия, понимая свою уникальность и важность в плане географического морского расположения, возможности внутреннего развития как высокоразвитой технологической державы региона, одного из лидеров АСЕАН, пытается балансировать между большими и малыми центрами силы.

Структурируя российские приоритеты в Малайзии, необходимо выделить четыре основных вектора:

1) полное восстановление политических, военных и торгово-экономических связей;
2) инвестиционное сотрудничество в химической, медицинской, информационно-технологической и оборонной сферах;
3) расширение военно-технического сотрудничества, включая поставки запчастей и ремонт, модернизацию ранее проданной Малайзии авиатехники;
4) восстановление сотрудничества в области космонавтики, в том числе оказание коммерческих услуг по выводу на орбиту российскими ракетами-носителями малайзийских телекоммуникационных спутников.

3.2.8. Камбоджа

Камбоджа в эпоху советско-китайских разногласий 1960–1970-х годов пережила трагические времена: Индокитайскую войну, затем геноцид населения в период режима Пол Пота – Иенг Сари. «Красные кхмеры» проводили зачистку «буржуазных элементов» и построение «деревенского социализма». Не секрет, что это был маоистский проект, конец которому положило вмешательство Вьетнама, после чего контакты между СССР и Камбоджей (Кампучией) были восстановлены.

Выстраивание новой деидеологизированной модели двусторонних отношений происходило поэтапно в 1990-е и 2000-е годы. Определенным рубежом стало празднование Россией и Камбоджей в 2016 г. 60-летнего юбилея установления дипломатических отношений. За год до юбилейной вехи Дмитрий Медведев, занимавший тогда пост председателя Правительства РФ, в ноябре 2015 г. в рамках своего визита подписал с Камбоджей пакет из 10 соглашений и меморандумов о кооперации в сферах торговли, финансового мониторинга и пресечения незаконных действий, борьбы с терроризмом, установления прямого авиасообщения, развития туризма и гуманитарных связей. Стороны зафиксировали ряд общих политических подходов по поводу неприя-

тия «цветных революций», невмешательства во внутренние дела, стремления к формированию полицентричной системы международных отношений в АТР, а также отстаивания множественности моделей развития государств.

В 2016 г. состоялся визит премьер-министра Камбоджи Хун Сена в Россию и его встречи с Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым. Еще одна встреча между главами правительств состоялась в Брюсселе в 2018 г. на полях саммита «Азия – Европа». В 2021 г. с визитом Пномпень посетил глава Совета Безопасности РФ Николай Патрушев, также встретившийся с премьер-министром страны.

Сдерживающим моментом была задолженность Камбоджи, сформировавшаяся в 1980-е годы за счет оказания советской кредитной помощи Кампучии в размере 1,5 млрд долл. Пномпень предложил Москве перевести часть долга в российские инвестиции, а оставшуюся возместить за счет камбоджийского экспорта в Россию. Данный компромисс устраивал всех и стал началом определенного этапа обновления и расширения двусторонней модели отношений [Бектимирова 2017: 159–164, 169].

Камбоджа добилась ускорения темпов экономического развития, и на протяжении более чем двух десятилетий страна поддерживает их на относительно высоком уровне, заметно превышающем среднемировой, вошла в число самых быстрорастущих экономик мира. Вплоть до пандемии средние темпы прироста ВВП составляли 8,7% [Бурова 2023: 45–52, 46]. Несмотря на существенное замедление экономики в период пандемии, уже в 2021 г. стране удалось вернуться на траекторию роста – 3% в 2021 г. и 5,2% в 2022 г.[34]. По оценкам МВФ, в 2023 г. камбоджийская экономика демонстрировала лучшие результаты и стала самой динамичной в Юго-Восточной Азии[35].

[34] GDP (current US$) – Cambodia. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH (accessed: 01.02.2024).

[35] IMF sees Cambodia as ASEAN's fastest growing economy in 2023 and 2024 // Khmer Times. 11.10.2023. URL: https://www.khmertimeskh.com/501374620/imf-sees-cambodia-as-aseans-fastest-growing-economy-in-2023-and-2024/ (accessed: 01.02.2024).

Благодаря экономическим успехам Камбоджа стала одним из лидеров в мире по успехам в борьбе с бедностью. В стране наблюдается положительная взаимосвязь между экономическим ростом и снижением бедности, о чем говорит один из самых высоких показателей эластичности бедности по доходу на душу населения в ЮВА – 5,5% [Бурова 2023: 45–52, 49].

Таким образом, являясь одной из самых динамичных стран региона с растущим уровнем жизни населения, Камбоджа выступает привлекательной страной для развития торгово-экономических связей.

Однако до сих пор торгово-инвестиционное сотрудничество между странами характеризуется крайне низкой интенсивностью и определенной нестабильностью. Сумма накопленных российских инвестиций в камбоджийской экономике не превысила 135 млн долл., а их доля составила лишь 0,32%. Объем двустороннего товарооборота крайне незначительный и подвержен сильным колебаниям. Так, в 2015–2018 гг. товарооборот возрос почти втрое – с 36,4 млн до 92,8 млн долл. Однако в 2019 г. возобладал обратный тренд и взаимная торговля просела до 55,3 млн долл. Ковидный 2020 г. и последовавший за ним 2021 г. были отмечены ростом товарооборота, достигшего 64,4 млн и 96,7 млн долл. соответственно. Вместе с тем доля РФ во внешнеторговом обороте Камбоджи возросла лишь с 0,17% до 0,22%. [Бурова, Владимирова, Гарусова и др. 2023: 67–79, 72].

Товарная структура двусторонней торговли крайне концентрирована, с более диверсифицированным набором экспортных товаров из России и менее разнообразным из Камбоджи. При этом из года в год под влиянием конъюнктурных факторов структура российских поставок претерпевает серьезные изменения. В 2021 г. основными позициями товарной номенклатуры российского экспорта стали:

1) жемчуг природный или культивированный; драгоценные или полудрагоценные камни; драгоценные металлы; металлы, плакированные драгоценными

металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты из драгоценных металлов или металлов, плакированных драгоценными металлами (40,4%);
2) топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные, смешанные ненасыщенные углеводороды (30,3%);
3) древесина и изделия из нее (9,6%);
4) пластмассы и изделия из них (4,7%).

Что касается закупок России в Камбодже, то их структура достаточно стабильна. Основной импортной статьей традиционно выступают товары текстильной, швейной и обувной промышленности, на которые в 2021 г., по данным ASEANSTAT, пришлось 93,5%, а также продукция агропромышленного комплекса (3,5%).

Камбоджа негативно отреагировала на действия России после начала украинского конфликта. Премьер-министр Хун Сен в марте 2022 г. заявил, что «Россия – друг Камбоджи, который не раз помогал нашей стране», но осудил Москву из-за спецоперации на Украине и поручил дипломатам выбирать сторону Киева при голосовании в международных организациях. Однако в дальнейшем позиция Пномпеня заметно смягчилась. Страна сохранила позицию невмешательства и дистанцирования от антироссийских санкций. Визит министра С.В. Лаврова 5 августа 2022 г. в Камбоджу и подписание двусторонних соглашений о дальнейшем развитии сотрудничества в области инвестиций, торговли, науки, технологий, обороны и безопасности подтвердили тенденцию на сохранение ключевых, несущих элементов российско-камбоджийского сотрудничества.

В 2023 г. именно Хун Сен наиболее жестко из лидеров стран АСЕАН отреагировал на выданный Международным уголовным судом (МУС) в Гааге ордер на арест Владимира Путина. «Обвинения МУС против президента Путина – это шокирующее политическое событие, имеющее масштабные геополитические последствия в Европе и мире», – написал камбоджийский премьер. Подобный шаг МУС, по его сло-

вам, лишь «подольет масла в огонь конфликта на Украине». «Как Путин может вести переговоры о мире, когда другая сторона угрожает ему арестом?» – писал Хун Сен. По его мнению, ордер МУС на арест президента РФ еще больше разделит мир в условиях, когда мировое сообщество «работает вместе над решением общих глобальных проблем, таких как изменение климата и инфекционные заболевания»[36].

С момента начала конфликта на Украине Россия и Камбоджа прорабатывают вопрос перехода на национальные валюты в двусторонней торговле. Однако никакого значимого прогресса пока достигнуто не было. Обе стороны также неоднократно обещали продолжить изучение возможности подписания соглашения о свободной торговле между Камбоджей и ЕАЭС. Однако и здесь пока прогресса не видно[37]. Противоречивые заявления и действия Камбоджи в отношении России продолжались в течение 2022–2023 гг. и явно зависели от давления, оказываемого на страну с двух мощнейших полюсов АТР – из Китая и США.

Важным фактором развития Камбоджи и ее внешней политики, включая и российское направление, является китайский компонент. В 2010 г. Китай вывел связи с Камбоджей на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. После 2012 г. Китай вышел в лидеры во внешней торговле Камбоджи [Бурова 2021: 41–47, 45]. Немалую роль играет Китай и в качестве инвестиционного партнера, расположившись на втором месте после Вьетнама и уступив последнему пальму первенства в 2022 г. [Бурова, Мазырин 2023: 776–789].

Ключевым событием стал визит председателя КНР Си Цзиньпина в Камбоджу в октябре 2016 г. В его рамках было подписано 31 соглашение, которыми были охвачены основ-

[36] Премьер Камбоджи назвал «шокирующим политическим событием» ордер МУС в отношении Путина. 19.03.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17308073 (дата обращения: 01.02.2024).

[37] Russia and Cambodia: The 2023/24 Trade and Investment Dynamics – Russia Briefing News: *Emil Avdaliani.* Trade development remains slow but there is potential over time. 27.11.2023. URL: https://www.russiannewstoday.com/russia-and-cambodia-the-2023-24-trade-and-investment-dynamics-russia-briefing-news/ (accessed: 01.02.2024).

ные сферы кооперации: политическая, военная, социально-экономическая, гуманитарная. Китаем было инвестировано 1,5 млрд долл. в 84 инфраструктурных проекта [Бектимирова 2017: 157–161, 167, 169].

К 2022 г. китайско-камбоджийская асимметрия усилилась. Нейтральный курс королевства, юридически зафиксированный в 1993 г. и умело апробированный в рамках многовекторной внешней политики с опорой на несколько центров силы – АСЕАН, США, ЕС, Японию, – не всегда позволяет Пномпеню сохранять политическую дистанцию от Пекина. Например, в 2012 г. Камбоджа не позволила государствам АСЕАН принять единую резолюцию об осуждении Китая в связи с территориальными спорами в Южно-Китайском морем.

3.2.9. Лаос

Российско-лаосский дружественный формат отношений, сформированный в период холодной войны и питавшийся идеями социалистической ориентации, в 1990-е годы по объективным причинам был законсервирован по всем направлениям. Стратегия российского «поворота на Восток» меняет ситуацию, включая и возвращение Лаосской Народно-Демократической Республики в орбиту российской внешней политики. Реанимация российско-лаосских отношений облегчалась культурной близостью руководства страны к России: многие представители государственной элиты, от президента и бывшего премьер-министра страны Тхонглуна Сисулита до ключевых министров, закончили в свое время российские университеты и хорошо знают Россию, ее язык и ментальность.

Россия и Лаос традиционно поддерживают тесные дипломатические отношения и выступают в поддержку друг друга на международных форумах. В 2022 г. руководство Лаоса заявило, что страна не будет принимать ничью сторону в конфликте на Украине. Лаос не присоединился к режиму антироссийских санкций, введенных Западом.

Страна представляет собой важный актив российской дипломатии в регионе как дружественное государство и как член АСЕАН, особенно с точки зрения переориентации российской торговли в Азию. Это нашло свое отражение в ноябре 2022 г., когда на полях Восточноазиатского саммита Россия и Лаос подписали соглашение о развитии взаимодействия как в двустороннем формате, так и на основе различных механизмов АСЕАН. Странам предстоит возобновить предметные переговоры о заключении соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Лаосом.

Двусторонний товарооборот между Россией и Лаосом в 2022 г. составил 11,3 млн долл. (при этом российский экспорт – 11,2 млн, импорт всего 99,7 тыс. долл.). Для взаимной торговли характерны крайне сильные флуктуации и неустойчивость. Так, объем двусторонней торговли колебался от 39,9 млн долл. в 2011 г., проседая до 353 тыс. долл. в 2014 г., до 29,2 млн долл. в 2021 г. Эта ситуация напрямую связана с конфликтом на Украине и сложной макроэкономической ситуацией в самом Лаосе. Кроме того, Лаос не имеет выхода к морю, что исключает морское судоходство, а относительно небольшой размер местного рынка делает эту страну сложной для России в процессе реорганизации цепочек поставок в Азию.

Российский экспорт в Лаос состоит из древесины, целлюлозно-бумажной продукции, машин, оборудования, транспортных средств, продукции химической промышленности. Лаос экспортирует в Россию в основном текстиль, продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Впрочем, тенденция к росту может возобновиться. За последние полтора года российский экспорт в Китай значительно вырос, а Китай является основным торговым маршрутом в Лаос. Открытие железной дороги Китай – Лаос окажет положительное влияние на российско-лаосскую торговлю. Расширяется торговля России и с Вьетнамом. Некоторые предприятия, поставляющие продукцию на российский рынок из Вьетнама, возможно, вскоре обратятся к соседнему Лаосу, где производство будет более рентабельным.

Поскольку Лаос является членом АСЕАН, он привлекателен для нашей страны и тем, что входит в зону свободной торговли со всеми членами Ассоциации. Северный сосед Лаоса Китай также имеет соглашение о свободной торговле с АСЕАН. Российские инвесторы могут воспользоваться преимуществами развитой транспортной инфраструктуры Лаоса и значительно более низкими производственными затратами, если им удастся преодолеть разрыв в производительности труда: на производство продукции может потребоваться больше времени, но при этом выиграть в более низких затратах. Например, средняя годовая заработная плата рабочего на фабрике во Вьетнаме составляет 2600 долл., в Лаосе же она вдвое ниже.

Несмотря на достаточно ограниченный круг товаров, заинтересованность сторон в развитии сотрудничества значительна, прорабатывается вопрос о заключении соглашения о свободной торговле со странами ЕАЭС. Лаос также проявляет особый интерес к торговле с отдельными российскими регионами, одним из которых является Татарстан.

Стороны также активно участвуют в продвижении национальной повестки дня на крупных форумах. Так, в январе 2022 г. в Санкт-Петербурге прошел бизнес-форум, на котором обсуждалось взаимодействие в области цифровой экономики, «умных городов», образования и туризма. В сентябре 2022 г. на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) была достигнута договоренность о внедрении в Лаосе российской платежной системы «Мир». В 2023 г. вице-президент Лаоса Пани Ятхоту также принял участие в ВЭФ во Владивостоке, и Россия поддержала идею проведения в Лаосе следующего саммита АСЕАН – Россия в 2024 г.

Российские инвестиции в Лаос незначительны, но существующие, как правило, направлены на развитие энергетики, гидроресурсов и углеводородного сырья. Это отражает более широкую стратегию лаосского правительства по привлечению иностранных инвестиций для социально-экономического развития, в том числе и из России.

Несколько совместных российско-лаосских компаний – Neyland Lao Mining, Lao Grandepot Soul, Polysan, «МК-КБ» – работают в Лаосе в таких областях, как разведка и добыча полезных ископаемых, фармацевтика, производство защищенной полиграфической продукции и монет, создание специальной правительственной системы связи. До 2022 г. российские компании интересовались проектами в области гидроэнергетики, строительства линий электропередач, электрораспределительных станций и сопутствующих проектов по распределению энергии.

Между двумя странами продолжаются контакты по линии военных ведомств. Лаосские военнослужащие регулярно проходят обучение в российских военных вузах и участвуют в совместных учениях. Имеются договоренности о ремонте парка вертолетов Ми-17 и Ка-32. В январе 2019 г. в Россию прибыли 30 раритетных танков Т-34-85, переданные Лаосом, который списал их из своей армии. Машины поступили в Россию на безвозмездной основе по линии военно-технического сотрудничества. РФ по той же безвозмездной схеме сделала лаосской стороне встречные «подарки» – танки Т-72Б1 и учебно-тренировочные самолеты Як-130[38]. В рамках военно-технического сотрудничества с 2018 г. российскими саперами и инструкторами регулярно проводилось разминирование ряда лаосских провинций, подготовка местных военных кадров. С 2019 г. ежегодно проводятся совместные военные антитеррористические учения «Ларос» [«Азиатский поворот» 2022: 125]. В 2021 г. они прошли на территории российского Приморья.

Как и другие страны региона, Лаос и Россия испытывают трудности в налаживании более тесных торговых и инвестиционных связей из-за географических ограничений и сложностей в регулировании. Одним из путей решения этой проблемы является развитие туризма, особенно с учетом подписанного в 2016 г. безвизового режима. В первом

[38] Russia and Laos: The 2023/24 Trade and Investment Dynamics – Russia Briefing News. 14.11.2023. URL: https://www.russiannewstoday.com/russia-and-laos-the-2023-24-trade-and-investment-dynamics-russia-briefing-news/ (accessed: 01.02.2024).

полугодии 2023 г. Лаос принял более 23 тыс. туристов из России. Стороны договорились о возобновлении еженедельных прямых авиарейсов с конца октября 2023 г.

В целом геополитические соображения сдерживают обе страны в меньшей степени, чем географическая удаленность. Поскольку Лаос не имеет выхода к морю, ему необходима инфраструктура для связи с внешним миром, и наиболее очевидным партнером в достижении этой цели является Китай и ближайшие соседи Лаоса. Это ограничивает участие России, но у российских компаний есть большой потенциал для инвестиций в электроэнергетику и отрасли, связанные с природными ресурсами.

Основными торговыми партнерами Лаоса являются Китай, Вьетнам, ЕС и Сингапур. Отсутствие выхода к морю делает Лаос в определенном смысле «заложником» Китая и Вьетнама, которые определяют экономическую жизнь страны. Ключевым китайским проектом в Лаосе стало открытие 3 декабря 2021 г. в день 46-й годовщины образования ЛНДР железной дороги Куньмин – Вьентьян протяженностью 1024 км, на которую Китай потратил пять лет строительства и 6 млрд долл. инвестиционных вложений. Было построено 167 тоннелей и 301 мост. Дорога соединила Китай с индокитайской зоной Юго-Восточной Азии, став важным звеном в реализации ИПП, обеспечив новые глобальные и региональные цепочки поставок, рабочие места и экономический рост лаосской экономики [«Азиатский поворот» 2022: 125–127].

Российские приоритеты в Лаосе связаны со следующими направлениями сотрудничества:

а) углубление военно-технического сотрудничества, включая обучение и помощь российских саперов и инструкторов по разминированию лаосских земель после Индокитайской войны, подготовка военных кадров, проведение совместных военных антитеррористических учений «Ларос»;

б) расширение российско-лаосской двусторонней торговли за счет дополнительных поставок нефти и газа, авиационной вертолетной техники и запчастей;
в) укрепление позиции «дружественного нейтралитета» Лаоса через проекты «мягкой силы», в том числе Россотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская политика в Восточной Азии в 2013–2023 гг. развивалась в условиях нарастающего системного противостояния России с Западом. Фактически именно мировоззренческий конфликт с США и их европейскими союзниками привел к появлению доктрины «поворота России на Восток», осуществление которой на практике вошло в активную фазу в 2022 г. В ситуации растущего санкционного давления и отказа стран Запада от сотрудничества практически во всех сферах российское руководство приняло единственно верное решение – изменить ориентацию внешней и внешнеэкономической политики страны и обратиться к динамично развивающимся странам Востока и в целом «глобального Юга».

Ключевая победа на этом пути была достигнута уже в 2022 г.: России удалось привлечь на свою сторону в глобальном и региональном контекстах Китай, успешно оспаривающий у США положение первой экономики мира. Стратегическое партнерство между Россией и Китаем оказалось весьма выгодно обеим странам, и они сумели в краткие сроки выстроить эффективные политические и экономические отношения, базируясь на общем идеологическом понимании, общем видении будущего многополярного мира. Уже в 2023 г. Россия сбалансировала свой импорт, серьезно пострадавший от западных санкций, наладила бесперебойный экспорт энергоносителей в восточном направлении и переориентировала целый ряд отраслей на взаимодействие с Китаем. Сближение России с Китаем стало болезненным поражением США, чье

влияние на евразийском пространстве в результате продолжает снижаться.

Новое качество российско-китайского партнерства определяют как «эластичный альянс», основанный на общих интересах и прагматичной выгоде и подающий пример множеству развивающихся государств Евразии [Торкунов, Стрельцов 2023: 12]. На примере российско-китайского взаимодействия уже зарождаются новые модели международной военно-политической кооперации, финансовых и торговых отношений, новые принципы многостороннего сотрудничества в области безопасности. Российско-китайское стратегическое партнерство объективно становится образцом для формирования обновленной и по содержанию, и по форме системы безопасности в Евразии, в АТР, в мире.

Вторым важным итогом «поворота на Восток» стало удержание и укрепление Россией дружественных отношений с другими странами Азии – Индией, Турцией, государствами арабского Востока, большинством стран АСЕАН. Курс на изоляцию России, проводимый США и их союзниками, потерпел очевидную неудачу. 2023 год продемонстрировал, что Россия и Китай способны в перспективе объединить вокруг себя мировое большинство. Это стало очевидным в результате взрывного роста интереса стран «глобального Юга» к участию в БРИКС и ШОС – двух перспективных объединениях, ядром которых на сегодняшний день выступают РФ и КНР.

Политика «восточного поворота» обеспечила надежность и стабильность российской экономики, которой весной 2022 г. многие предсказывали коллапс или по крайней мере резкое проседание. Эта политика существенно упрочила экономические и политические позиции России в целом ряде стран, которым ранее российское государство и российский бизнес не уделяли достаточного внимания. Она сделала Россию полноправным участником множества важных процессов, проходящих сегодня в самом динамично развивающемся регионе мира.

Само понятие «мирового большинства» возникло в связи с глобальным противостоянием между Россией и За-

падом, ставшим борьбой традиционных ценностей с неолиберальными, доктриной взаимного уважения и доктриной «мира, основанного на правилах» США. В этом противостоянии на сторону России идеологически склоняются многие государства развивающегося мира. На новый уровень уже вышли отношения России с КНДР, Индонезией, Мьянмой, а за пределами описываемого нами региона – с Турцией, ОАЭ, Саудовской Аравией, Ираном, ставших идеологическими партнерами Москвы в противостоянии с Западом.

Российский «поворот», несмотря на объективные трудности экономического и политического характера, а также ментально-психологического восприятия азиатскими государствами специфики России, набирает обороты, органично вписывается в общий российский внешнеполитический вектор.

Как было показано в настоящей работе, основными выгодами для России от движения в указанном направлении должны стать:

а) строительство новой транспортно-логистической инфраструктуры на Юг и Восток, к крупнейшим и наиболее быстрорастущим рынкам сегодняшнего развивающегося мира;
б) технологическая модернизация как результат научно-технологических альянсов с КНР, Индией и другими странами Азии;
в) развитие Большой Сибири и Крайнего Севера через трансграничное сотрудничество со странами Азии, сопряжение инициатив ЕАЭС и ИПП, освоение Северного морского пути при помощи восточных партнеров;
г) становление России как лидера единой Евразии через концепцию Большого Евразийского партнерства.

Однако России еще многое предстоит сделать в дальнейшем движении на Восток. Учитывая, что сам по себе «поворот» не линейное, механическое действие, а тектонический

сдвиг в системе Запад – Восток, в его рамках развиваются и формируются различные региональные и страновые финансово-экономические, военно-политические векторы, происходит обновление цивилизационных образов и стереотипов.

Структурно путь на Восток распадается на два больших сегмента – видимую часть, находящуюся в «открытом доступе», понятную и очевидную для анализа, формирования и корректировок, и невидимую, малоизученную часть, связанную с особенностями взаимодействиями со странами и народами Востока в сфере политики, экономики, международных отношений, гуманитарного и цивилизационного общения.

Подобная «двухэтажность» сказывается на динамике российской восточной политики, на успешности осуществления разрабатываемых инициатив. С одной стороны, страны Запада делают все возможное, чтобы помешать России успешно интегрировать Большое Евразийское партнерство во всех сферах, с другой – Россия сама еще плохо понимает современный Восток, его характер и образ мышления, его стратегии и культуры, не научилась анализировать и учитывать интересы своих восточных партнеров при планировании собственной стратегии.

Аналитическая, исследовательская составляющая «восточного поворота» должна идти впереди активной деятельности государства, бизнеса, общества на этом направлении. России необходимо четкое понимание целей и задач ее восточных партнеров, их исторических и современных интересов, их глубинного отношения к России и ее народу, их восприятия сегодняшнего и завтрашнего мира. Россия должна изучить Восток так же глубоко, как за последние три столетия был изучен Запад – на уровне повседневной культуры, исторических образов, ментальности. Без этих усилий, предпринимаемых сегодня ведущими отечественными научными и аналитическими центрами, на пути к Востоку возникают многочисленные препятствия и риски многочисленных ошибок.

Определения требуют и кратко- и долгосрочные цели России на восточном векторе ее развития. В условиях расширения российско-китайского сотрудничества необходимо тщательно отстаивать и очерчивать российские национальные интересы, избегать рисков вовлечения нашей страны в одностороннюю орбиту китайской политики, стремиться сохранять взаимозависимые отношения как в политике, так и в экономике. Столь же необходимо балансировать базовую связку с КНР эффективными отношениями с другими крупными региональными игроками Азии: Индией, странами АСЕАН, республиками Центральной Азии и Ближнего Востока. Возможно и желательно для России появление новых несоюзнических двусторонних и многосторонних военно-политических, транспортных, торгово-экономических проектов, резервом для которых могут стать расширяющиеся структуры ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ.

Флагманским проектом внешней политики России становится формирование Большого Евразийского партнерства. Наша страна может и должна учитывать тот факт, что она является единственной державой, имеющей добрососедские, партнерские отношения с большинством крупных игроков Евразийского материка: Китаем, Индией, АСЕАН, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией и ОАЭ, Израилем. Этот уникальный набор политических активов дает России шанс выстроить БЕП как общее стратегическое пространство сотрудничества и диалога, где точкой фокуса всех игроков будет именно Москва. В такое пространство легко интегрируются и другие страны «глобального Юга» – включая Африку и Латинскую Америку.

Однако для достижения этой долгосрочной стратегической цели Россия должна уметь играть более активную роль в самых различных процессах, идущих и формирующихся на евразийском пространстве, прежде всего в Восточной Азии и АТР. Конфликт в Европе уже получил свои очертания, и вряд ли они серьезно изменятся в обозримом будущем. Именно восток Евразии, регион АТР в ближайшие десятилетия станут основной ареной глобального противостояния между За-

падом, не желающим отдавать глобальное лидерство, и набирающим силу Востоком. Россия, не являясь прямым участником конфликтных ситуаций в регионе (о. Тайвань, Корейский полуостров, Южно-Китайское море, китайско-индийская граница и пр.), может сыграть важнейшую роль в тех процессах, которые сегодня разворачиваются в АТР и которые с большой вероятностью определят очертания новой системы международных отношений до конца текущего столетия.

Важнейшая и давно стоящая перед нашей страной задача, которую может решить Россия в рамках «восточного поворота» – модернизация и развитие Сибири и Дальнего Востока. Рост сотрудничества со странами Восточной и Юго-Восточной Азии дает уникальный шанс привлечь в эти регионы, в течение десятилетий остававшиеся депрессивными, новую динамику: масштабные инвестиции, транспортно-логистические проекты, развитие промышленности и сельского хозяйства, туризма и инфраструктуры. Может воплотиться мечта многих поколений российских руководителей, от Петра Великого до Петра Столыпина, о расцвете Дальнего Востока, превращении его в растущий регион страны, интегрированный в развитие всего АТР.

России стоит внимательно относиться к развитию двусторонних отношений со многими странами региона, которые по ряду причин не были в числе приоритетных в последние десятилетия. КНДР и Монголия являются важнейшими потенциальными партнерами России в структуре евразийской безопасности. Южная Корея и Япония, хотя и вынужденные двигаться в фарватере антироссийской политики США, понимают перспективность своих бизнес-проектов в России и рано или поздно будут готовы к возобновлению сотрудничества, так что Москве нельзя прекращать контакты с этими странами. Вьетнам, Мьянма, Лаос традиционно связаны с Россией дружескими узами, и эта связь ни в коем случае не может быть утрачена. В то же время взаимодействие с Малайзией, Таиландом и Индонезией является чрезвычайно многообещающим в свете дружественной позиции этих стран в текущей политической конъюнктуре.

Наконец, важную роль обретает углубление сотрудничества России с ее союзниками и друзьями в Центральной Азии, являющейся «сухопутными воротами» нашей страны на Восток. Их углубленное изучение, развитие отношений в экономической и гуманитарной сферах, в сфере политики и безопасности является приоритетным национальным интересом России, и в ближайшее десятилетие наша страна обязана упрочить свое влияние в этом регионе.

Совершенно очевидно, что и конфликт в Европе не будет длиться вечно. Уже сегодня мы видим, что западноевропейские элиты начинают сомневаться в своей ранее бескомпромиссной позиции по отношению к своему великому восточному соседу. В различных европейских странах – от Венгрии и Словакии до Германии и Нидерландов – на выборах побеждают силы, заинтересованные в диалоге с Россией, раздаются призывы к возобновлению взаимодействия и достижению компромисса. Рано или поздно Европа и Россия договорятся о принципах сосуществования и учета взаимных интересов. И в этом случае наше государство, укрепив свое положение на Востоке, сможет занять подобающее ему место лидера на евразийском пространстве, держателя баланса интересов, экономических и политических устремлений Запада и Востока. Сегодняшний «поворот на Восток» – это возможность для нашей страны стать строителем новой Евразии. Возможно, и нового мира.

Список использованных источников и литературы

Источники (интернет-ресурсы)

Сайты министерств и ведомств

Правительство России (официальный сайт) http://www.government.ru/
Президент России (официальный сайт) http://www.kremlin.ru/
Министерство промышленности и торговли России https://minpromtorg.gov.ru/
Министерство экономического развития России https://www.economy.gov.ru/

Министерство обороны КНР http://www.mod.gov.cn/
Министерство обороны Японии https://www.mod.go.jp/
Министерство туризма и спорта Таиланда https://www.mots.go.th/
Посольство КНР в РК http://kr.china-embassy.gov.cn/
Belt and Road Portal https://www.yidaiyilu.gov.cn/

Информационные ресурсы и агентства

Агентство БЕЛТА – Новости Беларуси https://www.belta.by/
Агентство Интерфакс https://www.interfax.ru
Агентство маркетинговых ситуаций https://dfnc.ru/
Агентство Синьхуа http://www.xinhuanet.com
Агентство ТАСС www.tass.ru
Аргументы и факты www.aif.ru
Бабр https://babr24.com/
Большая Азия (электронное издание) https://bigasia.ru/
ИА Красная Весна https://rossaprimavera.ru/
ИА Regnum https://regnum.ru
ИнформПолис https://www.infpol.ru/
Китайский информационный Интернет-центр http://russian.china.org.cn/
Рамблер https://finance.rambler.ru/
РБК www.rbk.ru
Репортер (сетевое издание) https://topcor.ru
РИА Новости https://ria.ru/
Российская газета https://rg.ru/
Россия в глобальной политике https://globalaffairs.ru/
Bernama – Malaysian National News Agensy www.bernama.com
Channel NewsAsia (CNA) https://www.channelnewsasia.com/

Forbes https://www.forbes.ru/
GIIS Guangdong Institute for International Strategies https://giis.gdufs.edu.cn/
The Japan Times https://www.japantimes.co.jp/
Japanese Studies http://www.rbxk.org/
Kompas Cyber Media https://nasional.kompas.com/
NBC News https://www.nbcnews.com/
Nikkei Asia https://asia.nikkei.com
Project Syndicate https://www.project-syndicate.org/
Retail & Loyalty https://retail-loyalty.org/
Russian.News.cn https://russian.news.cn/
Russian News Today https://www.russiannewstoday.com/
Shanghai Securities News https://news.cnstock.com/
中俄资讯网 www.chinaru.info

Экспертно-аналитические центры и государственные агентства

Валдай https://ru.valdaiclub.com//
Евразийская экономическая комиссия https://eec.eaeunion.org/
Металлургпром https://metallurgprom.org/
РАСПП https://raspp.ru/
РСМД https://russiancouncil.ru/

China Dialogue Ocean https://chinadialogueocean.net//
World Bank Indicators https://data.worldbank.org/indicator

Литература

«Азиатский поворот» 2022 — «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. 256 с.

Азиатский банк 2016 — Азиатский банк развития. Ключевые индикаторы. Монголия. 2006. Манила: АБР, 2016. 326 с.

Александрова 2016 — *Александрова М.В.* Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // КНР: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 221–254.

Аристова, Семенова 2019 — *Аристова Л.Б.*, *Семенова Н.К.* Россия и Китай в Евразии: транспортные измерения безопасности. Часть 1 / Отв. ред А.И. Салицкий. М.: ИВ РАН, 2019. 69 с. URL: https://book.ivran.ru/f/-lb-semenova-nk-rossiya-i-kitaj-v-evrazii-transportnye-izmereniya-bezopasnosti-chast-1-svodnyj-anali.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Архитектура безопасности 2021 — Архитектура безопасности в Большой Евразии: состояние, перспективы и возможности для России / Под науч. ред. М.В. Братерского, Г.И. Кутырева, Д.П. Новикова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. 334 с.

Асмолов 2019 — *Асмолов К.В.* Девять мостов сотрудничества между Россией и Южной Кореей // Валдайские записки. Мнение экспертов. 28.06.2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/devyat-mostov-rossiya/ (дата обращения: 17.08.2022).

Асмолов 2021 — *Асмолов К.В.* Нет перспективы денуклеаризации КНДР // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 20 апреля 2021 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/?sphrase_id=92631393 (дата обращения: 17.08.2022).

Асмолов, Захарова 2022 — *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021): монография. М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.

Афонасьева 2013 — *Афонасьева А.В.* Зарубежные китайцы — бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010). М.: ИДВ РАН, 2013. 239 с.

Бабаев 2022 — *Бабаев К.В.* Технологические компании Китая как направление американского удара в контексте антироссийских санкций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИКСА РАН, 2022. Вып. XXVII. С. 42–56.

Бабаев 2023а — *Бабаев К.В.* Вся «Индо-тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах // Контуры глобальных трансформаций. 2023. Т. 16. № 1. С. 107–127.

Бабаев 2023б — *Бабаев К.В.* Мирная инициатива по Украине в контексте внешней политики Китая // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 48–57.

Бабаев 2023в — *Бабаев К.В.* Проблемы и перспективы вьетнамо-китайских отношений на современном этапе // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 3-2. С. 5–17.

Бабаев, Асмолов 2023 — *Бабаев К.В., Асмолов К.В.* Республика Корея между КНР и США в контексте тайваньского вопроса // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 2 (73). С. 120–135.

Бабаев, Кортунов и др. 2023 — Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / 2023 / [К.В. Бабаев, А.В. Кортунов, Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 88 с.

Бабаев, Поленова 2023 — *Бабаев К.В., Поленова А.Л.* Тайваньский кризис 2022 года: корейское измерение // Азия и Африка сегодня. 2023. № 7. С. 26–32.

Бабаев, Сазонов 2022 — *Бабаев К.В.*, *Сазонов С.Л.* Новый международный сухопутно-морской торговый коридор КНР – АСЕАН // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 4. С. 158–180. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-mezhdunarodnyy-suhoputno-morskoy-torgovyy-koridor-knr-asean-1/viewer (дата обращения: 12.05.2023).

Байков, Виноградов, Дьячков и др. 2022 — *Байков А.А., Виноградов А.В., Дьячков И.В.* и др. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. 256 с. URL: https://www.iprbookshop.ru/122551.html (дата обращения: 05.07.2023).

Батчулуун 2020 — *Батчулуун Б.* Российско-монгольские отношения: реальность, проблемы, перспективы // Международные отношения. 2020. № 4. С. 39–57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33814 (дата обращения: 17.08.2022).

Бектимирова 2017 — *Бектимирова Н.Н.* «Китайский фактор» в российско-камбоджийских отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы. 2017. Вып. XXXIV (№ 34). С. 156–170. URL: file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9/Downloads/kitayskiy-faktor-v-rossiysko-kambodzhiyskih-otnosheniyah.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Большая Азия 2022 — Большая Азия. 17.07.2022. URL: https://bigasia.ru/content/news/politics/rf-i-vetnam-natseleny-na-uglublenie-sotrudnichestva-po-klyuchevym-napravleniyam-/ (дата обращения: 17.08.2022).

Бордачев 2015 — *Бордачев Т.В.* Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. Сентябрь/октябрь. URL: https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/ (дата обращения: 17.08.2022).

Борисов, Дондоков, Намжилова 2017 — *Борисов Г.О.*, *Дондоков З.Б.-Д.*, *Намжилова В.О.* Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // Экономическое обозрение (ЭКО). 2017. № 5. С. 101–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-rezhim-ozhidaniya/viewer (дата обращения: 23.03.2021).

Бритов 2022 — *Бритов И.В.* Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 4–17. URL: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/96208/83395/ru_RU (дата обращения: 17.08.2022).

Булычев 2020 — *Булычев Г.* Шестисторонний дипломатический проект – поможет ли он денуклеаризации Корейского полуострова. 23 сентября 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shestistoronniy-diplomaticheskiy-proekt-pomozhet-li-on-denuklearizatsii-koreyskogo-poluostrova/ (дата обращения: 17.09.2022).

Булычев 2021 — *Булычев Г.* Корейская проблема в треугольнике Китай – США – Россия // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 27 июля 2021 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskaya-problema-v-treugolnike-ssha-kitay-rossiya/?sphrase_id=92631393 (дата обращения: 17.08.2022).

Булычев 2022 — *Булычев Г.* Россия и Южная Корея: отношения на паузе // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 21 марта 2022 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-yuzhnaya-koreya-otnosheniya-na-pauze/ (дата обращения: 17.08.2022).

Бурова 2021 — *Бурова Е.С.* Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство? // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 41–47.

Бурова 2023 — *Бурова Е.С.* Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы // Азия и Африка сегодня. 2023. № 9. С. 45–52.

Бурова, Владимирова, Гарусова и др. 2023 — *Бурова Е.С.*, *Владимирова Д.А.*, *Гарусова Л.Н.* и др. Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1 (64). С. 67–79.

Бурова, Мазырин 2023 — *Бурова Е.С.*, *Мазырин В.М.* Торгово-инвестиционное сотрудничество Камбоджи и Вьетнама: видимые успехи и скрытые проблемы // Международная экономика. 2023. Т. 20. № 11. С. 776–789.

В поисках новой архитектуры многополярности 2020 — В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю.А. Белоус, Т.В. Бордачев, М.К. Глазатова и др.; под ред. Т.А. Мешковой; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020. 132 с.

Ващук 2018 — *Ващук А.С.* Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 30–45.

Вехи 70-летней истории 2020 — Вехи 70-летней истории дипломатических отношений Индонезии и России. 03.02.2020 / Посольство Индонезии в РФ. URL: https://kemlu.go.id/moscow/lc/news/4585/70 (дата обращения: 17.08.2022).

Волынчук 2020 — *Волынчук А.Б.* Особенности дальневосточной региональной политики: новые подходы и старые проблемы // Фундаментальные исследования. 2020. № 11. С. 59–63. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42874 (дата обращения: 12.08.2023).

Вопросы географии 2019 — Вопросы географии. Сб. 148: Россия в формирующейся Большой Евразии / Ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Кодекс, 2019. 412 с.

Вопросы географии 2022 — Вопросы географии. Сб. 154: Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. 525 с.

Воронцов 2022 — *Воронцов А.В.* Период военно-политической стабильности на Корейском полуострове приближается к завершению // Валдайский клуб. Аналитика. 20.05.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/period-stabilnosti-na-koreyskom-poluostrove/ (дата обращения: 17.08.2022).

Вьетнам 2022 — Вьетнам – торговый и инвестиционный партнер: Справочник / Под ред. В.М. Мазырина. М.: ИКСА РАН, 2022. 338 с.

Ганзориг 2001 — *Ганзориг Д.* К вопросу об урегулировании задолженности Монголии перед Российской Федерацией // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. С. 220–229.

Горчакова, Казаков 2021 — *Горчакова Т.Е.*, *Казаков О.И.* К вопросу о влиянии COVID-19 на ситуацию в Японии и российско-японские отношения (2020 г. – первая половина 2021 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 66–77. URL: http://eastasiajournal.ru/wp-content/uploads/2021/ea_2021_2_66-77.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Гудев 2019 — *Гудев П.А.* Политико-правовые аспекты морской политики США в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 1 (42). С. 53–75. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n1(42)p53-75.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Гумилев 1992 — *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Прогресс, 1992. 336 с.

Даваасух, Ценддорж 2021 — *Даваасух Д.*, *Ценддорж Д.* Хятадын эдийн засгийн Монгол улсад узуулэх нолоолол. Монголбанк Судалгааны ажил «Товхимол-9». [*Даваасух Д.*, *Ценддорж Д.* Влияние экономики Китая на Монголию. Банк Монголии Исследовательская работа «Буклет-9»]. URL: https://www.mongolbank.mn/documents/tovhimol/group9/9-05.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

Денисов 2016 — *Денисов И.Е.* Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Т. 9. Вып. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podnebesnaya-smotrit-na-zapad/viewer (дата обращения: 17.08.2022).

Диалог Россия – АСЕАН 2017 — Диалог Россия – АСЕАН. Справка // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20171110/1508327182.html (дата обращения: 17.08. 2022).

Другов 2016 — *Другов А.Ю.* Индонезия в 2015 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XX. № 30. С. 30–64.

Дугин 2007 — *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. М.: Амфора, 2007. 382 с.

Ефимова 2010 — *Ефимова Л.М.* Внешнеполитический процесс в Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 202–211.

Железняков 2016 — *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 259 с.

Железняков, Родионов 2019 — *Железняков А.С.*, *Родионов В.А.* Монголия стремится стать азиатской Швейцарией // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 1 октября 2019 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariey/ (дата обращения: 17.08.2022).

Зуенко 2020 — *Зуенко И.Ю.* Без китайцев. Как пандемия меняет сельское хозяйство Дальнего Востока. URL: https://www.carnegie.ru/commentary/83423 (дата обращения: 10.12.2020).

Зуенко, Савченко 2023 — *Зуенко И.Ю.*, *Савченко А.Е.* Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы). М.: МГИМО-Университет, 2023. 362 с.

К Великому океану 2019 — К Великому океану: хроника поворота на Восток: Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/28988/ (дата обращения: 17.08.2022).

Казаков 2021 — *Казаков О.И.* О новых тенденциях в российско-японских отношениях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 26–36. URL: http://eastasiajournal.ru/wp-content/uploads/2021/ea_2021_3_26-36.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Канаев 2019 — *Канаев Е.А.* АСЕАН в инициативе Пояса и пути: навстречу председательству Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 1 (42), 2019. С. 22–31. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n1(42)p22-31.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Канаев 2020 — *Канаев Е.А.* Концепция Индо-Тихоокеанского региона: генезис идеи // Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 125–134.

Канаев, Королев 2020 — *Канаев Е.А.*, *Королев А.С.* ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 64–72. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2020/1-t-64/pacific-asia-prospects-for-development/eaeuasean-results-and-prospects-of-cooperation (дата обращения: 17.08.2022).

Канаев, Файншмидт, Федоренко 2020 — *Канаев Е.А.*, *Файншмидт Р.И.*, *Федоренко Д.О.* Перезагрузка российско-вьетнамских отношений: направления и факторы успеха // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Кобелев. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 351–368.

Караганов 2019 — *Караганов С.А.* Россия в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 29.07.2019. URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/ (дата обращения: 17.08.2022).

Караганов 2022 — *Караганов С.А.* «Крепость Россия». Сколько лет продлится конфронтация с Западом? // Россия в глобальной политике. 16.06.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/krepost-rossiya-i-zapad/ (дата обращения: 17.08.2022).

Караганов, Лихачева 2020 — *Караганов С.А.*, *Лихачева А.Б.* Почему буксует «поворот на Восток» и как это исправить? // Россия в глобальной политике. 16.10.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-buksuet-povorot/ (дата обращения: 07.02.2021).

Кашин 2016 — *Кашин В.Б.* Сингапур и Китай. Противоречивые отношения // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 19 сентября 2016 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/?sphrase_id=90860003 (дата обращения: 17.08.2022).

Кашин 2019 — *Кашин В.Б.* Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 19 августа 2019 г. URL: https://russiancouncil.ru/vasiliy-kashin/ (дата обращения: 10.02.2022).

Кашин 2020 — *Кашин В.Б.* Военно-техническое сотрудничество России и Вьетнама на современном этапе // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Кобелев. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 72–86.

Кокушкина 2018 — *Кокушкина И.В.* Внешняя политика, внешние связи Мьянмы и формирование российско-мьянманского сотрудничества в начале XXI в. (к 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Мьянмой) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 8. С. 15–20.

Колдунова 2020 — *Колдунова Е.В.* Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 136–154. URL: http://upe-journal.ru/files/-2020-1_КолдуноваЕ.В.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Колдунова 2021 — *Колдунова Е.В.* Балансирование во внешней политике Вьетнама: достижение, перераспределение, вызовы // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 41–55.

Колдунова 2022 — *Колдунова Е.В.* Укрепление сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН: практические результаты и векторы наращивания взаимодействия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. № 1. С. 30–36.

Королев 2022 — *Королев А.С.* Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 17 марта 2022 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i+-ASEAN/ (дата обращения: 17.08.2022).

Королев, Стрельникова 2021 — *Королев А.С.*, *Стрельникова И.А.* Проблема Южно-Китайского моря: пять лет после решения международного арбитража // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3. № 3 (52). С. 51–64. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2021n3(52)p51-64.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Коростиков 2020 — *Коростиков М.* Под высоким напряжением // Коммерсант. 9 мая 2016 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2978877 (дата обращения: 17.08.2022).

Кочеткова 2020 — *Кочеткова Е.В.* Российско-малайзийские отношения: перспективы развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. I. № 1 (46). С. 164–182. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2020n1(46)p164-182.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Кимура Хироси 2005 — *Кимура Хироси.* Реверсия Путина к образу Громыко – отказ от диалога и переход к позиции победителя. 2005. URL: http://www.tkfd.or.jp/russia/opinion/opinion/index.shtml (дата обращения: 17.08.2022).

Киреев 2017 — *Киреев А.А.* Российско-японские отношения вокруг Южных Курил: история, современное состояние, варианты развития // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 35–47.

Кривогуз, Фесенко 2022 — *Кривогуз М.*, *Фесенко Д.* Промышленная политика стран ЕАЭС: вместе или врозь? // Россия и новые государства Евразии. 2022. № I (LIV). С. 9–26.

Ланьков 2022 — *Ланьков А.* «Идеальный шторм» для КНДР: чем текущие кризисы на руку Пхеньяну // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 1 июля 2022 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/idealnyy-shtorm-dlya-kndr-chem-tekushchie-krizisy-na-ruku-pkhenyanu/?sphrase_id=92631393 (дата обращения: 17.08.2022).

Ларин 2020 — *Ларин В.Л.* «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 9–27.

Ли Куан Ю 2013 — *Ли Куан Ю.* Из третьего мира в первый. История Сингапура (1965–2000) / Пер. с англ. А. Боня. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 576 с.

Ломанов 2020 — *Ломанов А.В.* Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-v-novuyu-

epohu-vyzovy-i-perspektivy/viewer DOI: 10.24411/26186888202010002 (дата обращения: 10.02.2022).

Ломанов 2023 — *Ломанов А.В.* «Предвидеть черного лебедя, опасаться серого носорога». Си Цзиньпин готовит Китай к новому долговременному походу // Россия в глобальной политике. 2023. № 21 (2). С. 164–179.

Лузянин 2003 — *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. 357 с.

Лузянин 2018а — *Лузянин С.Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС и китайский проект «Шелкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Лузянин 2018б — *Лузянин С.Г.* Россия – Китай: формирование обновленного мира / Отв. ред. акад. В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

Лузянин 2021а — *Лузянин С.Г.* Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке (в преддверии Восточного экономического форума-2021) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 5–13.

Лузянин 2021б — *Лузянин С.Г.* Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 8. С. 75–80.

Лузянин 2021в — *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 141–152.

Лузянин 2022а — *Лузянин С.Г.* Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 5–14. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/dalnevostochnoe-izmerenie-rossiyskogo-povorota-na-vostok-zakroet-li-kitay-sanktsionnye-breshi-rossii/ (дата обращения: 11.08.2023).

Лузянин 2022б — *Лузянин С.Г.* Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В. Путина и Си Цзиньпина? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 5–13.

Лузянин 2022в — *Лузянин С.Г.* Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 6–15. URL: http://eastasiajournal.ru/2022-4-ru/ (дата обращения: 10.08.2023).

Лузянин 2022г — *Лузянин С.Г.* Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.) // Японские исследования. 2022. № 4. С. 75–90.

Лузянин 2022д — *Лузянин С.Г.* Треугольник «Россия–Вьетнам–Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/804878968.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Лузянин 2023а — *Лузянин С.Г.* Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 5–13.

Лузянин 2023б — *Лузянин С.Г.* Россия – Китай: партнерство расширяется // Азия и Африка сегодня. 2023. № 4. С. 5–12.

Лукин 2018 — *Лукин А.Л.* Урегулирование ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове: интересы Росси и перспективы многостороннего формата // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 32–40.

Лукин 2019 — *Лукин А.В.* Евразийская интеграция и развитие азиатской России // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы сопряжения / Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. С. 209–238.

Лукин 2020 — *Лукин А.В.* Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 30–51.

Лукин, Пугачева 2022 — *Лукин А.В.*, *Пугачева О.С.* Российские приоритеты и подходы к решению проблем Корейского полуострова // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 9–27.

Мазырин 2020 — *Мазырин В.М.* Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Кобелев. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 114–132.

Мазырин, Колдунова 2023 — АСЕАН на пути интеграции. Достижения, вызовы, дилеммы / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2023. 608 с.

Макаров, Макарова, Андреев 2020 — *Макаров А.В.*, *Макарова Е.В.*, *Андреев А.Б.* Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 7. С. 73–86.

Малетин, Хохлова 2020 — *Малетин Н.П.*, *Хохлова Н.И.* Отношения Индонезии с США при Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. III. № 4 (49). С. 60–82. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2020n4(49)p60-82.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Малетин, Хохлова 2021 — *Малетин Н.П.*, *Хохлова Н.И.* Индонезийско-китайские отношения при Джоко Видодо в 2014–2021 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. I. № 1 (50). С. 82–113. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2021n1(50)p82-113.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Меламед, Прокопьева 2013 — *Меламед И.И., Прокопьева М.С.* Восточная политика России и развитие восточных территорий РФ // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 43. С. 27–39.

Михалев 2016 — *Михалев М.С.* «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутри китайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политики, экономики, культуры. 2016. Т. 9. Вып. 6. С. 88–103.

Модель развития 2019 — Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы: научная монография / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Мосяков 2021а — *Мосяков Д.В.* Новый военный блок – новые угрозы миру и безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3 (52). С. 5–17. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2021n3(52)p5-17.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Мосяков 2021б — *Мосяков Д.В.* Тупики американо-вьетнамских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021.

№ 4 (53). С. 147–157. URL: https://sea.ivran.ru/articles?artid=210276 (дата обращения: 17.08.2022).

Мясников 2014 — *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа: Соч. в 7 т. Т. 5: Хороший сосед приятнее почестей всяких. М.: Наука, 2014. 491 с.

Национальные и международные стратегии 2020 — Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Отв. ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 182 с.

Нгуен Тьи Там 2022 — *Нгуен Тьи Там.* Россия и Вьетнам хотели бы торговать, но не могут // Независимая газета. 05.04.2022. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-04-05/3_8409_blansh.html (дата обращения: 17.08.2022).

Новоселова 2018 — *Новоселова Л.В.* Дальний Восток России: территория опережающего развития // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 4–28.

Нелидов 2020 — *Нелидов В.В.* Новая неопределенность в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136.

Овчинников 1971 — *Овчинников В.* Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971. 224 с.

Пак 1994 — *Пак Б.Д.* Корейцы в Российской империи. М.: МГУ, 1994, 129 с.

Панов, Саркисов, Стрельцов 2019 — *Панов А.Н.*, *Саркисов К.О.*, *Стрельцов Д.В.* История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.

Перспективы развития российско-японских отношений 2019 — Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь: № 50/2019 / [А.Н. Панов, Д.В. Стрельцов, А.А. Киреева, В.В. Нелидов; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019, 44 с.

Петровский, Филиппова 2022 — *Петровский Е.П.*, *Филиппова Л.А.* Россия и Китай в Арктике. М.: Весь Мир, 2022. 168 с.

Пленарное заседание ВЭФ 2021 — Пленарное заседание Восточного экономического форума // Президент России. 03.09.2021. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66586 (дата обращения: 01.02.2024).

Покровская 2015 — *Покровская П.* Шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР – выход из тупика // Обозреватель – Observer. 2015. № 3. С. 78–88.

Политика безопасности стран современного Востока 2021 — Политика безопасности стран современного Востока / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2021. 280 с.

Половинин 2022 — *Половинин И.* США и Таиланд договорились о партнерстве ради «безопасности людей» // Газета. Ru. 10 июля 2022 г. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/07/10/18099146.shtml (дата обращения: 17.08.2022).

Помозова 2021 — *Помозова Н.Б.* Социологический дискурс-анализ контекста концепции «Один пояс, один путь» // Коммуникология. 2021. № 3. С. 63–73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-diskurs-analiz-konteksta-kontseptsii-odin-poyas-odin-put/viewer (дата обращения: 17.08.2022).

Попова, Таката 2017 — Словари кяхтинского пиджина / Пер. с кит., публикация, транскрипция, исследование и приложения И.Ф. Поповой и Таката Токио. М.: Наука – Вост. лит., 2017 (Памятники письменности Востока, CL). 603 с.

Проблемы исторического прошлого 2021 — Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2021. 336 с.

Пути и пояса Евразии 2019 — Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития Евразийского пространства и перспективы их сопряжения / Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. 416 с.

Родионов 2009 — *Родионов В.А.* Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 274 с.

Российско-японские отношения 2015 — Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1000 с.

Россия и Монголия 2016 — Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / [А.С. Железняков, Т.Н. Литвинова и др.]; отв. ред. А.С. Железняков, Т.Н. Литвинова; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. 196 с. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4447 (дата обращения: 01.02.2024).

Россия уважает право Японии 2018 — Россия уважает право Японии на выбор методов обеспечения своей безопасности // РИА Новости. 16.03.2018. URL: https://ria.ru/20180316/1516570795.html (дата обращения: 17.08.2022).

Самсонова 2022 — *Самсонова В.Г.* Россия – Республика Корея: проблемы и перспективы экономического сотрудничества на современном этапе // Доклады ИДВ РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 70–79.

Семенова 2023 — *Семенова Н.К.* Транспортные горизонты Евразии. Экономические и геополитические «ловушки» и возможности / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М: ИВ РАН. 2023. 270 с.

Спартак 2018 — *Спартак А.Н.* Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: ВАВТ, 2018. 456 с.

Ставров 2017 — *Ставров И.В.* Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (79). С. 36–48.

Страны Востока во внешней политике России 2023 — Страны Востока во внешней политике России: учебник для вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремовой. М.: Аспект Пресс, 2023. 376 с.

Стратегический потенциал КНДР 2021 — Стратегический потенциал КНДР и безопасность на Корейском полуострове: взгляд в будущее. Совместное исследование Международного института стратегических исследований (IISS) и Центра энергетики и безопасности (ЦЭБ) / А.В. Хлопков, М. Эллеман [и др.]. М.: ЦЭБ, 2021. 177 с.

Стрельцов 2020 — *Стрельцов Д.В.* Куда пойдет политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49.

Стрельцов 2021 — *Стрельцов Д.В.* Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. URL: https://www.japanjournal.ru/jour/article/view/92 (дата обращения: 17.08.2022).

Стрельцов 2022а — *Стрельцов Д.В.* Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // Японские исследования. 2022. № 2. С. 120–133.

Стрельцов 2022б — *Стрельцов Д.В.* Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 34–50.

Сумский 2021 — *Сумский В.В.* Индо-тихоокеанское видение АСЕАН и вертикальный взлет американо-китайской вертикали // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 74–90.

Супрун 2018 — Сибирь как мега-регион: параметры и цели / Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. 192 с. URL: https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2017/01/09_Suprun.pdf (дата обращения: 12.08.2023).

Торкунов, Стрельцов 2023 — *Торкунов А.В.*, *Стрельцов Д.В.* Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5–16.

Торкунов, Толорая, Дьячков 2021 — *Торкунов А.В.*, *Толорая Г.Д.*, *Дьячков И.В.* Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение (Олма), 2021. 432 с.

Трубецкой и др. 1921 — *Трубецкой Н.С.*, *Савицкий П.Н.*, *Сувчинский П.П.*, *Флоровский Г.В.* Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. София: Балкан, 1921. 230 с.

Уянаев 2022 — *Уянаев С.В.* Индия – Вьетнам: 50 лет по пути взаимодействия // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 13–22.

Фомичева 2021 — *Фомичева Е.А.* Новые вызовы единству и международной роли АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3 (52). С. 36–50. URL: https://sea.ivran.ru/f/SEA2021n3(52)p36-50.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Фэн Шаолэй, Цуй Хэн 2019 — *Фэн Шаолэй*, *Цуй Хэн*. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы // Россия в глобальной политике. 30.09.2019. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/#_ftn4 (дата обращения: 30.09.2019).

Хетагуров 2017 — *Хетагуров А.* Военно-техническое сотрудничество России: государства Юго-Восточной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). Аналитика и комментарии. 12 сентября 2017 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-yugo-vostochnoy-azii-i-atr/ (дата обращения: 17.08.2022).

Цымбурский 2007 — *Цымбурский В.Л.* «Остров Россия». Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

Чжао Хуашэн 2019 — *Чжао Хуашэн*. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 69–85.

Чжао Хуашэн 2022 — *Чжао Хуашэн*. Китай и Россия: диалог вопреки внешним вызовам. URL: https://nkibrics.ru/posts/show/62b54ae86272697e74a10000 (дата обращения: 12.08.2023).

Чуфрин 2020 — *Чуфрин Г.* К вопросу о перспективах развития ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. 2020. № IV (XLIX). С. 11–24.

Шурубович, Пылин 2021 — *Шурубович А.В., Пылин А.Г.* Роль России в экономике и внешнеэкономических связях Монголии в современных условиях // Экономическое обозрение (ЭКО). 2021. Т. 51. № 4. С. 169–180. URL: https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4231 (дата обращения: 17.08.2022).

Эксперты объяснили 2022 — Эксперты объяснили подоплеку решения Пхеньяна признать республики Донбасса // Взгляд. 13.07.2022. URL: https://vz.ru/news/2022/7/13/1167027.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Allison 2017 — *Allison G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston (MA): Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.

Aviation: Landmark EU–ASEAN 2022 — Aviation: Landmark EU–ASEAN agreement to connect, 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_6126 (accessed: 12.08.2023).

Campi 2004 — *Campi A.* Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. Taiwan: Chinese Culture University, 2004. P. 268–287.

EURAXESS initiative 2023 — EURAXESS initiative headlines at the EU-ASEAN Policy Dialogue on Talent Mobility. 2023. 279 p.

Lattimore 1962 — *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. 279 p.

Rupen 1964 — *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Indiana University / Mouton & Co, 1964. 253 p.

Schott, Jung, Cimino-Isaaks 2015 — *Schott J., Jung E., Cimino-Isaaks C.* Assessments of the Korea-China Free Trade Agreement // Policy Brief # PB 15–24. Peterson Institute for International Economics, 2015. P. 4–5.

Ulagpan 2021 — *Ulagpan Y.* Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia // The Asia-Pacific Journal. 2021. Vol. 19. No 3 (3). URL: https://apjjf.org/2021/3/Ulagpan.html (accessed: 10.04.2021).

Ван Вэйян 2017 — 王惟旸：矿产资源富饶的蒙古，为何沦落到今日这番田地? (*Ван Вэйян*. Почему Монголия, богатая полезными ископаемыми, имеет землю, которая принадлежит ей?) URL: https://www.guancha.cn/WangWeiYang/2017_10_04_429770_2.shtml (дата обращения: 05.03.2021).

Ван Ивэй 2015 — 王义桅："一带一路"：机遇与挑战. 人民出版社, 2015 (*Ван Ивэй*. «Один пояс и один путь»: возможности и вызовы. Жэньминь чубаньшэ, 2015. 251 с.).

Ван Сяньцзюй 2022 — 王宪举：能源合作彰显中俄"背靠背"决心 (*Ван Сяньцзюй*. Энергетическое сотрудничество свидетельствует о решимости

Китая и России идти «спина к спине». 07 февр. 2022 г.). URL: http://views.ce.cn/view/ent/202202/07/t20220207_37309321.shtml (дата обращения: 10.02.2022).

Ван Цзянь 2018 — 王建：侵华日军一八五五细菌部队成员名册首次被公开 (*Ван Цзянь*. Впервые обнародован список членов «Отряда 1855» японских захватчиков по использованию бактериологического оружия в Китае). URL: http://www.mod.gov.cn/education/2018-07/07/content_4818730.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Ван Юнхуэй 2016 — 王勇辉："21世纪海上丝绸之路"东南亚战略支点国家的构建 (*Ван Юнхуэй*. Строительство Морского Шелкового пути XXI века – стратегическая опора стран Юго-Восточной Азии). URL: https://giis.gdufs.edu.cn/info/1306/5595.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Го Жуй 2013 — 郭锐：朝鲜半岛问题与中俄关系的互动[J].俄罗斯中亚东欧研究, 2013(1): 70-75 (*Го Жуй*. Взаимосвязь проблемы Корейского полуострова и китайско-российских отношений // Элосы чжунъя дунъоу яньцзю [Исследование России, Центральной Азии и Восточной Европы]. 2013 (1). С. 70-75).

Го Жуй 2018 — 郭锐：中国思路使特金会不"虚"，多方尚需协力将朝鲜带回国际社会 (*Го Жуй*. Мышление Китая делает саммит Трампа и Кима не «виртуальным», и многим сторонам все еще необходимо работать вместе, чтобы вернуть Северную Корею в международное сообщество). URL: http://comment.cfisnet.com/2018/0619/1312825.html (дата обращения: 17.08.2022).

Го Жуй, Чжао Цзюньлян 2017 — 郭锐、赵俊良：新世纪以来俄韩关系发展-轨迹、指向与前景 (*Го Жуй, Чжао Цзюньлян*. Развитие российско-южнокорейских отношений в новом столетии: пути, направления и перспективы). URL: /http://www.sohu.com/a/207997805_618422 (дата обращения: 17.08.2022).

Гу Хопин 2022 — 顾霍平：乌东大决战之际，俄罗斯为何在乌克兰决战期间与越南进行军演？普京"指向"中国 (*Гу Хопин*. Почему Россия проводила военные учения с Вьетнамом во время решающего сражения на Украине? Путин «указывает» на Китай). 21.04.2022. URL: https://www.163.com/dy/article/H5G8EP6P053518R1.html (дата обращения: 17.08.2022).

Инвестиции и риски 2020 — 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险 (Инвестиции и риски китайских предприятий на Дальнем Востоке России). URL: https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html (дата обращения: 21.07.2020).

Китай и Россия подписали 2022 — 中俄签署一系列合作文件 (Китай и Россия подписали ряд документов о сотрудничестве). URL: https://news.cnstock.com/news,bwkx-202202-4822729.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Кун Цинфэн, Дун Хунвэй 2015 — 孔庆峰、董虹蔚："一带一路"国家的贸易便利化水平测算与贸易潜力研究［J］. 国际贸易问题，2015(12): 158-168 (*Кун Цинфэн, Дун Хунвэй*. Расчет уровня содействия торговле и торгового потенциала стран «Один пояс, один путь» // Гоцзи маои вэньти [Journal of International Trade]. 2015 (12). С. 158–168).

Ли Цзянган — 李建刚："一带一路"在越南落地市面林的风险挑战和对策研究 (*Ли Цзянган*. Исследование рисков, вызовов и мер противодействия

реализации инициативы «Один пояс, один путь» во Вьетнаме). URL: https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-WHRS202002014.html (дата обращения: 17.08.2022).

Ли Чонва 2020 — Lee Jong-Wha. 东亚经济体应如何防范日本化 (*Ли Чонва*. Как страны Восточной Азии должны предотвратить японизацию). URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/east-asian-economies-avoid-japan-trap-by-lee-jong-wha-2020-01/chinese (дата обращения: 17.08.2022).

Лю Цинцзянь, Фан Цзиньчэн 2015 — 刘青建、 方锦程：恐怖主义的新发展及对中国的影响 [J]. 国际问题研究, 2015, 57(4): 114-126 (*Лю Цинцзянь, Фан Цзиньчэн*. Новые явления в развитии терроризма и их влияние на Китай // Гоцзи вэньти яньцзю [China International Studies]. 2015 (4). С. 114–126.

Обзор китайско-корейского сотрудничества 2020 — 中韩科技合作概况 (Обзор китайско-корейского научно-технического сотрудничества). URL: http://kr.china-embassy.gov.cn/zhgx/sbgxx/202004/t20200423_1365477.htm (дата обращения: 17.08.2022).

План развития 2019 — 沿中蒙俄开发开放经济带发展规划（2018年--2025年) (План развития экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025). URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/98763.html (дата обращения: 10.04.2021).

Сюй Сянмэй 2019 — 徐向梅：俄罗斯政治文化传统与国家发展道路选择 (*Сюй Сянмэй*. Российские политические и культурные традиции и выбор пути развития Китая). URL: http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0829/c427165-31325636.html (дата обращения: 05.03.2021).

У Юньюн, Ван Бинфэн 2020 — 吴云勇、王炳峰：中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建 (*У Юньюн, Ван Бинфэн*. Возможности, существующие проблемы и предложения по оптимизации китайско-российского регионального торгово-экономического сотрудничества). URL: http://www.chinaru.info/zhongejmyw /jingmaotegao/61663.shtml (дата обращения: 10.04.2021).

Фэн Лян, Ду Бо 2016 — 冯梁、杜博：对南海航行自由与安全稳定问题的理性认识 (*Фэн Лян, Ду Бо*. Рациональное понимание вопросов свободы судоходства, безопасности и стабильности в Южно-Китайском море). URL: https://giis.gdufs.edu.cn/info/1310/5601.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Хань Цзиньмин 2018 — 韩金铭：日本的东亚意识和东亚—体化政策(硕士学位论文, 黑龙江大学, 2018 (*Хань Цзиньмин*. Восточноазиатское сознание Японии и политика интеграции в Восточной Азии. Магистерская дисс. Хэйлунцзянский университет, 2018). URL: https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD201802&filename=1018083526.nh (дата обращения: 17.08.2022).

Хуан Яньчжэнь 2019 — 黄彦震：论侵华日军第七三一部队与日本军国主义的关系[J].青海师范大学学报(哲学社会科学版), 2019, 41(05): 67-72 (*Хуан Яньчжэнь*. О связи «Отряда 731» японских оккупантов с японским милитаризмом // Цинхай шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) (Журнал Цинхайского педагогического университета

[Философия и социальные науки]. 2019(5). С. 67–72). DOI:10.16229/j.cnki.issn1000-5102.2019.05.012 (дата обращения: 17.08.2022).

Цзоу Лэй 2015 — 邹磊：中国“一带一路”战略的政治经济学. 上海：上海人民出版社，2015 (*Цзоу Лэй*. Политическая экономия китайской стратегии «Одного пояса и одного пути». Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2015).

Цзян Юйшань 2018 — 蒋玉山. “一带一路”视阈下中越合作机遇与前景——基于越南交通基础设施建设的考察 [J]. 钦州学院学报, 2018, 33(07): 26-32 (*Цзян Юйшань*. Возможности и перспективы китайско-вьетнамского сотрудничества в проекте «Один пояс, один путь» – на основе исследования строительства транспортной инфраструктуры Вьетнама // Цинчжоу сюэюань сюэбао [Журнал Цинчжоуского университета]. 2018(07). С. 26–32). DOI:10.19703/j.bbgu.1673-8314.2018.07.0026 (дата обращения: 17.08.2022).

Цюй Вэньцзя 2021 — 曲雯嘉：“21世纪海上丝绸之路”沿线国家互联互通研究之越南 (*Цюй Вэньцзя*. Вьетнам: исследование взаимосвязи стран вдоль Морского Шелкового пути XXI века. 2021). URL: https://cpfd.cnki.com.cn/Article/CPFDTOTAL-KJQY201704002003.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Чжан Вэньму 2015 — 张文木：从整体上把握中国海洋安全—“海上丝绸之路”西太平洋航线的安全保障、关键环节与力量配置 [J]. 当代亚太, 2015(5): 88–106 (*Чжан Вэньму*. Взгляд на морскую безопасность Китая в целом: гарантия безопасности, ключевые связи и распределение сил на Морском Шелковом пути и Западно-Тихоокеанском пути // Дандай ятай [Journal of Contemporary Asia – Pacific Studies]. 2015 (5). С. 88–106). URL: https://giis.gdufs.edu.cn/info/1306/7382.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Чжан Чунь 2020 — 张春: 盘点 «冰上丝绸之路»上的项目. 09.01.2020 (*Чжан Чунь*. Инвентаризация проектов Арктического пояса Шелкового пути). URL: https://chinadialogueocean.net/zh/2/77431/ (дата обращения: 17.08.2022).

Чжан Юньлин 2015 — 张蕴岭：“一带一路”要应对的三大挑战 (*Чжан Юньлин*. Три важных вызова «Одному поясу и одному пути», на которые следует реагировать // Чжунго цзинцзи чжоукань [China Economic Weekly]. 2015. № 17. С. 177–184). URL: http://comment.cfisnet.com/2015/0506/1301317.html (дата обращения: 17.08.22).

Чжан Юньлин 2017 — 张蕴岭：日本的亚太与东亚区域经济战略解析 (*Чжан Юньлин*. Анализ региональной экономической стратегии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Восточной Азии). URL: http://www.rbxk.org/Show/1404?itemID=13934.htm (дата обращения: 17.08.2022).

Чу Инь, Гао Юань 2015 — 储殷、高远：中国“一带一路”战略定位的三个问题［J］. 国际经济评论，2015 (2): 90-99 (*Чу Инь, Гао Юань*. Три вопроса стратегического позиционирования китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Гоцзи цзинцзи пинлунь [International Economic Review]. 2015 (2). С. 90–99).

Чэнь Вэйгуан, Ван Янь 2016 — 陈伟光、王燕：共建“一带一路”：基于关系治理与规则治理的分析框架［J］. 世界经济与政治，2016（6）：93-

112 (*Чэнь Вэйгуан, Ван Янь*. Создание инициативы «Один пояс, один путь»: аналитические рамки, основанные на управлении отношениями и управлении правилами // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2016 (6). С. 93–112).

Ян Сылин 2015 — 杨思灵："一带一路"倡议下中国与沿线国家关系治理及挑战 [J].南亚研究, 2015(2): 15-34 (*Ян Сылин*. Отношения Китая с государствами, расположенными по маршрутам «Одного пояса и одного пути»: управление и вызовы // Нанья яньцзю [South Asian Studies]. 2015, № 2. С. 15–34).

Янь Цзяци 2005 — 嚴家祺：中俄邊界問題的十個事實——回應俄羅斯駐中國大使館公使銜參贊岡察洛夫等人文章 (*Янь Цзяци*. Десять фактов о проблеме китайско-российской границы: ответ на статью советника-посланника посольства России в Китае Гончарова и других). URL: https://www.cuhk.edu.hk/ics/21c/media/online/0501021.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

Сведения об авторах

БАБАЕВ Кирилл Владимирович – доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН), президент Национального координационного центра международного делового сотрудничества, профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований (ФПВИ), член РСМД.

About the Authors

Kirill BABAEV – Doctor of Philology; Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; President, National Coordination Center for International Business Cooperation; Professor, Financial University of the Government of Russia.

Sergei LUZYANIN – Doctor of History; Professor, Dept. of Foreign Regional Studies, Faculty of World Economy and World Politics, Higher School of Economics; Professor, Dept. of Oriental Studies, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; President, Foundation for Support of Oriental Studies.

Научное издание

Бабаев Кирилл Владимирович,
Лузянин Сергей Геннадьевич

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Восточноазиатский вектор России
(2014–2024)

Утверждено к печати
Ученым советом Института Китая и современной Азии РАН

Корректор Н.И. Иванова
Верстка О.В. Волкова

ФГАУН Институт Китая и современной Азии РАН
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
тел.: +7(499) 124 02 17
e-mail: info@iccaras.ru
https://www.iccaras.ru

Подписано в печать 02.04.24
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная
П. л. 16,0. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,5. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 300 экз.

Издатель — Российская академия наук
Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 11.04.2024 № 1
и распространяется бесплатно